

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№29

февраль 2014

Информационно-аналитический журнал
современный
Иран

№ 29
февраль 2014 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	Саудовская Аравия готовится к большой войне <i>Самсонов Александр</i> 49
Турция в новой политике Ирана <i>Николай Бобкин</i> 5	Венские надежды: Иран, «Шестерка» и новый раунд переговоров.....56
Россия — Иран: Проблемы экономического диалога <i>Игорь Николаев</i> 10	Россия — Иран — США: Новые контуры региональной безопасности <i>Николай Бобкин</i> 60
Власти США не советуют расширять экономическое сотрудничество с Ираном из-за санкций <i>Дмитрий Кирсанов</i> 16	Россия — Иран: Вопросы культурного взаимодействия <i>Геннадий Литвинцев</i> 65
В ожидании перемен <i>Сергей Мануков</i> 18	США-Израиль: пропасть не дадим, но измениться заставим <i>Игорь Николаев</i> 71
Иран и терроризм: мифы и реальность <i>Икрам Сабиров</i> 20	Иран после санкций и интересы России <i>Николай Бобкин</i> 76
Исламская революция в Иране: Заря нового мира <i>Игорь Николаев</i> 25	Главный источник ирано- пакистанской напряженности <i>Антон Евстратов</i> 80
Революция духа в бездуховном мире <i>Геннадий Литвинцев</i> 29	Над Ливаном нависла неотвратимая война.....85
Опасные советы Константина Симонова <i>Игорь Николаев</i> 34	Проект иранофобии дал серьезную трещину <i>Мохаммад Казем Саджадпур</i> 89
Ядерная программа Ирана не является предметом торга <i>Николай Бобкин</i> 40	США и Запад не поспевают за Ираном.....94
Антииранский «танк» Уэнди Шерман <i>Икрам Сабиров</i> 45	

Краткое содержание номера

Февраль нынешнего года был одним из самых спокойных месяцев для политических дебатов вокруг Исламской республики, что дало возможность авторам и редакции «Современного Ирана» более глубоко проанализировать как нюансы отношений Ирана с другими странами, так и «тонкости» некоторых политических вопросов дискуссии Тегеран с остальным миром. Материалы такого характера и составили содержание очередного, 29-го номера журнала «Современный Иран».

Разумеется, невозможно было обойти вниманием центральное событие февраля — 35-ю годовщину Исламской революции, всемирно-историческое значение которой крепнет год от года. «Ожесточенные споры на Западе о характере и, главное, об итогах этой революции лишь подтверждают очевидное: после нее Восток стал иным. И нынешняя «турбулентность региона», арабские «весна и осень», западное «переформатирование» и исламское Пробуждение — лишь запоздалая реакция на события февраля 1979 года в Тегеране», — говорится в статье «Исламская революция в Иране: Заря нового мира». Геннадий Литвинцев в материале «Революция духа в бездуховном мире» развивает этот тезис, особо подчеркивая, что «экономические и социальные вопросы были подчинены в ней задаче духовного освобождения, религиозного обновления народа — наиболее сущностной и глубокой по содержанию из всех возможных в историческом творчестве. «Сначала Ислам, затем все остальное», — подчеркивал имам Хомейни. В сакральном смысле иранский народ освобождал себя от власти тьмы и зла и заново присягал Богу».

Сила идей Исламской революции отчетливо проявляется в противостоянии режиму санкций. Именно верность этим идеям обеспечила то, что санкции ослабевают, а Иран крепнет. «США активно убеждают зарубежных партнеров пока не расширять экономическое сотрудничество с Ираном, поскольку ключевые международные и односторонние санкции против Тегерана продолжают действовать», — говорится в материале «Власти США не советуют расширять экономическое сотрудничество с Ираном из-за санкций», но на остальной мир это уже не производит впечатления. Что вызывает недовольство Вашингтона и его представителей вроде Уэнди Шерман, политическим взглядам которой посвящена отдельная статья «Антииранский „танк“ Уэнди Шерман», в которой, в частности, говорится: «Предельно резкие заявления в адрес Москвы и Тегерана, сделанные третьим по статусу чиновником Госдепартамента США, заместителем по политическим вопросам Уэнди Шерман, несомненно отражают антииранскую и антироссийскую позицию администрации Барака Обамы. Но Шерман — это не просто «говорящая голова», повторяющая кем-то написанные тексты. Воинственная риторика отражает и ее собственные политические и даже, если хотите, мировоззренческие взгляды, в которых Иран и Россия прочно занимают место главного «врага»

Отдельный блок содержания журнала составляют статьи, рассматривающие вопросы ирано-российских отношений во всем их многообразии. На вопрос о том, почему зачастую глохнут самые многообещающие программы, проекты и даже подписанные контракты и соглашения пытается найти ответ автор материала «Россия-Иран: вопросы культурного взаимодействия».

Темы экономического сотрудничества пост-санкционного Ирана рассматриваются также в статье *«Иран после санкций и интересы России»*, в которой особо подчеркивается, что «20 февраля завершился очередной раунд переговоров Ирана и шести международных посредников. Стороны согласовали исчерпывающий круг тем и график работы для достижения всеобъемлющего соглашения, которое призвано покончить с подозрениями в адрес ядерной программы Тегерана. Если в итоге будут достигнуты окончательные договоренности, то режим санкций с Тегерана будет снят, двери иранской экономики вновь откроются для зарубежных компаний и инвесторов, но далеко не всех». Еще один материал на эту тему — *«Россия-Иран: проблемы экономического диалога»*, в котором рассматривается животрепещущий вопрос о готовности российского бизнеса к широкомасштабной работе на иранском рынке.

А международный контекст российско-иранского партнерства стал темой материала *«Россия — Иран — США: Новые контуры региональной безопасности»*, в котором подчеркивается, что «американская администрация ведет себя крайне непоследовательно, а ее представители на переговорах сеют недоверие и раздор, выдвигают Ирану все новые и новые требования, не имеющие никакого отношения к его ядерной программе, своими воинственными заявлениями спровоцирует Иран на соответствующую реакцию, рискуя перечеркнуть надежды международного сообщества, связанные с устранением угрозы войны против Ирана и построением новой структуры региональной безопасности на Ближнем Востоке».

Наивным было бы ожидать, что ирано-российское сближение останется вне зоны ожесточенных нападков как извне, так и внутри страны. «Оттепель» в отношении Ирана — Оттепель — это пора, когда на свет вылезают не только цветы, но и поганки. Зубовный скрежет, раздающийся во властных коридорах Вашингтона по поводу того, что задуманное Белым домом сугубо демонстративное мероприятие — «временное ослабление напряженности вокруг Ирана» — вдруг обернулось, о ужас, готовящимся российско-иранским нефтяным соглашением, было подхвачено и российским прозападным лобби. Для клеветнической кампании вмиг нашлись и нужные журналисты, и нужные эксперты. Об одном из таких экспертов — в материале *«Опасные советы Константины Симонова»*. Одним из эффективных инструментов антииранской пропаганды является миф о поддержке Исламской республикой международного терроризма. Всякий раз, когда требуется обоснование жестких мер в отношении Тегерана, западные масс-медиа достают из запасников эту изрядно побитую молью и пропахшую нафталином пропагандистскую рухлядь и трясут ею перед обывателем, не озаботившись даже необходимостью чуть обновить затасканные «аргументы». Подробности — в статье *«Иран и терроризм: мифы и реальность»*.

Иран в региональном балансе безопасности и в двусторонних отношениях, вызовы и перспективы этих отношений рассматриваются в статьях, название которых дает точную географическую привязку рассматриваемых аспектов. В материале *«Турция в новой политике Ирана»* говорится: «Анкара и Тегеран постоянно балансируют на грани конфронтации и добрососедства, имея целый ряд стратегических разногласий по вопросам региональной безопасности... Тем не менее, руководство обеих стран опирается на известный в дипломатии подход «плохой мир лучше доброй ссоры», что и было подтверждено в очередной раз по результатам этого первого визита турецкого премьер-министра в Тегеран после избрания президентом ИРИ Хасана Роухани».

Недавнее похищение иранских пограничников боевиками организации «Джейш аль-Адль» в провинции Систан и Белуджистан не в первый раз привлекает внимание мировой общественности к этой провинции. Данную территорию называют не иначе, как «раковой опухолью» на теле Исламской Республики и сравнивают с таким беспокойным регионом, как российский Северный Кавказ. Кроме того, активность террористов всерьез обострила отношения Ирана с Пакистаном и угрожает всему региону самыми серьезными геополитическими последствиями. Об этом — в материале *«Главный источник ирано-пакистанской напряженности»*.

Произошедший на минувшей неделе очередной взрыв в шиитском районе Бейрута Бир Хасан, возле Культурного центра Ирана, полностью повторил схему двойного теракта 19 ноября прошлого года в этом же районе и почти на том же самом месте. Уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы утверждать, что серия взрывов — это целенаправленная террористическая атака против оси «Тегеран-Хизбалла-Дамаск», которая сегодня является основным препятствием для израильских, саудовских и американских планов по «переформатированию» региона. *«Над Ливаном нависла неотвратимая война»* — констатируется в одноименной статье, рассматривающей аспекты внешней политики США и Ирана в Леванте.

Одним из моторов антииранской коалиции, одним из основных источников угроз для Тегерана продолжает оставаться стратегический партнер США — Израиль. Впрочем, так уж ли безоблачно это партнерство? Ответ — в материале *«США-Израиль: пропасть не дадим, но измениться заставим»*.

Профессор иранского института международных отношений при Министерстве иностранных дел Мохаммад Казем Саджадпур, выступая на конференции о региональном и международном положении Ирана после женевских переговоров, проанализировал дипломатию страны за последние несколько месяцев. Говоря о дипломатии нынешнего иранского правительства, стратегический советник министра иностранных дел Исламской республики выделил три ее основных пункта: правильное понимание сути происходящих процессов, практическая реализация поставленных задач и получение результатов. По его словам, данная дипломатия основывается на крепкой уверенности в собственных силах. В номере — полный текст его выступления, озаглавленного *«Проект иранофобии дал серьезную трещину»*.

Со множеством оговорок и обычной в таком случае словесной эквилибристикой Западу приходится признать то, что давно уже известно остальному миру — Иран демонстрирует в международных делах гораздо большую открытость и честность, чем пораженная иранофобией антииранская коалиция. Это обеспечивало позитивную динамику внешних отношений Ирана с миром в феврале, и мы надеемся, что такая же позитивная динамика будет и в следующем месяце.

Кстати, март нынешнего года будет насыщен событиями на «иранском направлении». Готовящийся визит в Тегеран Кэтрин Эштон, основного архитектора политики Евросоюза в отношении Ирана, визит российского министра Алексея Улюкаева, новый этап борьбы за Сирию, в ходе которого США и антисирийская коалиция постараются сбить Тегеран и Москву с позиций, которые они занимают в отношении Дамаска и законного правительства Сирийской республики, — все это будет определять дальнейшую судьбу проекта «Иранофобия» и внешнеполитическую линию Исламской республики. Но это — уже тема для следующих номеров журнала «Современный Иран».

Николай Бобкин

Турция в новой политике Ирана

Состоявшийся в конце января двухдневный официальный визит премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана в Иран стал очередным поводом для оценок двусторонних отношений между этими странами, которые, как известно, имеют как элементы традиционного соперничества, так и черты устойчивого сотрудничества. Анкара и Тегеран постоянно балансируют на грани конфронтации и добрососедства, имея целый ряд стратегических разногласий по вопросам региональной безопасности. Обе страны открыто заявляют о своем стремлении стать региональным лидером, избрали различные политические модели своего развития и соответствующие им рычаги влияния на ситуацию на Ближнем Востоке. Тем не менее, руководство обеих стран опирается на известный в дипломатии подход «плохой мир лучше доброй ссоры», что и было подтверждено в очередной раз по результатам этого первого визита турецкого премьера в Тегеран после избрания президентом ИРИ Хасана Роухани.

Верховный лидер Ирана аятолла Хаменеи в ходе встречи с турецким премьер-министром назвал связи своей страны с Турцией «уникальными», а «дух братства, любви и дружбы между Тегераном и Анкарой» оценил как не имеющие «в последнее столетие аналогов в мировой истории». Глава ИРИ еще раз напомнил о неизменности внешнеполитической доктрины Тегерана, которая всегда исходила из постулата о том, что «страны не выбирают своих соседей и должны прилагать большие усилия, чтобы предотвратить возникающие кризисы, поддерживать дружеские отношения». По мнению аятоллы Хаменеи, сейчас важно правильно использовать имеющиеся возможности для развития ирано-турецких отношений и необходимо как можно быстрее добиться практической реализации соглашений, заключенных делегацией Эрдогана в Тегеране.

Как видно, Иран не акцентирует внимание на региональном соперничестве, не ставит во главу угла недавние недружественные акты со стороны турецкого руководства по размещению на территории Турции зенитных ракетных комплексов (ЗРК) «Пэтриот» и радара НАТО, не делает препятствием для развития дальнейшего сотрудничества диаметрально противоположные позиции обеих стран по Сирии. Прагматизм дипломатии президента Роухани и здесь заметен, новое руководство исходит из того, что Иран, безусловно, играет на Ближнем Востоке важную, но не единственную роль. МИД Ирана признает право Турции проводить собственную военную политику, которая во многом зависит от обязательств Анкары, вытекающих из членства

в НАТО и из союзных отношений с Вашингтоном. Предсказуемость иранской дипломатии в отношении Турции очевидна, приоритетное направление двустороннего сотрудничества — расширение торгово-экономических связей, в которых накоплен богатый опыт.

На этот раз премьер-министр Эрдоган и иранский вице-президент Джахангири подписали меморандумы о взаимопонимании и об учреждении Верховного совета сотрудничества. Министр промышленности Ирана подписал с турецким министром экономики меморандумы о взаимопонимании в преференциальной торговле и об учреждении между странами совместной торговой комиссии. Достигнутые договоренности должны привести к еще большему укреплению экономического взаимодействия между странами. В ближайшие годы Тегеран и Анкара планируют довести объем взаимной торговли до 30 млрд долларов. Для сравнения можно отметить, что подобный масштаб торгового сотрудничества сопоставим лишь с торговлей Ирана с Китаем и в десять раз превышает показатели торгово-экономического сотрудничества с Россией в 2013 году. В ущерб своим национальным интересам ни Иран, ни Турция не пошли на потерю такого торгово-экономического сотрудничества под давлением американских санкций, Анкара не поддержала нефтяное эмбарго Евросоюза.

Энергетическая составляющая в экономических отношениях остается доминирующей и является для Турции вопросом стратегической важности. В отличие от некоторых европейских стран, Турция — это не та страна, которая импортирует из Ирана лишь 3–5% своих потребностей в нефти. Анкара ежедневно импортирует около 200 тыс. баррелей, что составляет 7% от всего экспорта иранской нефти. Иран обеспечивает 30% внутренних потребностей Турции в нефти, ежегодно импортируется 8 млн т нефти. Турецкий рынок экспорта газа для Ирана сейчас остается самым крупным. По данным министерства нефти Исламской Республики, суточный объем поставок природного топлива в Турцию составляет около 28 млн куб. м, что в целом превышает 10 млрд кубометров в год, покрывая четверть всех турецких потребностей в природном газе. Нет оснований считать, что Анкара захочет отказаться по доброй воле от иранского газа, тем более, когда речь идет о снижении цен, однако подобное стремление турок вряд ли способно оказать существенное влияние на общую ситуацию в энергетическом сотрудничестве сторон.

Иран хотел бы получить согласие на значительный рост экспорта своего газа, но пока достичь реализации этого плана не удастся по ряду причин. Так, на турецком направлении серьезную конкуренцию для иранцев создает экспорт российского газа. Турция остается единственным растущим рынком для России. Сегодня все еще не снятые санкции ЕС в отношении Тегерана отдаляют перспективу экспортных поставок иранского газа в европейские страны через Турцию, но не исключают их в будущем. Не стоит забывать, что уже сейчас существующий в Турции газопровод позволяет прокачивать до 40 млн куб. м иранского природного газа в сутки, и около 25–30 млн куб. м можно было бы поставлять в европейские страны. У Ирана и Турции есть совместные замыслы по транспортировке газа в Европу.

Турция в перспективе не исключает возможность стать транзитным коридором между Европой и Ираном, через территорию которого, в случае отмены санкций против ИРИ и нормализации отношений Тегерана с Запа-

дом, могут быть проложены новые маршруты транспортировки газа. Речь, в первую очередь, идет о среднеазиатском газе из Туркмении и Казахстана. Ведь прокладка планируемого Евросоюзом и отвергаемого Россией Транскаспийского газопровода не по дну Каспийского моря, а через иранскую Прикаспийскую низменность является наиболее предпочтительной с точки зрения себестоимости, экологии, технических решений. Турция негласно поддерживает этот иранский проект, рассчитывая снизить зависимость от российского газа и получить весомые валютные средства за транзит газа из Ирана, который, в свою очередь, заинтересован в экспорте и своего газа в Европу с месторождения «Южный Парс».

Разумеется, что подобное стремление у европейцев возможно после отмены санкций, ряд европейских компаний ранее официально обращались в Иран за импортом природного газа, но жесткая позиция США в обеспечении соблюдения Евросоюзом антииранских санкций, по сути, заморозила любые подвижки на этом направлении. Поэтому в первоочередных планах руководства Ирана — ускоренная переориентация экспорта энергоносителей с европейского на азиатские рынки. В этих целях важнейшим направлением политики Ирана в газовой области является выход на внешние газовые рынки в соседних странах, таких, как Пакистан, Ирак с продолжением трубопровода в Сирию. Тем не менее, принципиальное согласие Анкары на экспорт газа в Европу через турецкую территорию было подтверждено и в ходе этого визита Эрдогана.

Турецкое руководство обеспокоено перспективами Анкары в отношении с Тегераном после ожидаемой нормализации отношений Ирана и Запада. Очевидно, что после частичного, а в будущем, возможно, полного снятия санкций в отношении ИРИ, статус Тегерана в региональных процессах может серьезно повыситься, признаки этого уже заметны. Турция вполне может потерять свое значение региональной сверхдержавы, а проект Анкары с планами расширения своего влияния на арабский мир может не состояться. Сейчас различия в перспективных моделях развития Ирана и Турции, прежде всего, во внешнеполитической модели, представляются в пользу Тегерана. Соперничество Турции и Ирана идет параллельно и заставляет США и ЕС смириться с мыслью, что им придется в скором времени считаться с лидерством одной из этих стран в исламском мире. Претензии еще одного регионального лидера Саудовской Аравии основываются на поддержке радикальных исламских сил, в роли кукловодов которых часто выступают поощряемые Эр-Риядом террористические группировки. Эпоха прямого влияния США и Запада на страны Ближнего Востока уходит, а Иран все более представляется в роли самого предсказуемого и надежного партнера. Естественно, что Запад предпочел бы сделать выбор в пользу Анкары, связанной союзными обязательствами с НАТО, но и Иран не намерен отступать, выбрав себе союзника в лице России, которая и в отношении Турции проводит политику развития партнерских отношений. Москва заинтересована в укреплении политического сотрудничества между Анкарой и Тегераном, а вот американская ставка делается на недопустимость ирано-турецкой консолидации по ключевым проблемам Ближнего Востока.

Действительно, несмотря на некоторые совпадения в подходах к региональным вопросам, Турция отличается от Ирана по таким вопросам, как безопасность и региональный контур ее совместных действий с США и НАТО,

отношение к ситуации в Сирии, подходы к сотрудничеству с Саудовской Аравией и другими монархиями Персидского залива. Главной точкой несовпадения интересов Ирана и Турции стала Сирия, в отношении которой стороны занимают диаметрально противоположные позиции, твердо их отстаивают и не подают каких-либо признаков к принципиальному пересмотру своей сирийской политики. Тегеран безоговорочно поддерживает Дамаск, считая его своим ближайшим союзником в регионе, в то время как Анкара входит в число наиболее решительных противников режима президента Башара Асада, предоставляя свою территорию для транзита боевиков, направляющихся в Сирию, и базирования различных группировок сирийской оппозиции. Не случайно, сирийская тематика во время встречи Эрдогана с президентом Роухани была одной из главных, но стороны ограничились лишь обменом мнениями, каких-либо договоренностей, указывающих на сближение позиций сторон, нет. Как заявил Эрдоган после встречи, стороны «не пришли к конкретным решениям по Сирии, так как у них кардинально различные подходы к этой проблеме».

Разногласия могут и дальше обостряться, если только Анкара не откажется от планов по насильственному свержению законного правительства Сирии и не решится на конструктивное сотрудничество для нахождения мирного решения в соответствии с предложениями России и Ирана. Экономические связи Турции и с Москвой, и с Тегераном очень ощутимые, а вот стратегическая линия стран в региональной политике достаточно противоречивая. Анкара оказалась в числе тех государств, которые в одностороннем порядке ориентируются лишь на сирийскую оппозицию. Иранская сторона в рамках этого визита была вправе рассчитывать на предложения от Анкары по корректировке проводимой Турцией политики в сирийском вопросе, но не получилось. Не желая присоединяться к взвешенному подходу к разрешению сирийского кризиса, Турция демонстрирует слепое непонимание происходящих перемен в расстановке сил на Ближнем Востоке.

Идти навстречу здравому смыслу правительство Эрдогана не готово, игнорируя всю трагичность ситуации в соседней Сирии, где по вине поддерживающих террористов стран ежедневно гибнут сотни мирных граждан. Премьер-министр Турции, выступая в Тегеране по итогам своего визита перед журналистами, отметил, что уже запросил у своих подчиненных данные по гуманитарной обстановке в Сирии. Поразительная неосведомленность, ведь весь мир знает, что только за время проведения в Швейцарии переговоров между представителями Дамаска и сирийской оппозиции в самой Сирии погибли 1900 человек, в том числе 430 мирных граждан. Невзирая на это, США вновь озвучили поддержку вооруженной оппозиции Сирии. В Тегеране премьер Турции говорил о том, что его правительство призывает страны-покровители прекратить поддерживать и финансировать боевиков, однако в отличие от России и Ирана, осудивших последнее решение Вашингтона, турецкого голоса «против» мы не услышали. Поэтому и не будем принимать во внимание заявление министра иностранных дел Ахмета Давутоглу, сделанное после встречи с иранским коллегой Джавадом Зарифом, о том, что «несмотря на некоторые противоречия по урегулированию сирийской проблемы, в мирном ее решении Иран и Турция сходятся».

Позиция Ирана понятна, Тегеран выступает против влияния нефтедолларов монархий Персидского залива на мировую политику и безопасность

всего Ближнего Востока. Иранское руководство не желает, чтобы, к примеру, карликовый Катар превратился в регионального спонсора терроризма и играл роль вершителя судеб арабских государств региона. Это же можно сказать и в адрес Саудовской Аравии, чьи нефтедоллары легко открывают двери президентских дворцов во многих странах Запада, продающих свои принципы в обмен на миллиарды. Демарши администрации Обамы против участия Ирана в прошедшей конференции «Женева-2» выглядят нелогично, но они были хорошо мотивированы желанием угодить Эр-Рияду. Америка не желает оказывать давление на катарцев и саудитов, которые экспортируют терроризм, направляют боевиков, снабжают деньгами и оружием террористические организации в Сирии. А ведь именно международные санкции против этих стран, являющихся теневыми спонсорами войны, могли бы стать конкретным и весомым результатом Женевской конференции.

Однако сбился прогноз главы внешнеполитического ведомства России Сергея Лаврова, который предупреждал, что «проведение конференции без Ирана грозит стать профанацией». Действительно, предложение Ирана о том, что вначале следует остановить войну, а только потом можно говорить о каких-то политических переменах, на конференции даже не обсуждалось. Тем не менее, иранское руководство продолжает придерживаться уверенности в том, что сирийская оппозиция никогда не сможет свергнуть режим президента Башара Асада. Попытки США превратить «Женева-2» в прелюдию отстранения президента Асада от власти не могли быть одобрены в Москве и Тегеране, в итоге конференция превратилась в политическое шоу, явно указывающее на неспособность администрации президента Обамы найти пути урегулирования ближневосточных конфликтов.

***

В заключение, вполне оправдано посмотреть на перспективу ирано-турецких отношений в более широком контексте стратегий Ирана и Турции в арабском мире в целом. Географически и политически обе мусульманские страны тяготеют к Ближнему Востоку, однако продолжают этнически оставаться чужими для арабского большинства, в среде которого также нет единства, а после революций и восстаний «арабской весны» еще и образовался определенный вакуум центра региональных сил, на замену которого готовы себя предложить и Турция, и Иран. Ранее Иран, не без оснований рассчитывал, что продвижение единства среди мусульманских стран станет одним из главных приоритетов внешней политики Турции, во главе которой с 2003 года стоят исламистские деятели. Однако на практике для Арабского Востока Турция и Иран все же остались региональными соперниками. Внешняя политика Турции все более концентрируется на актуальных проблемах Ближнего Востока, и ни о какой солидарности или взаимодействии с Исламской республикой речи нет, что и красноречиво доказывает сирийский опыт. Президент Башар Асад называет Турцию наряду с Саудовской Аравией и Катаром в числе главных противников сирийского народа из-за их особого вклада в жуткое кровопролитие и навязанной Сирии гражданской войны.

Игорь Николаев

Россия — Иран: Проблемы экономического диалога

«**Б**ольшой нефтяной контракт» между Москвой и Тегераном в ближайшее время скорее станет реальностью, и это, пожалуй, самая позитивная новость в российско-иранских отношениях за последние месяцы. Состояние остальных проектов нашего участия во вновь открывающемся иранском рынке требует серьезного и, по большей части, острого обсуждения.

Слова Владимира Путина, сказанные им в январе министру иностранных дел Ирана Джаваду Зарифу о том, что «у нас очень большая двусторонняя повестка дня и, в первую очередь, в наших торгово-экономических отношениях», наполнились конкретным содержанием в кратчайшие сроки. Чего, похоже, Запад совершенно не ожидал. А получив информацию о готовящемся контракте, которую Россия, нужно заметить, особо и не скрывала, отреагировал в традиционной своей манере — слухи, сплетни, подковерный шантаж и прямое дипломатическое давление. Ну и «двойные стандарты», разумеется, поскольку, оказывается, то, что позволено в отношении Ирана компаниям государств-членов НАТО, то никак не позволено России. Совершенно очевидно, что «Большой нефтяной контракт» позволит России увеличить товарооборот с Ираном на порядок, и мы, наконец, сможем избавиться от достаточно странного состояния, когда цифры объема торговли нашей страны с региональной державой, нашим ближайшим соседом и одной из наиболее динамичных экономик мира будут сопоставимы с товарооборотом между Ираном и Афганистаном (\$2,9 миллиарда по итогам 2013 года).

Но столь же очевидно, что наше «возвращение» на иранский рынок будет осложнено, во-первых, активным внешним сопротивлением со стороны США и их союзников. Во-вторых, слабой конкурентоспособностью российского бизнеса и, в-третьих, неприспособленностью российских государственных и частных структур к динамичной экономической политике. Разумеется, и отечественное прозападное лобби приложит все усилия к саботажу торгово-экономических связей с Исламской республикой, но этот «фактор пятой колонны» присутствует всегда, когда речь заходит о российско-иранских отношениях, а уж в отношении крупных отечественных компаний, живущих по принципу «лишь бы не раздражить дядюшку Сэма», и подавно.

Иранская развилка Обамы

Экономический ажиотаж, который устроили вокруг Ирана крупнейшие западные компании, стал для Вашингтона достаточно неприятным сюрпризом. Проблема для Обамы и Керри здесь заключается в том, что процесс «оттепели», планировавшийся ими как элемент манипуляций в отношении Исламской республики, откровенно вышел из-под контроля США. Сегодня Вашингтону не остается ничего другого, как делать «хорошую мину при плохой игре». Официально Белый дом предупредил и предостерег своих партнеров о том, что «оттепель» — явление временное, что вопрос о снятии санкций окончательно не решен, что в любой момент все может вернуться на круги своя, а компании, особо усердствующие в возобновлении экономических связей с Тегераном, рискуют попасть под штрафы.

Именно такую позицию Белого дома в январе озвучивал срочно прилетевший в Анкару накануне визите премьера Эрдогана в Тегеран заместитель министра финансов США по вопросам терроризма и финансовой разведки Дэвид Коэн. В ходе своего «блиц-визита» он прямо заявил, что «турецкие компании, рассчитывающие на контракты в Иране, должны повременить». Турецкое бизнес-сообщество Коэна выслушало, но, судя по итогам поездки турецкого премьера в Иран, вежливым вниманием к выступлению американского замминистра все и ограничилось. Начавшийся ажиотаж по поводу открывающегося иранского рынка для зарубежных компаний диктует и турецким предпринимателям, и их коллегам из Европы собственную логику и динамику поведения, от пожеланий США достаточно мало зависящую.

Но — формальности соблюдены, замминистра «отработал номер», Обама может доложить Конгрессу, что все под контролем. Впрочем, демократы в Белом доме не были бы демократами, если бы не измыслили в отношении западного ажиотажа «хитрый ход». По мнению некоторых американских экспертов, активность европейских компаний в Иране может сыграть на руку США в случае нового этапа обострения отношений с Тегераном: «В определенном смысле мы можем очень неплохо использовать складывающуюся ситуацию в дальнейшем давлении на Иран. Европейцы смогут поправить свое финансовое благополучие, снять сливки с благоприятной конъюнктуры. И пусть Тегеран заключает больше контрактов, запускает больше проектов с участием иностранных инвесторов. Тем больнее для него будет разрыв налаживаемых сегодня связей, если мы решим вновь ввести тотальные санкции. В этот раз его экономика уже точно не выдержит». Но, подобную тактику, особенно в части «снятия сливок», Вашингтон готов позволить лишь своим стратегическим партнерам. К России это явно не относится.

Торжество двойных стандартов

Лояльность США в отношении турецко-иранских контрактов — не единственный случай, когда Вашингтон ограничивается простым предупреждением, не влекущим за собою сколько-нибудь ощутимых последствий. В 2012 году объем официального товарооборота между двумя этими странами (одна из которых, кстати, член НАТО) составил \$22 миллиарда долларов, а на пике санкционного режима в 2013 году «просел» лишь до \$20 милли-

ардов. В самые тяжелые периоды ирано-американских отношений Тегеран оставался для Турции третьим по объемам рынком экспорта. И Вашингтон спокойно это переносил, воспринимая получаемую предпринимателями Турции (равно как и бизнесменами из Эмиратов, Швейцарии и далее по списку) прибыль как своеобразную «плату за лояльность».

В минувшем месяце стало известно о том, что Индия и Иран возобновили переговоры о реализации проекта строительства газопровода стоимостью несколько миллиардов долларов. Кроме того, Тегеран и Нью-Дели ведет переговоры об участии компаний из Индии в освоении иранского газового месторождения Farzad B. Особых протестов в Вашингтоне это не вызвало, поскольку, по большому счету, эта сделка встраивается в реализацию проекта «Нового шелкового пути», который США в архив сдавать не намерены и рассматривают как элемент долгосрочной стратегии по поддержанию собственного доминирования в Центральной и Южной Азии.

В минувшем месяце стало известно о том, что Индия и Иран возобновили переговоры о реализации проекта строительства газопровода стоимостью несколько миллиардов долларов

Ситуация коренным образом изменилась, как только в Белом доме получили информацию о готовящемся «большом нефтяном контракте» между Тегераном и Москвой. Вначале был создан информационный фон: сразу несколько масс-медиа представили данный контракт как элемент «секретной дипломатии Кремля», «сепаратную сделку в нарушение Женевских договоренностей и соглашений с США по иранскому вопросу». Ну,

а дальше и вовсе доверительно поведали, что в обмен на полмиллиона баррелей иранской нефти в день Россия намерена снабжать Иран новейшими средствами вооружений. После этого в дело вступила уже «тяжелая артиллерия». В Совете безопасности США намечающийся контракт расценили как нарушение международных санкций по отношению к Ирану, не особо обращая внимание на то, что Россия четко и недвусмысленно дала понять, что односторонние санкции в отношении Ирана считает неправомерными. Официальные представители США по различным каналам уже предупредили Москву, что подписание контракта повлечет за собой экономические санкции против российских предпринимателей, компаний и банков, участвующих в российско-иранских экономических проектах. Стремление США не допустить Россию на иранский рынок стало совершенно очевидным даже для тех, кто еще питал какие-то иллюзии в данном вопросе.

В чем наша слабость?

Российский бизнес на иранском рынке заведомо слабее своих западных конкурентов. Он не умеет демпинговать, у него нет серьезной практики долгосрочных экономических проектов. Он практически не обеспечен финансово, поскольку, опять же — в отличие от западных компаний, не имеет доступа к дешевым «долгим кредитам». Государство не оказывает ему никакой помощи, оно практически самоотстранилось (в отличие от правительства Китая, которое компенсирует больше половины расходов сво-

их компании, связанных с их выходом на зарубежные рынки). Вдобавок к этому — незнание специфики и особенностей как самого иранского рынка, языка общения и, главное, менталитета иранских предпринимателей, а это очень серьезный барьер, способный довести до отчаяния любого, кто решил «с нуля» завязать деловые отношения с Исламской республикой. Если французские, немецкие, не говоря уже об английских и турецких, компании имеют за плечами по 30–40, а то и по полсотни лет истории деловых отношений с Ираном, то у наших бизнесменов такие традиции отсутствуют. Сказанное не относится к межгосударственным проектам, в соответствии с которыми в Иране с помощью советских специалистов в свое время были построены несколько крупных промышленных предприятий, которые до сих пор работают и оставили глубокий позитивный след в сознании иранцев. Но таких примеров крайне мало. В новейшей истории, например, с помощью российских специалистов был осуществлен всего один проект — Бушерская АЭС, и то его реализация длилась непросто долго и с серьезным имиджевым шлейфом.

Немаловажно и то, что иранским бизнесменам и технократам Запад понятен больше, чем российский бизнес. Они тесно с ним работали, многие из них получили образование в Европе, хорошо разбираются в плюсах и минусах как в западном стиле ведения дел, так и в особенностях практических подходов к решению того или иного проекта. Не менее серьезной проблемой является и общее технологическое отставание российской производственной базы. Нам, по сути, нечего предложить Ирану в таких столь важных для него областях, как станкостроение, автопром и электроника. Большим заблуждением было бы считать, что в период санкционного режима Иран был отрезан от передовых технологий. Ведь именно в этот период Исламской республике удалось совершить прорыв в космос, добиться лидирующих позиций в тех же нанотехнологиях, создать одну из самых эффективных в мире служб кибербезопасности, которая более чем серьезно воспринимается Западом. 5% ВВП, выделяемых ежегодно на образование, 92 университета, 56 технологических институтов и 512 филиалов «открытого университета Payame Noor» — это гарантия высокого технологического уровня и квалифицированных кадров рабочих и инженеров.

Нам, по сути, нечего предложить Ирану в таких столь важных для него областях, как станкостроение, автопром и электроника

Еще сложнее выглядит ситуация для так называемого «российского крупного бизнеса». Как огромное достижение подается то обстоятельство, что в Тегеране на днях побывал Игорь Иванов (бывший министр иностранных дел РФ и экс-секретарь Совета безопасности, ныне являющийся председателем комитета по стратегии и инвестициям совета директоров ЛУКОЙЛа), а лично глава ЛУКОЙЛа Вагит Алекперов во время встречи с послом Ирана в России Мехди Санаи заявил о том, что российские нефтяные компании готовы вернуться на иранский энергетический рынок, и, как сообщается, «выразил надежду на дальнейшее расширение сотрудничества между двумя странами в области энергетики».

Кстати, не лишним будет напомнить, что когда американские деловые круги предложили ЛУКОЙЛу выбор — либо выгоднейший контракт с Ираном,

либо возможность продолжать свой бизнес на Западе, то ЛУКОЙЛ с изумительной поспешностью разорвал все договоренности с иранской стороной и свернул свои проекты в Иране. Даже сейчас, на встрече с послом, господин Алекперов не удержался от того, чтобы не заметить, что «возвращению Лукойла и других зарубежных компаний на иранский энергетический рынок во многом способствуют изменения, происходящие на международной арене». Разница лишь в том, что эти «другие зарубежные компании» уже возвращаются и агрессивно столбят за собою участки иранского рынка, а ЛУКОЙЛ — только собирается, ищуще вглядываясь при этом — не нахмурит ли брови «дядя Сэм»...

«На самом деле только ленивый еще не побывал в Иране. Он постепенно превращается в «политико-экономический Куршевель»»

В своем интервью «Коммерсанту» российский посол в Иране Леван Джагарян отметил: «На самом деле только ленивый еще не побывал в Иране. Он постепенно превращается в «политико-экономический Куршевель». Кто только не приезжает, даже крупные бизнесмены из стран, которые ввели односторонние санкции в отношении Ирана и критикуют его за те или иные моменты. Мне коллеги, которые прилетают сюда, говорят, что в самолетах очень много предпринимателей из западноевропейских стран». При этом он как-то очень

тактично умолчал, что аналогичного по интенсивности потока предпринимателей российских пока не наблюдается. Может быть именно поэтому складывается ситуация, когда посол Нидерландов лично принимает участие в бизнес-семинарах с голландскими бизнесменами, а знания российского посла остаются отечественным бизнесом не востребованными?

В чем наше главное преимущество?

Было бы откровенно соблазнительно обсудить в данной статье номенклатуру товаров, пусть и с низкой степенью переработки, которые иранские предприниматели «оторвут с руками». Но более актуальным сейчас представляются следующие пункты. Во-первых, необходимо восстановить объем поставок российской стальной продукции хотя бы до уровня 2011 года (\$2,54 миллиарда долларов с нынешних \$863,2 миллионов). Во-вторых, добиться контракта на поставку оборудования для угольной промышленности Ирана и участия в поставках продукции тяжелого машиностроения для оснащения вновь создаваемых и модернизируемых предприятий иранской горно-металлургической отрасли. В-третьих, реализовать проекты железнодорожного строительства с сопутствующей поставкой необходимого оборудования, вплоть до поставки рельсов, магистральных и маневровых локомотивов, вагонов и другой железнодорожной техники. И, наконец, в-четвертых, осуществить проект по организации поставок гражданской продукции российского авиастроения, аэродромного оборудования, созданию предприятий по ее лицензионной сборке и организации центра технического обслуживания поставленной авиационной техники.

Здесь уместно привести всего лишь один пример. Еще в 2009 году Иран предложил челябинскому заводу «Полет» модернизировать практически все гражданские аэропорты страны, где стояла и продолжала работать чисто

гражданская аэродромная техника 30–40 летней давности, кстати, производившаяся в свое время этим же заводом. Контракт составлял десятки миллионов евро, а с перспективой тянул почти на 100 млн евро. И иранцы готовы были подписать этот контракт без проведения международного тендера. Это пришлось по времени на ранние стадии санкционного периода против Ирана и на второй год президентства Дмитрия Медведева, когда наша антииранская истерия набирала темп и масштаб. Тогда только из-за одного нахмурившего брови дяди Сэма российское руководство запретило «Полету» подписывать этот чрезвычайно выгодный для нашего авиапрома контракт. К сожалению, пока у нас нет законодательной базы для привлечения к ответственности топ-менеджеров государственных компаний и ответственных государственных лиц за принятие ошибочных решений или не принятие своевременных выгодных решений, затрагивающих интересы государства и общества. Кто, например, теперь будет отвечать за упущенную выгоду на десятки миллионов евро с одного только иранского контракта? Если была бы такая законодательная база и она не имела бы срока давности, то сейчас многие лица по многим проектам, в том числе от тогдашнего руководства авиапрома до тогдашнего руководства «Полета», были бы привлечены к ответственности за некомпетентность и ангажированность, за мягкотелость и саботаж, за трусость и непатриотичность.

Возвращаясь к теме, следует отметить, что за рамки этой своеобразной программы-максимум выведены вопросы сотрудничества в сфере строительства новых генерирующих мощностей в энергетике и вопросы военно-технического сотрудничества, поскольку переговоры по сотрудничеству в области энергетике близятся к оптимистическому для России финалу, а ВТС — тема деликатная, требующая отдельного разговора.

***

Главное преимущество российского бизнеса на иранском рынке заключается в двух составляющих. Во-первых, иранская сторона прекрасно понимает, что «безоглядный доступ» западного капитала и западных же компаний таит в себе ряд опасностей и напрямую зависит от политической конъюнктуры. Внешних факторов, способных повлиять на реализацию совместных с Западом проектов, более чем достаточно, от смены хозяина Белого дома до очередного обострения в поведении произраильского лобби. В этих обстоятельствах партнерство с Россией, президентом которой является Владимир Путин, представляется для Тегерана более выгодным, надежным и стабильным. Во-вторых, вопреки всем усилиям прозападного и произраильского лобби в Москве, президенту все же удалось добиться изменения отношения российской политической элиты к сотрудничеству с Ираном. Точно так же, как удалось сделать это и в отношении стратегического партнерства с Китаем, и в отношении идеи Таможенного союза. Изменения эти еще неустойчивы и весьма даже обратимы, но они происходят, вызывая ожесточенное сопротивление и откровенную истерику российской «пятой колонны». Политическая воля к партнерству с Ираном наконец наполнилась конкретным экономическим содержанием. И это вторая составляющая преимуществ российских позиций перед началом захода на иранский рынок.

Дмитрий Кирсанов

Власти США не советуют расширять экономическое сотрудничество с Ираном из-за санкций

США активно убеждают зарубежных партнеров пока не расширять экономическое сотрудничество с Ираном, поскольку ключевые международные и односторонние санкции против Тегерана продолжают действовать. Это подчеркнули во вторник заместитель госсекретаря США по политическим делам Уэнди Шерман и заместитель главы американского минфина Дэвид Коэн.

Выступая на слушаниях в комитете по иностранным делам сената Конгресса США, посвященным урегулированию ядерной проблемы Ирана, Коэн заявил, что, несмотря на достижение постоянной пятеркой Совета Безопасности ООН и Германией предварительной договоренности с Тегераном, «архитектура центральных санкций твердо остается на месте». «Мы продолжаем обеспечивать соблюдение: наших нефтяных санкций, которые привели к сокращению иранского нефтяного экспорта на 60% в течение последних двух лет; наших финансовых санкций, позволивших заблокировать множество активов Ирана в других странах; наших банковских санкций, фактически «отрезавших» банковский сектор Ирана от мировой финансовой системы; наших санкций, касающихся существенных инвестиций в энергетический сектор Ирана, что осложнило добычу им нефти и газа», — сказал Коэн. Он курирует вопросы борьбы с финансированием терроризма и финансовую разведку.

«Чтобы добиться сохранения санкционного давления, мы активно взаимодействуем с иностранными банками, компаниями и коллегами в правительствах... В рамках таких усилий я за последние шесть недель ездил в Великобританию, Германию, Австрию, Турцию и ОАЭ, направляя им следующий сигнал: Иран не открыт для бизнеса», — отметил замминистра финансов США. По его словам, Вашингтон «готов применить свои инструменты против любого нарушителя наших санкций где бы то ни было».

Со своей стороны Шерман уточнила, что происходящее сейчас ослабление режима санкций против Ирана является «временным, ограниченным и точечным».

Несмотря на это, целый ряд американских законодателей указал ей и Коэну на то, что в Иран в последнее время активно ездят делегации иностранного бизнеса. По выражению сенатора Джеймса Риша, Иран «наводнен бизнесменами — французами, итальянцами, ирландцами, канадцами», которые готовы вернуться к «прежней манере ведения дел с иранцами».

Замглавы внешнеполитического ведомства США признала, что в сущности так оно и есть. «Большинство таких делегаций, как представляется, «встают в очередь», ожидая того дня, когда будет достигнуто всеобъемлющее соглашение /между группой «пять плюс один» и Ираном — прим. корр. ИТАР-ТАСС/, если оно будет достигнуто. И мы сказали им всем, что они рискуют своей репутацией, своим бизнесом, если начнут действовать до выстрела из стартового пистолета... Мы предупреждаем их всех о границах того, что они могут делать,.. о том, что мы применим против них санкции, независимо от того, является их страна другом или врагом», — заявила Шерман.

При этом она рассказала, что, в частности, на днях госсекретарь США Джон Керри напрямую выразил недовольство по этому поводу на встрече с министром иностранных дел Франции Лораном Фабиусом, затронув тему поездки в Иран французской торговой делегации.

Коснувшись далее вопроса о предполагаемой подготовке между Москвой и Тегераном соглашения о бартерных закупках иранской нефти Россией, Коэн сказал, что «мы во всей администрации /США/ чрезвычайно напряженно работаем над тем, чтобы такая сделка не была заключена».

Согласно изложенным Шерман сведениям, этот вопрос «напрямую ставился перед Россией на всех уровнях нашего правительства, включая высший». «А госсекретарь Керри и я затрагивали эту тему также непосредственно с Ираном», — добавила дипломат.

Сейчас, по ее словам, возможность заключения такой договоренности Москва и Тегеран не рассматривают. «По моим личным ощущениям, сложившимся в результате обеспечения значительной ясности в этом деле, ничего в настоящее время двигаться вперед не будет. Мы кристально ясно сказали, что такого рода соглашение между Россией и Ираном могло бы подпадать под действие санкций, создавало бы огромные риски внутри группы «пять плюс один», которые бы чрезвычайно осложнили выход на всеобъемлющую договоренность, если бы не вообще сделали это невозможным», — заявила Шерман. «По моим личным ощущениям, это пока вперед не движется», — повторила дипломат.

По выражению сенатора Джеймса Риша, Иран «наводнен бизнесменами — французами, итальянцами, ирландцами, канадцами», которые готовы вернуться к «прежней манере ведения дел с иранцами»

Сергей Мануков

В ожидании перемен

Тегеран получил первые 550 млн долларов из «размороженных» 4 млрд Деньги, сообщает агентство IRNA, уже поступили на счет Центробанка Ирана в одном из швейцарских банков. Следующий транш в сумме 450 млн должен быть переведен 1 марта. 75 млн иранцев ждут изменений жизни к лучшему. Правительство ИРИ уже давно спланировало, на что потратит «размороженные» миллиарды. На них решено закупить лекарства и товары первой необходимости, нехватка которых ощущается все сильнее. На бумаге все выглядит гладко. Однако, как получится в действительности, не знает никто.

В Исламской Республике Иран ждут перемен. Пока, пусть и частично, ожидания, связанные с приходом к власти прошлым летом нового президента Хасана Роухани, сбываются. Долгожданной либерализации иранцы ждут до сих пор, но они надеются, что их жизнь изменится в лучшую сторону хотя бы в материальном плане. Основания для оптимизма есть. После подписания промежуточного соглашения по ядерной программе ИРИ в конце ноября 2013 года и недавнего прекращения обогащения урана Запад объявил о частичной отмене санкций и размораживании ряда счетов в западных банках. Пока обещания выполняют обе стороны. Первый транш уже пришел.

США ввели первые санкции против Тегерана еще в прошлом веке, вскоре после революции 1979 года. В 1980 году, на следующий год после захвата американского посольства в Тегеране, Вашингтон разорвал с Ираном дипломатические отношения и запретил импорт иранской нефти. Через три года президент Рейган объявил Иран государством, поддерживающим терроризм. В 1987 году он подписал новое эмбарго на экспорт американских товаров в Исламскую республику. Эстафету у Рональда Рейгана подхватили его преемники, каждый из которых внес свою лепту в дело ужесточения санкций против Тегерана.

Настоящий «разгул» санкций начался уже в XXI веке. В 2002 году Иран опубликовал свою ядерную программу. На Западе не поверили иранским заверениям, что уран обогащается исключительно в мирных целях, а не для производства ядерного оружия. К тому же Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) не смогло подтвердить эти обещания. Кроме Вашингтона, экономические, финансовые и иные санкции на Иран наложили также ООН, ЕС и отдельные страны. Например, Швейцария, которая в этом году их уже частично отменила.

Санкции вводили много и часто, потому что Тегеран продолжал обогащать уран. ООН, к примеру, в 2006–2010 годах ратифицировала четыре раунда санкций против ИРИ, включая запрет на поставки иранцам оружия. Критическим положение стало в 2012 году, когда США и Евросоюз в очередной раз ужесточили санкции, включив в них иранские банки и экспорт нефти, самое уязвимое место Тегерана. По сравнению с 2011 годом в прошлом году экспорт иранской нефти уменьшился втрое: с 2,2 млн баррелей в день до 700 тыс. соответственно.

Экс-президент Махмуд Ахмадинежад и высокопоставленные иранские чиновники с завидным упорством повторяли, что санкции не оказывают никакого эффекта на иранскую экономику и жизнь простых иранцев. Однако заявлениям руководителей не верили как в самом Иране, где последствия были у всех на виду, так и в остальном мире.

Конечно, санкции нанесли огромный ущерб экономике Ирана, поставив ее на грань коллапса. Резко уменьшились валютные запасы ИРИ, риал обесценился на две трети по отношению к доллару. Негативные последствия санкций для экономики можно перечислять долго, но на жизни 75 млн простых иранцев они отразились еще сильнее.

Из-за резкой девальвации валюты в стране резко выросла инфляция, которая к концу прошлого года достигла 40% с лишним. В результате цены на продукты питания в прошлом году выросли более чем на 60%. Безработица за два последних года увеличилась с 8% до 11,2%. Особенно трудно найти работу молодым иранцам. Среди молодежи в возрасте от 15 до 24 лет уровень безработицы вдвое выше среднего и составляет 23%.

Тяжелое положение сложилось со снабжением населения товарами первой необходимости, продуктами и особенно лекарствами. Несмотря на то что Тегерану разрешено покупать на вырученные от продажи нефти деньги лекарства и медикаменты, их импорт стремительно уменьшается. В прошлом году он, например, снизился на 30%. Это крайне негативно отражается на здоровье людей. В последние два года зафиксирован резкий рост смертности.

Экономические и финансовые санкции против Ирана поставили миллионы иранцев на грань голода. По разным данным, от 44% до 55% городского населения ИРИ сейчас живет ниже официальной черты бедности.

Неудивительно, что первого транша в ИРИ ждали с огромным нетерпением. Теперь иранцы будут ждать, насколько оправдаются их надежды на улучшение жизни.

Санкции нанесли огромный ущерб экономике Ирана, поставив ее на грань коллапса

Икрам Сабиров

Иран и терроризм: мифы и реальность

Одним из эффективных инструментов антииранской пропаганды является миф о поддержке Исламской республикой международного терроризма. Всякий раз, когда требуется обоснование жестких мер в отношении Тегерана, западные масс-медиа достают из запасников эту изрядно побитую молью и пропахшую нафталином пропагандистскую рухлядь и трясут ею перед обывателем, не озаботившись даже необходимостью чуть обновить затасканные «аргументы».

С нелегкой руки прозападного лобби миф о тесных связях Ирана с международным терроризмом проник и в российское информационное поле, что, впрочем, совершенно неудивительно: российские СМИ в том, что касается ближневосточной и иранской тематики, выступают исключительно «попугаями Запада», бездумно транслируя и заголовки западных газет, и западные же мифы. Впрочем, если на страницах американских и европейских изданий пусть и изредка, но можно встретить убойные по силе разоблачительные материалы о том, как спецслужбы организуют террор против Исламской республики, о том, как фальсифицируются доказательства «причастности Ирана» к террористическим актам, о том, как на территории тех же США готовят террористов из ОМИН (Организации моджахедов иранского народа), о том, как израильские оперативники работали с убийцами из Джундаллы, то в «ведущих» российских СМИ, гордящихся своей принадлежностью к «либеральному пулу» и на каждом углу кричащих о своей «объективности и неангажированности», вы ничего подобного не прочтете.

Эксперимента ради автор этих слов как-то попросил известную своей широкой демократичностью и заботой о демократии фурию отечественного эфира Евгению Альбац в ответ на ее пассаж об Иране, как о государстве, поддерживающем терроризм, прокомментировать информацию о том, что на территории штата Невада США обустроили лагерь для интенсивного обучения активистов ОМИН, где военные инструктора проводят с ними занятия по тактике «подрывных действий в городских условиях» (именно так политкорректно выглядит название по подготовке курса городских киллеров и подрывников). Вначале госпожа Альбац объявила эту информацию «иранской пропагандой, не имеющей ничего общего с действительностью». А когда ей была отправлена ссылка на статью в «Нью-Йорк таймс», которая, собственно, провела расследование этого вопиющего факта и без купюр его результаты опубликовала в трех выпусках, то «демократическая

Альбац» попросту перестала отвечать и перевела разговор на другие темы. А запись этого диалога была изъята с сайта программы «самого открытого для всех точек зрения» радио.

Собственно, эту историю автор привел не для горделивого рассказа о собственных подвигах на ниве «уязвления» антииранских пропагандистов, а исключительно с целью показать, что при столкновении с реальными фактами аргументы тех, кто обвиняет Иран в поддержке международного терроризма, либо начинают выглядеть несколько странно, либо развеиваются как дым, оставляя, впрочем, после себя дурной запах.

Дурно пахнущие доказательства

Год назад, в изданном в конце мая 2013 года ежегодном докладе Госдепартамента США сообщалось, что «государственная поддержка Ираном терроризма и террористической деятельности достигла невиданного с 1990-х годов объема... Террористическая деятельность Ирана охватывает сегодня Европу, Юго-Восточную Азию и Африку». Тезис о «невиданном объеме» строится всего на четырех эпизодах 2011–2012 годов: взрыв в Бургосе, в результате которого погибло пять израильтян и один гражданин Болгарии. Теракт против израильского посольства в Грузии. Теракт против израильского посольства в Индии. Заговор 2011 года с целью убийства посла Саудовской Аравии в США. Содержащиеся в докладе смутные намеки на некие готовившиеся Ираном теракты в Таиланде и Кении в расчет принимать не стоит, поскольку ничего внятного по данным эпизодам расследование не «накопало», и с равным успехом можно говорить не только об «иранском следе», но и притянуть, при желании, любую террористическую группировку, от «Аш-Шабаб» (как вскоре и оказалось) до «Тигров освобождения Тамил Илама».

Краеугольным камнем веры в то, что Иран поддерживает международный терроризм, является история с захватом американского посольства на заре Исламской революции. Израильское и западное лобби любую дискуссию сводит к этому аргументу. И не только потому, что он, по большому счету, единственный, но и потому, что позволяет скрыть весьма неприятную историю с наглым и беспрецедентным захватом израильскими солдатами советского посольства в Бейруте в начале 80-х. И историю с попыткой захвата посольства Исламской республики в Лондоне, в те же годы. «Моральные издержки» за историю с американскими заложниками Иран несет по сей день, она стала своего рода индульгенцией участникам антииранской коалиции. А какую ответственность хоть раз понес Израиль за многократные нарушения норм международного права, военные преступления и апартеид в отношении палестинцев?

Извращенная логика двойных стандартов царит в «иранском вопросе». Если кто-то где-то совершает покушения на израильтян — то это Иран, больше некому. Удобная позиция, позволяющая прикрыть очевидный факт, — своим поведением Израиль создал себе столько врагов по всему миру, что желающие «поквитаться» в очередь выстраиваются. Именно так и случилось в Бургосе.

Извращенная логика двойных стандартов царит в «иранском вопросе»

Обвинения против Хизбаллы и Ирана, поначалу занимавшие первые полосы газетных страниц, стали затем сжиматься до колонок полицейской хроники, поскольку вопреки всем усилиям и израильских спецслужб, и местных полицейских доказательств «иранского следа» в этом теракте, достаточных для судебного присутствия, добыть так и не удалось.

С терактом в Грузии получилось еще интереснее, если уместно применить такой оборот к преступлению. «Иранский след» сразу же стал первой, главной и единственной версией произошедшего. Но вскоре медиа-истерия пошла на убыль. Полиция наткнулась на доказательство того, что в подготовке теракта были замешаны активисты... Организации моджахедов иранского народа. И подготовку они осуществляли аккуратно в то время, когда по США волною шла кампания по «делистингу ОМИН», то есть исключению «моджахедов» из списка террористических организаций, составленного Госдепартаментом. Разумеется, на фоне кампании, где за неслабые гонорары принимали участие американские политики, конгрессмены и прочие «VIPы», подобные итоги расследования были совершенно не нужны. Вот их и не стало...

Неопровержимые факты

Но если с доказательствами того, что Иран, якобы, поддерживает неких «международных террористов», обстоит сложно или совсем уже никак, то с доказательствами западной причастности к поддержке террористов, убивающих граждан Исламской республики, все обстоит как раз наоборот, доказательства здесь что называется «убойные».

В августе 2007 года лидер сепаратистской Партии свободной жизни Курдистана Абдул Рахман Хаджи-Ахмади посетил Вашингтон и провел переговоры с американскими чиновниками. Своеобразным итогом этой встречи, подробности которой никогда не разглашались, стало увеличение количества иностранных инструкторов в лагерях «курдских беженцев» на территории Ирака, рост эффективности применяемой ими тактики партизанской войны против сил безопасности Ирана и качественные улучшения в вооружении боевиков.

23 февраля Boeing 737-300, принадлежащий киргизской авиакомпании и совершавший рейс по маршруту Дубай-Бишкек, был принужден к посадке в иранском аэропорту Бендер-Аббас, где сотрудники иранских спецслужб высадили из самолета террориста Риги и его помощника. «Колотся» Абдул-малек Риги начал практически сразу, причем даже достаточно пристрастные наблюдатели отмечали, что «нет никаких явных свидетельств давления и незаконного принуждения, вызвавшего его признание. И вот что он говорил на следствии: «Американцы говорили мне, что их главная проблема на сегодня — это Иран. Не Аль-Каида, не Талибы, а именно Иран. Американцы говорили, что в настоящее время у них нет возможности воевать с Ираном в открытую, поэтому они рассчитывают на нас, на нашу деятельность. Они обещали нам любую поддержку, они обещали нам бомбы, пулеметы, деньги и тренировочные базы...»

В конце 2001 года ОМИН объявила об отказе от насильственных методов борьбы, а спустя несколько месяцев последовало сенсационное заявление:

оказывается, «свободолюбивые моджахеды» добыли и передали должностным лицам США «неопровержимые данные» о том, что иранская ядерная программа, которая раньше никаких вопросов у международного сообщества не вызывала, оказывается носит военный характер. И в это же время на специальном полигоне в Неваде началась «специальная подготовка» активистов ОМИН, которым американские инструкторы преподавали не только основы ведения партизанской войны, но и азы оперативно-разведывательной деятельности, сбора информации, основы вербовки и конспирации. Отдельная группа в Неваде готовилась на организацию и проведение «точечных ликвидаций», причем участие в этом принимали и израильские инструктора из подразделения «Кидон». Как выяснят позже оперативники французской контрразведки, расследовавшие деятельность «моджахедов» во Франции, активисты ОМИН готовились и к совершению террористических актов в Европе.

Изменилось ли что-то с того времени? Нет. Как работали американские оперативники с бандформированиями Иранского Белуджистана, так и работают. Как использовали «моджахедов» для решения террористических и разведывательных задач в Иране, так и используют. 17 000 граждан Исламской республики стали жертвами террора и необъявленной войны за последние десятилетия. Их гибель — на совести тех, кто организует и направляет террористов, финансирует и обучает их. И при этом лицемерно «перекладывает с большой головы на здоровую», обвиняя Тегеран в выдуманных преступлениях.

В преддверии новой крови

Пестуя международный терроризм, Вашингтон и его союзники не забывают с трогательной заботой относиться к тем, кто сеет смерть и разрушение на территории Ирана. Правительство Ирака не намерено дальше терпеть на своей территории лагеря ОМИН, которая свою «войну против кровавого режима аятолл» распространило теперь и на мирных иракских граждан, а кроме того, активно занимается бандитизмом, наркотранзитом и контрабандою оружия. И вот в декабре 2013 года в Брюсселе проходит встреча госсекретаря США Джона Керри с министром иностранных дел Румынии Титусом Корлэцяну, в ходе которой госсекретарь страны, объявившей «войну терроризму во всем мире», ходатайствует пред представителем Румынии о размещении на территории его государства трех тысяч активистов (читай — боевиков) ОМИН и членов их семей.

Годом раньше, вняв слезным обращениям «моджахедов» к «широкой международной общественности» о том, что они стоят на грани физического уничтожения, правительства Албании и Германии заявили о готовности расквартировать у себя несколько сотен из 3000 боевиков. И что же «уничтожаемые»? Отказались, выдвинув требование, во-первых, переселить всех, а во-вторых, размещать только компактно и в одном месте. Слегка опешившие от такого подхода «терпящих гуманитарную катастрофу моджахедов», европейские правительства отказались. И вот теперь квартирным вопросом террористов занимается лично госсекретарь США, причем на условиях этих же террористов: все в одном месте. И надо полагать это делается для лучшей управляемости и повышенной скорости мобилизации.

***

Параллельно с решением проблем проживания террористов, в американском политическом истеблишменте с января вдруг заговорили о том, что у «иранской оппозиции», от курдских сепаратистов до белуджских фундаменталистов, оказывается, большие заслуги перед Америкой, поскольку именно они предоставили наибольший объем информации о ядерных приготовлениях Ирана. Именно благодаря «оппозиции» стали известны детали «военной составляющей иранской ядерной программы», да такие, которые не смогли найти даже инспектора МАГАТЭ и почти 30 тысяч агентов спецслужб из десятков стран (в том числе 3 000 агентов спецслужб США), оккупавшихся в Иране, начиная с 2001 года. А суть этих разговоров сводится к тому, чтобы увеличить финансирование оппозиции, дать ей возможность «расширить свои организационные и материальные активы». А это значит, что вопреки миролюбивой риторике США готовится новый виток необъявленной войны против Ирана. И взрывы возле иранского посольства в Бейруте, убийство иранского дипломата в Йемене, нападения на иранских пограничников в Белуджистане — только начало этого нового этапа, ударной силой которого, как обычно, станут террористические группировки всех мастей.

Игорь Николаев

Исламская революция в Иране: Заря нового мира

Тридцать пятая годовщина Исламской революции в Иране — дата, имеющая историческое и всемирное значение. Ожесточенные споры на Западе о характере и, главное, об итогах этой революции лишь подтверждают очевидное: после нее Восток стал иным. И нынешняя «турбулентность региона», арабские «весна и осень», западное «переформатирование» и исламское Пробуждение — лишь запоздалая реакция на события февраля 1979 года в Тегеране.

Национализация Суэцкого канала 26 июля 1956 года означала крах колониальной системы. Исламская революция 1979 года в Иране стала началом краха эры неоколониализма. Двадцать с небольшим лет разделяли эти события. «Антиколониальная политика», которую в те годы декларировал Запад, на деле оказалась еще более изощренным колониализмом, в которой классическую фигуру «джентльмена в пробковом шлеме, создавшего империю, над которой не заходит солнце», сменил пронырливый делец с Уолл-стрит и других столь же значных мест обитания международного финансового капитала. Плеть и штык сменились «его величеством Долларом», вооруженную силу никто не отменил, но первыми шли рыцари «плаща и кинжала», организующие на Востоке перевороты, вооружавшие режимы угодные и свергавшие режимы негодные.

Запад все еще пытается понять, что, собственно, привело к Исламской революции, почему казавшееся всесильным правительство шаха рухнуло в считанные месяцы, а сам Мохаммед Реза Пехлеви был вынужден бежать за границу? Кто-то из историков выдвигает версию о том, что шах, дескать, «пренебрег иранской ментальностью». Более чем удобная позиция для современной прозападной элиты.

Модернизация по-персидски

Эта пресловутая модернизация стала «священной коровой» российских либералов. О необходимости и благотворности ее нам прожужжали все уши за последние 22 года. В Иране она получила название «белой революции», и о некоторых ее итогах излишним будет напомнить сегодня тем, кто так и не понял, почему иранский народ сверг шахский режим.

После свержения американской и британской разведками правительства Моссадыка в марте 1953 года власть шаха Мохаммеда Резы Пехлеви стала абсолютной. Иран окончательно трансформировался в авторитарную монархию, опиравшуюся на экономику сырьевого типа. Главными институтами монархии, опорами режима были доходы от нефти, силовые структуры (армия и министерство безопасности САВАК), шахский двор, партийная система и официальная пропаганда.

После укрепления личной власти Мохаммеда Резы Пехлеви в управлении иранской нефтяной политикой и личным шахским имуществом решающая роль все больше переходит в руки американских банков, уверенно шагающих в ногу со временем. Прежде всего, это был руководимый Дэвидом Рокфеллером «Чейз Манхэттен банк», крупнейший банк рокфеллеровской династии, тесно связанной с верхушкой политической власти США. В 1958 году по совету рокфеллеровского банка создается так называемый «Фонд Пехлеви». Только в октябре и ноябре 1978 года, всего за два месяца (когда над головой шаха уже собирались грозовые тучи), шахский Фонд Пехлеви перевел за границу более 3 млрд долл. Роберт Грэхем, тегеранский корреспондент крупнейшей английской экономической газеты «Файнэншл таймс», написал книгу об экономическом положении страны, в которой он говорит совершенно откровенно: «Фонд Пехлеви» — надежный канал, по которому в карман шаха текут взятки и всевозможные коррупционные деньги. Наряду с этим он дает возможность шаху через членов семьи и узкий круг нескольких доверенных людей контролировать всю экономику страны и незаметно для общественности финансировать дорогие удовольствия правящего дома».

Шахская семья

Разумеется, официальная пропаганда твердила, что доходы от Фонда используются исключительно в интересах Ирана, что эти доходы направлялись в инвестиции. Одним из примеров таких инвестиций явилось приобретение небоскреба на Пятой авеню в Нью-Йорке, 13% акций авиационной компании «Пан-Америкэн» и почти половина гостиниц «Интерконтиненталь». По странному стечению обстоятельств, все эти акции были оформлены на шаха и членов его семьи.

Кстати сказать, шахская семья состояла из 63 сыновей и дочерей, двоюродных братьев и двоюродных сестер, тетушек по линии шахини и их детей. Общее богатство семьи оценивалось в сумму от 5 до 20 млрд долларов. В 1974 году 54% иранцев жили ниже порога бедности, их семьи расходовали в год менее 80 долларов, а представители иранской элиты открывали счета в Швейцарии, Великобритании, США, скупали дома и земельные участки на Лазурном берегу и в Монако, фермы и виллы в Калифорнии.

Безусловно, США являлись самым достойным и самым дорогим союзником. На пике военного сотрудничества (1972–1978 гг.) в США, которые явились главным поставщиком военной техники и снаряжения Ирану, было выполнено военных заказов на 19,38 млрд долл. К осени 1978 года

Общее богатство семьи оценивалось в сумму от 5 до 20 млрд долларов

в стране временно проживало 45 500 американцев, их значительную часть составляли военные специалисты и технические представители фирм, поставлявших военную технику и вооружение для иранской армии. Если в 1973 году американцы продали всему миру оружия «всего лишь» на 4 млрд долл., то в 1974 году доходы от продажи оружия составили уже 9 млрд долл., из них почти половину заплатил за оружие Мохаммед Реза Пехлеви.

На широко отмечавшемся в 1971 году 2500-летию персидской монархии на развалинах древнего Персеполиса Реза Пехлеви обратился с речью к теням великих персидских царей Кира, Дария и Камбиза. Определенную пикантность празднованию придавал тот факт, что огромные затраты на официальные праздничные мероприятия (для фуршетов было заготовлено примерно тонна осетровой икры) сочетались с отказом от крупномасштабной помощи населению Систана и Белуджистана, оказавшемуся один на один с голодом из-за засухи. Высочайшим было указано считать засуху несуществующей, а угрозу голода — надуманной.

Либеральные сказочники

Несмотря на значительные бюджетные ассигнования, к 1977 году примерно 65% населения полностью не имели доступа к медицинской помощи, а в иранской деревне она практически отсутствовала. По данным ВОЗ, в 1977 году смертность среди новорожденных составляла 111 случаев на 1000 рождений, всеобщей иммунизации детей не проводилось, распространение таких инфекционных заболеваний как корь, краснуха, скарлатина, туберкулез, полиомиелит, столбняк и дифтерия, было достаточно обыденным явлением. Средняя продолжительность жизни подданных шаха, стремившегося к созданию «великого Ирана», за период с 1956 по 1977 год выросла на... три года и составила 55 лет. И так было во всем. Шумные пропагандистские кампании оборачивались весьма скромными результатами. Верхушка утопала в роскоши, а основная часть населения едва сводила концы с концами. Несогласных с политикой шаха вдумчиво, до отбитых легких и тюремных сроков, а зачастую и насмерть, переубеждали в охранке САВАК.

Верхушка утопала в роскоши, а основная часть населения едва сводила концы с концами

Поврежденная ментальность или все же тупость, бездарность и алчность режима, оказавшегося неспособным ответить на насущные вызовы социально-экономического развития страны? Впрочем, режим отвечал — массовыми репрессиями, ужесточением контроля во всех сферах жизни, грандиозными затратами на пропаганду, в которую уже никто не верил... Кстати, существует такой исторический анекдот, документального подтверждения которому найти не удалось. Во время визита китайского лидера Хуа Гофэна в Тегеран (в конце 1978 года), шах задал ему вопрос: сколько китайцев не поддерживают политику коммунистической партии Китая? «Примерно тридцать миллионов», — ответил Хуа Гофэн. «Столько же иранцев не поддерживают и меня», — заметил шах. Буквально через пару месяцев он смог убедиться в правильности своего понимания ситуации. Тридцать миллионов иранцев сказали свое веское слово.

Истоки ненависти

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, ни одна революция в мире не вызывала такой оголтелой ненависти, как Исламская революция 1979 года в Иране. Между тем, за послереволюционные годы численность населения ИРИ увеличилась более чем в два раза — с 33,0 млн до 78,8 млн человек. Рождаемость составляет 17,8, а смертность — 5,8 человек на тысячу. Более половины жителей Ирана сегодня моложе 30 лет. По средней продолжительности жизни населения Иран (71,1 года) опережает такие страны, как Марокко, Индонезия, Украина, Таиланд, Россия и Индия. Грамотность в шахском Иране не достигала и 40% (а среди женщин и в сельских областях 17%), сейчас — свыше 96%.

Переживания по поводу какой-то особой недемократичности иранского общества — тоже аргумент слабенький. Известный американский ученый-востоковед Кевин Баррет очень точно подметил: «Правда заключается в том, что Иран своим разнообразием и плюрализмом находится ближе к американским политическим идеалам демократии, чем любая другая нация Ближнего Востока со спорным исключением Турции... идеал американских «отцов-основателей» — баланс сил между конкурирующими группировками — более полно реализован в Иране, нежели в сегодняшней Америке, где две основные партии, обладающие монополией на политические процессы, отличаются друг от друга почти столько же, сколько «Кока» от «Пепси».

Тезис о том, что «Иран экспортирует революцию», тоже никакого отношения к действительности не имеет. Лозунг «экспорта» в руководстве Исламской республики просуществовал года три от силы, к 1982 году сошел на нет полностью, и сейчас если и идет какой-то экспорт, то исключительно культурного иранского наследия. О «ядерном досье и поддержке международного терроризма» и говорить не стоит, поскольку это настолько смехотворно, что верить в это могут только либо окончательно утратившие разум в информационных войнах, либо — отработывающие заказы и гранты.

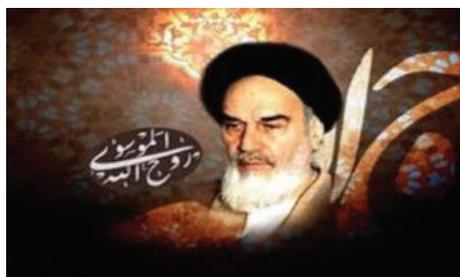
***

Главной причиной ненависти к Исламской революции является то, что она показала пример того, как вырваться из паутины неокOLONиализма и заставить природные ресурсы страны работать не на международного финансового спрута, а на благо государства и народа. Исламская революция совершила два «смертных греха» перед Западом и его прихлебателями: во-первых, лишила транснациональные корпорации жирного куса прибыли, который они уже посчитали своим. Во-вторых, обнажила историческую обреченность и содержательную пустоту «стратегических партнеров США в регионе», которые должны были служить примером остальному Востоку. Египет, Саудовская Аравия и прочие участники американского проекта в историческом плане соревнование Исламской республике проиграли в чистую. Мир увидел Новую зарю, а Ближний Восток — горизонты нового мира и нового справедливого общества.

Геннадий Литвинцев

Революция духа в бездуховном мире

Духовенство — и революция! Ислам — и прогресс! Возможно ли совместить эти понятия? Догматические умы, как на Западе, так и в тогдашнем СССР, были обескуражены и озадачены событиями 35-летней давности в Иране, где широкое движение под руководством имама Хомейни одолело проамериканскую деспотию шаха. Свершилась Исламская революция, ставившая целью заново воссоединить государственность и религию, вернуть народ к духовным истокам, соединить современную жизнь, не отказываясь ни в чем от ее интеллектуальных и технических достижений, с традиционной культурой, с такими «архаичными» и вечными основаниями, как социальная справедливость, нравственность в политике и общее послушание добру. Вот уже 35 лет Исламская революция, совершенная народом, опровергает все стереотипы и прогнозы западной политической философии. Они в привычной лексике заговорили о «реакционности», «религиозном мракобесии», «возврате к средневековью». Но все эти формулы-заклинания мало что объясняли. Главное, не давали ответ на главный вопрос — каким путем, с кем и куда пойдет Иран, по какую сторону мировых баррикад встанет?

Прежде всего — Ислам

«Революцией духа в бездуховном мире», «выходом из тупиков современного мира» назвал в те дни эти события французский философ Мишель Фуко. Революция в Иране не носила характера классового или национально-освободительного (страна формально всегда была суверенной). Экономические и социальные вопросы были подчинены в ней задаче духовного освобождения, религиозного обновления народа — наиболее сущностной и глубокой по содержанию из всех возможных в историческом творчестве. «Сначала Ислам, затем все остальное», — подчеркивал имам Хомейни. В сакральном смысле иранский народ освобождал себя от власти тьмы и зла и заново присягал Богу.

В выступлениях руководителей движения громче других звучали панисламистские лозунги, провозглашалась цель Пробуждения и объединения всех мусульман мира. Иранский путь изначально предполагал исламское единство, вплоть до построения единого государства, в то же время предлагался как большой «демонстрационный проект» для остальных стран третьего мира, да и для всего мирового сообщества.

Образование Исламской Республики Иран и последовательное воплощение провозглашенной доктрины как во внутренней, так и во внешней политике естественным образом предопределило дальнейшее развитие государства в русле исламского пути со всеми вытекающими из этого обязательствами, в числе которых наиболее важным является распространение и защита исламских ценностей, а также обеспечение интересов всех мусульман, где бы они не находились. Именно поэтому ислам в Иране оказался объединяющей силой, неодолимой как для внешних, так и для внутренних врагов. Как либеральная, так и левая оппозиция оказались несостоятельными. Не получили поддержки масс и националистические лозунги.

Ислам в Иране оказался объединяющей силой, неодолимой как для внешних, так и для внутренних врагов

Тем самым иранский народ не только опередил на три десятилетия движения так называемой «арабской весны», но и показал пример политической широты и высокой духовной устремленности. Это-то больше всего и напугало западные, прежде всего американские правящие круги, принявшие все меры, вплоть до военных, чтобы остановить вал исламской революции и попытаться повернуть его вспять. Те же страны, прежде всего США, что сейчас всемерно поддерживают украинский «майдан», в 1979 году отнюдь не обращались к развязавшему жестокие репрессии шаху с

требованиями «не применять насилие», вывести гвардию и полицию из столицы, сесть за стол переговоров с руководителями восстания — наоборот, всеми средствами, в том числе и военными, помогали топить восставший народ в крови.

Революции бывают разные

Все годы после революции противники «режима аятолл» с нетерпением ждали новых потрясений в Иране, но так и не дождались. Если вспомнить, какие драматические события и повороты, сопровождавшиеся избиениями «попутчиков», массовым террором и потоками крови, происходили во Франции после 1789 года и в России после 1917-го, придется признать, что исламский режим, кипевший только первые два-три года, показал высокую степень самодисциплины, толерантности и устойчивости. Революция завершилась без гражданской войны, поскольку ни левая, ни либеральная оппозиции не могли противопоставить ничего серьезного определяющему влиянию религиозных организаций. Одним словом, Исламская революция стала одной из самых бескровных в истории.

Шиизм, господствующее в Иране течение ислама, не признает отделения церкви от государства, «души от тела», как говорят здешние богословы. Народ, осознавший свое национальное достоинство, духовно очнувшийся, свергнувший навязанных идолов и обратившийся к истокам своей веры, оказался способен сотворить себя заново, вернуться на историческую сцену обновленным и исцелившимся, бодрым и переполненным новых творческих сил.

Однако западные политики и идеологи и сегодня продолжают обвинять Иран в недемократичности и «нарушении прав». Налицо классический ва-

риант либеральной мифологии. Она, эта мифология, все, что не соответствует западным интересам и представлениям, изображает «силами зла», а всех, кто им преданно служит, одаряет нимбом свободы и святости. При этом в стан «демократических» по воле вашингтонских и брюссельских куловодов попадают порой самые авторитарные и реакционные, репрессивные и архаичные режимы — лишь бы они послушно выполняли их волю и держали в узде свои народы. Подобная дихотомия в оценках неизбежна и привычна в рамках ведущейся Западом идеологической войны за установление однополярного (одноидейного) мира, за устранение любой оппозиции либеральному диктату.

Если культура продажна, то молодежь потеряна

Важная особенность иранского политического пейзажа: здешняя интеллигенция — и в этом ее принципиальное отличие от европейской и российской — не воюет с религией и традициями своего народа. И когда в ходе революционного обновления жизни массы решительно потребовали, в полном соответствии с исламским вероучением, строжайшего запрета алкоголя и наркотиков, порнографии и половой распущенности, азартных игр и финансовых спекуляций, интеллигенция активно поддержала процесс очищения жизни, создания и развития культуры, свободной от чуждых влияний.

«Культура является либо источником народного счастья, либо его бедой. Чужая культура оружие более смертельное, чем даже пушки и танки в руках врагов. Если культура продажна, то молодежь потеряна для нас», — говорил имам Хомейни. Именно поэтому юноши и девушки составили первые ряды борцов с шахским режимом в 1979 году. После десятилетий господства ущербной идеологии «общества потребления» и американской масс-культуры их увлекла суровая проповедь нравственного максимализма, духовной свободы и сочувствия угнетенным.

Традиционно, в ходе свободных демократических выборов в ИРИ, как известно, меняются президенты, а с ними и политические концепции власти: либерал-реформатора Хатами сменил неоконсерватор-фундаменталист Ахмадинежад, ныне у кормила встал утонченный представитель системы, либеральный Роухани. Однако, кто бы не пришел к власти, неизменным остается духовно-религиозный выбор иранцев, их исламо-шиитская идентичность. А значит и строго независимый курс, ориентированная на защиту интересов собственного народа внутренняя и внешняя политика. Какие бы санкции и бойкоты ни объявлял Запад во главе с США от имени мирового сообщества Ирану, или, наоборот, какие бы обворожительные улыбки и сверх заманчивые предложения не делали бы его новому лидеру, Иран не откажется от своих духовных приоритетов, не подчинится диктату, не допустит вмешательства во внутренние дела, не признает права «на воспитание» своих детей педофилами и гомосексуалистами, не станет терпеть господства коллаборационистов в СМИ и разрушение цветущей национальной культуры американизированной попсой. Потому что Ираном управляет Система, основанная на исламе, на общечеловеческих ценностях добра и справедливости, чистоте нравов и самоидентичности.

Самая молодая нация и высокомерный Запад

Нет ничего удивительного в том, что Исламская революция, ее идеалы и вожди вызывали и вызывают в правящих верхах Запада, Израиля и в монархиях Персидского залива откровенную враждебность, находящуюся на грани применения военной силы. Иран, не обращая внимания на все это идет своей дорогой. Это невозмутимое спокойствие, стойкость как горная скала в проведении своего независимого курса, выводит из себя, выбивает из колеи всех врагов Исламской республики, вызывает истерику, дошедшую за последние годы до паранойи, сопровождающуюся чуть ли не ежедневными военными угрозами. Невозможно найти на Западе понимание и сочувствие тому народу, который вознамерился освободиться от влияния и гипноза заокеанских «ценностей», чтобы устроиться самому на основе своего традиционного миропонимания. Любой протест против ли экономического эгоизма Запада, против ли циничной философии «общества потребления», против ли растлевающей и оглупляющей масс-культуры воспринимается в «свободном мире» как бунт, требующий немедленного наказания. Не зря имам Хомейни называл западные страны, прежде всего США, высокомерными. Их идеологи и пропагандисты не допускают даже мысли о том, чтобы кто-то смел иначе, по-своему понимать смысл свободы и демократии. Между тем в Иране создана и успешно действует модель полноценного народного представительства и правления, не являющаяся демократичной в западном либеральном смысле. Так же, как действует и развивается специфическая модель экономики, построенная на принципах рыночной конкуренции, но с серьезным государственным регулированием и поддержкой социальной сферы.

Иран сегодня способен ставить и решать любые задачи, в том числе такие организационно и технологически сложные задачи как освоение космоса, овладение полным ядерным циклом в рамках развития своей мирной ядерной программ

За послереволюционные годы численность населения ИРИ увеличилась более чем в два раза — с 33,0 млн до 79,8 млн человек. Рождаемость составляет 17,8, а смертность — 5,8 человек на тысячу. Не менее 65% жителей Ирана сегодня моложе 30 лет. В этих показателях видится результат не одного лишь улучшения материальных условий жизни, но и культурных преобразований, духовного очищения народа. Молодое поколение растет нравственно и физически здоровым. Иран сегодня способен ставить и решать любые задачи, в том числе такие организационно и технологически сложные задачи как освоение космоса, овладение полным ядерным циклом в рамках развития своей мирной ядерной программы.

Разумеется, стабильность, которую демонстрирует Иран на протяжении минувших десятилетий, не означает, что общество здесь превратилось в некий застывший монолит. Социальное расслоение в стране, уменьшившееся после революции, в последние годы вновь увеличивается, остается острой задачей борьбы с бедностью. В городах ощущается безработица. Резкий прирост населения и его омоложение требуют создания сотен тысяч новых рабочих мест, строительства доступного молодым семьям жилья. Эти вопросы были бы давно решены, если бы Ирану не мешали его традиционные

«недоброжелатели» — Запад во главе с США, Израиль и монархии Персидского залива. Тем не менее, для решения ныне существующих проблем в иранском обществе правительство Хасана Роухани встало на новый путь. Но здесь страну подстерегает новая опасность — курс нового президента на улучшение политических и деловых отношений со странами Запада, смягчение последними режима санкций может грозить активизацией «пятой колонны», пробуждением «либеральных чаяний», а то и постепенной коррозией идейных твердынь. И все же, думается, у иранского общества и его духовных руководителей хватит мудрости и опыта, чтобы отделить зерна от плевел, взаимовыгодное сотрудничество от вмешательства, добросовестные мирные предложения от требований капитуляции.

Приглядимся к соседу

Известный американский ученый-востоковед Кевин Барретт после обстоятельного знакомства с современным Ираном пришел недавно к несколько парадоксальным выводам. «Правда заключается в том, — написал он, — что Иран со своим разнообразием и плюрализмом находится гораздо ближе к американским политическим идеалам демократии, чем любая другая нация Ближнего Востока со спорным исключением Турции. Как и США, Иран не является совершенной демократией... Однако идеал американских «отцов-основателей» — баланс сил между конкурирующими группировками — более полно реализован в Иране, нежели в сегодняшней Америке, где две основные партии, обладающие монополией на политические процессы, отличаются друг от друга ровно столько же, сколько «Кока» от «Пепси».

Приобретенный за эти годы духовно-политический опыт иранского общества, несомненно, поучителен для России. В нынешнем положении нашей страны есть немало сходного с тем, что испытывал Иран накануне 1979 года: размытость национальных ориентиров, зависимость от международных финансовых центров, безумная роскошь правящей элиты на фоне массовой нищеты, определяющее влияние компрадорских сил, проникшая во все поры жизни коррупция, преступность, наркомания, упадок национальной культуры, моральное разложение верхов — и все это под флагом «общечеловеческих ценностей», под которыми понимаются ценности одной, хоть и богатой, и сильной, но весьма отдаленной иноверной страны. И нельзя не поразиться тому, как все выше названное в Иране было преодолено — решительно и за самый короткий срок, без страха и оглядок на чужое мнение.

***

Знать и понимать могучего южного соседа нам необходимо не только потому, что на сегодня это, бесспорно, самая передовая, развитая и динамичная страна обширного исламского мира, но и для того, чтобы научиться грамотно выстраивать отношения с другими мусульманскими странами, и, что особенно важно, для правильного и оптимального выстраивания отношений с мусульманской частью нашего общества. А это одно из важнейших условий сохранения целостности России, ее экономического и социального развития.

Игорь Николаев

Опасные советы Константина Симонова

О тепель — это пора, когда на свет вылезают не только цветы, но и поганки. Зубовный скрежет, раздающийся во властных коридорах Вашингтона по поводу того, что задуманное Белым домом сугубо демонстративное мероприятие — «временное ослабление напряженности вокруг Ирана» — вдруг обернулось, о ужас, готовящимся российско-иранским нефтяным соглашением, был подхвачен и российским прозападным лобби. Для клеветнической кампании вмиг нашлись и нужные журналисты, и нужные эксперты. Аргументы вот только у них свежестью не блещут, да чего там — с откровенной тухлецою у них аргументы...

Многие ли в России подозревают о существовании такой организации, как «Фонд национальной энергетической безопасности», возглавляемый бывшим президентом широко известного в узких кругах «Центра политической конъюнктуры Российской Федерации» господином Симоновым? Думается, что нет. По всем признакам — это одна из «фабрик не востребуемых мыслей», коих более чем достаточно появилось в начале 2000-х. Все из них стремились стать «разработчиками стратегии Кремля», никому, по большому счету, этого не удалось. И в основном потому, что как заметил сам господин Симонов в далеком теперь уже 2007 году в интервью «Независимой газете»: «Вместо того, чтобы производить мысли, наше экспертное сообщество зачастую производит словоблудие».

Разумеется, господин Симонов, столь категорично оценивая коллег по цеху, вероятнее всего не предполагал, что пророческие его слова на нем самом и сбудутся. Сбудутся в тот роковой день, когда он даст согласие журналу «Эксперт», обслуживающему интересы российской олигархической верхушки, а точнее — его корреспонденту Геворгу Мирзаяну, прокомментировать ситуацию вокруг Ирана и ирано-российских отношений.

С Мирзаяном все понятно, он отработывал заказ-задание главного редактора, Валерия Фадеева, певца светлого образа российских олигархов-хищников, по недоразумению называемых бизнес-элитой. Благополучие этих олигархов и акул по меньшей мере, зависит от благосклонности Запада, где они хранят все, непосильным трудом уведенное в офшоры. Без их благополучия и перспективы «Эксперта» окажутся туманными, поэтому поддержка западного тренда для журнала — вопрос жизненно важный. Но вот что толкнуло господина Симонова дать комментарий по теме, в которой он

абсолютно не компетентен, сказать трудно. То ли решил поучаствовать в атаке на российско-иранское сближение (авось зачтется у западного лобби), то ли решил «острыми высказываниями» возбудить к своей фигуре интерес у читающей публики. Впрочем, не мотивы здесь интересны, а то невежество вкупе с бесстыдством, которое интервью под кричащим заголовком «Не надо верить в восточные сказки» продемонстрировало.

Знает ли Симонов про Иран хоть что-нибудь?

В этом интервью Симонов бескомпромиссен и категоричен. «Иран для нас партнером не был никогда. И все эти сладкие напевы в духе «ах, вы не медлите, давайте бросайтесь сюда с мешком пряников, пока западные компании не понаехали» слушать не надо. И завышать цену этих отношений тоже не стоит...» Вот так вот. После этой фразы становится понятным, что написанные Симоновым две главы книги «Обществознание: Глобальный мир в XXI веке», которая, кстати, адресована учителям-преподавателям истории и обществознания в старших классах общеобразовательной школы, надо срочно изымать из обращения.

Потому как этот эксперт, «более 15 лет занимавшийся политической и экономической аналитикой», как повествует о нем Википедия, умудрился ни разу не услышать о том, что без участия Ирана России не удалось бы остановить гражданскую войну в Таджикистане. Он не имеет представления о том, что в свое время именно Иран своим заказом Бушерской АЭС спас атомную промышленность России, он не имеет представления об откровенно пророссийской позиции Ирана во время первой и второй «чеченских» операций. Симонову ничего неизвестно о политическом партнерстве России и Ирана в вопросах «каспийского узла» (впрочем, о Каспии — чуть ниже).

Он понятия не имеет о том, что именно из-за учета интересов России Иран фактически свернул экономическую экспансию в странах Центральной Азии. Сегодня, даже школьник знает, что если Иран был бы прозападным, тогда не было бы СНГ, все страны Центральной Азии и Большого Кавказа, практически без исключения, стали бы членами НАТО, на Каспии под видом защиты инвестиций западных компаний были бы размещены войска НАТО, морской флот России на Каспии был бы прижат к берегам Астрахани. Симонов, как эксперт по энергетическим вопросам, понятия не имеет и о том, что при прозападном Иране все энергетические ресурсы Центральной Азии и Кавказа через каспийский транспортный коридор, минуя Россию, вышли бы на европейский рынок. При таком раскладе поставки из России были бы заблокированы или сильно ограничены, что и нужно Западу во главе США. Он не понимает, что прозападный Иран открывал бы возможность для размещения новых военных баз США фактически на южных границах России. Он не понимает, что прозападный Иран — это оазис, райское место для размещения сотен лагерей террористических организации и экстремистских группировок для подготовки и дальнейшей их отправки на территорию России, он также не понимает, что прозападный Иран гораздо хуже, чем Иран даже с гипотетическим ядерным оружием. В голове эксперта по безопасности не умещается мысль о том, что при прозападном Иране России пришлось бы ежегодно тратить миллиарды долла-

ров на то, чтобы только минимизировать негативные факторы, исходящие от этого государства. И, наконец, прозападный Иран — это такого уровня и масштаба неимоверные проблемы для России, что ее экономика могла бы и не выдержать их последствий.

Сильное подозрение вызывает неосведомленность Симонова в ближневосточной ситуации вообще и в том, что именно партнерство России и Ирана остановило агрессию НАТО в Сирии, и что именно это партнерство сейчас является единственным препятствием джихадистской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, а в конечном итоге — на российском Кавказе и на границах формирующегося Таможенного Союза в Центральной Азии.

Но поразивший Симонова «склероз» в области новейшей истории российско-иранского партнерства — это еще цветочки. Заведующий кафедрой «Прикладная политология» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации смело бьет самим собою установленный рекорд невежества в отношении Ирана, заявляя: «Я не представляю, как можно говорить о стратегическом партнерстве с пусть и шиитским, но все равно нестабильным исламским государством». Он то ли пропустил, то ли в силу своего невежества не понял слова Владимира Путина, высказанные им совсем недавно на Большой ежегодной пресс-конференции: «Иран для нас является одним из приоритетных партнеров в регионе, это наш сосед. Мы настроены развивать отношения с Ираном по всем направлениям. Это наш принципиальный выбор».

Ладно, слова президента России и нашего курса по Ирану человек не понял, с кем не бывает, но в чем наш «прикладной политолог» увидел нестабильность Ирана — это действительно загадка, великая тайна его аналитического ума. Страна, экономика которой демонстрирует поступательный рост, страна, проводящая сбалансированную социальную и международную политику, страна, вышедшая в космос, самостоятельно достигшая полного ядерного цикла, занимающая 9 место в мире по освоению высоких технологий, невиданными темпами развивающая собственные научные школы... Наконец, страна, выстоявшая и консолидировавшаяся в условиях жесточайших экономических санкций, по мнению кандидата политических наук — «нестабильное исламское государство». Что творится в головах «доцентов с кандидатами»? Остается только повторить вслед за известным литературным персонажем: «Поздравляю, господин, совравши!».

«Иранский монстр» на Каспии

«Сон разума», в котором сплетаются невежество и ложь, рождает, как известно, чудовищ. В случае же с Симоновым — причудливую химеру, именуемую «иранской угрозой на Каспии». «Да, Иран был одним из факторов, который позволял затягивать заключение соглашения по разделу Каспия (после которого Азербайджан и Туркмения смогли бы на легальных основаниях построить невыгодный для России транскаспийский газопровод). Между тем одно дело — использовать иранский фактор для срыва строительства транскаспийского трубопровода, а другое — столкнуться с растущей мощью Ирана на Каспии», — пророчествует Симонов. Ну, во-первых, Иран был не просто «одним из», а, пожалуй, что «одним из основных» факторов, обеспечивших устойчивые позиции России в переговорах по разделу

Каспия. Во-вторых, позиция Ирана по Каспийскому вопросу практически полностью совпадает с российской. И Москва, и Тегеран видят будущее Каспия как демилитаризованного региона, как поля для экономической кооперации всех прикаспийских государств и, главное, как региона, проблемные вопросы в котором решаются исключительно самими прикаспийскими государствами, без всякого внешнего вмешательства.

Если не знать столь очевидных вещей, то надо как минимум не нести ерунды вроде заявления о том, что «когда у Ирана появятся деньги, то первым делом он пустит их на новый виток милитаризации. Понятно, что главная угроза для Ирана исходит по другую сторону Ормузского пролива из Саудовской Аравии, но я убежден, что Иран будет укреплять свои вооруженные силы и на Каспии». Возможно, для господина Симонова будет новостью, но милитаризация Каспия полным ходом идет уже несколько лет. И лидеры здесь — не Иран и не Россия. Настоящая гонка вооружений развернута, например, между Баку и Ашхабадом, причем Ашхабад укрепляет свою каспийскую группировку благодаря импорту (в основном с Украины, в счет поставок газа), а Азербайджан делает ставку на военно-техническое сотрудничество с Израилем. Достаточно вспомнить, что только в прошлом году Азербайджан подписал военный контракт с Израилем на поставки супер современной военной техники и вооружения на сумму 1,6 миллиардов долларов. Кстати, и Москва, и Тегеран в вопросах наращивания собственных группировок ВМС на Каспии, во-первых, исходят из принципов «разумной достаточности», а во-вторых, неоднократно выступали с инициативами о создании региональной организации по региональному сотрудничеству, в рамках которой можно будет эффективно решать экономические, гуманитарные и другие вопросы Каспия. В очередной раз об этом будет заявлено на встрече лидеров прикаспийских государств в нынешнем году. Интересы России и Ирана на Каспии почти полностью совпадают, а вот с Западом — расходятся. И мрачные пророчества Симонова — попытка подыграть не-региональным державам в их стремлении проникнуть в этот стратегически важный регион.

Подленько и шизофренично

В интервью Симонова масса других, где-то откровенно бредовых, где-то откровенно лживых заявлений и перлов невежества. Ясное дело, человек взялся не за свое дело. Чего стоит хотя бы вот это «открытие»: «Вряд ли иранская элита будет выполнять договоренности с нами — у них есть уже договоренности с Соединенными Штатами, которые и продавили резолюцию о снятии санкций». Оказывается, это Вашингтон продавил! Вот новость-то для остального мира!

Впрочем, Симонов здесь не оригинален. Он попросту повторяет вброшенный американским экспертным сообществом тезис, который должен был скрыть откровенный провал политики Обамы в «иранском вопросе» и представить отступление Вашингтона таким хитрым геополитическим маневром. На Востоке есть поговорка: «Собака, не умеющая плавать, оказавшаяся в воде, виляет хвостом, чтобы показать, что она играючи плавает». Как нельзя более точно описание «хорошей мины» Белого дома при «плохой игре» в отношениях с Ираном.

Причины, заставившие Вашингтон на это пойти, отдельная тема — и последовательная политика России, умелая игра Москвы и Тегерана на политических и экономических противоречиях внутри G5+1, ставшей к «Женеве» G3+3, здесь сыграли роль куда как большую, чем желания Белого Дома. Или вот это: «Все вопросы будут решаться с Вашингтоном, и я очень сомневаюсь, что наше мнение будет услышано. В том числе и по экономическим вопросам. Все послабления всегда связаны с закупками продукции в странах, снявших санкции». Какие все вопросы будут с Вашингтоном решаться — Симонов не уточняет, потому как все его интервью построено на неконкретности, общих фразах и собственных вымыслах. А по поводу «закупок в странах, снявших санкции» — так почему же, господин Симонов так выступает против контракта, который эту ситуацию обращает в пользу России?

Вот что он пишет: «Российско-иранская нефтяная сделка нам вообще ничего не сулит — Иран просто в очередной раз решает за счет Москвы свои проблемы, а мы пытаемся быть ему полезными. Получается в итоге странная история — один из наших основных конкурентов на рынке энергоносителей свою нефть продавать не может, но мы будем ее покупать и затем пристраивать на рынки». Здесь наш «доцент и кандидат» вновь демонстрирует самую сильно развитую свою сторону — абсолютное невежество в вопросах российско-иранских отношений.

«Большой нефтяной контракт» с Ираном еще не подписан, поэтому есть определенные обязательства в части разглашения тех или иных пунктов. Но о главном — сказать можно и нужно. Представление либертариев и креаклов о том, что суть сделки заключается в продаже Россией иранской нефти и последующем распиле полученного дохода — это отражение скудости мыслей экспертов, обслуживающих российский псевдо-бизнес, в основе которого — «прихватить подешевле, продать подороже — и в Куршавель с моделями вовремя прибыть и успеть прибыль осваивать».

Реальность же нефтяного контракта заключается в том, что российская оплата иранской нефти будет осуществляться реальными деньгами. И этими же деньгами Иран будет расплачиваться по прилагаемым к контракту сделкам на поставку российских товаров самой широкой номенклатуры — от сельскохозяйственной до продукции машиностроения. Этими же деньгами Иран оплатит и крупные проекты — от строительства новых железных дорог и электрификации уже имеющихся до реализации новых энергетических проектов. Как Бушерская АЭС в 90-е стала спасательным кругом для Росатома, так и сегодня «большой нефтяной контракт» может стать одним из источников финансирования нашей промышленности группы «А». Вот против чего выступают сегодня трогательным дуэтом господин Симонов и заместитель госсекретаря США по политическим вопросам Уэнди Шерман. Масштабы, конечно, разные — но цель одна. Такое вот совпадение.

И точно в русле устремлений Белого дома звучит заключительный аккорд в исполнении Симонова, то, ради чего, собственно, и публиковалось данное интервью: «Москва должна аккуратно возвращаться к теме ядерного досье. Если не со стороны официальных лиц, то хотя бы через общественные институты вбрасывать информацию о том, что Иран нарушает режим санкций. Мы должны развалить американо-иранское сближение, играть в пользу сторонников возврата санкций и поддерживать Израиль, который назы-

вает сделку уловкой и жульничеством». Это откровенно подлое, аморальное заявление — кульминация симоновского словоблудия. Все, финиш, маски сброшены. А то, что из-за калечащих санкций, выдуманных на ровном месте, ежедневно страдают миллионы невинных людей в Иране, а именно по ним бьют санкции в первую очередь, Симонова не волнует, он озабочен другим. Невежда и фантазер исчерпывающе точно проговорился о том, что нужно срочно делать «российским общественным институтам» (в числе которых и его Фонд) для срыва российско-иранских отношений в интересах США и Израиля. Момент истины, равносильный откровенному ответу на вопрос «кому служишь»...

***

Мирзаян подложил Симонову увесистую такую «свинью». Столь откровенное прозападничество и подхалимаж и махровый антииранизм вполне принесли бы всего год назад «кандидату и президенту» политические дивиденды в виде грантов и рукопожатности. Сегодня же ситуация изменилась. Только упоенные собственной значимостью «эксперты», обвешанные дипломами и сидящие на теплых местах, могут не замечать, что укорачивание обществом живущих на западные деньги правозащитников вроде Льва «Курилы» Пономарева и распоясавшихся журналистов «мокрого» канала затронет и их, этих «экспертов». Медленно, с трудом, но российское общество выздоравливает и уже вполне способно разобраться в том, что за странные видения в пользу США посещают некоторых «доцентов». И уже вполне способно понять, какую отраву таят в себе подаваемые ими подленькие советы.

Николай Бобкин

Ядерная программа Ирана не является предметом торга

В Вене 18 февраля состоится новый раунд переговоров между странами «большой шестерки» и Ираном, на которых будет обсуждаться выполнение подписанного в ноябре прошлого года Женевского соглашения по иранской ядерной программе. Глава МИД РФ Сергей Лавров оценивает ситуацию накануне возобновления диалога как весьма непредсказуемую, а

иранскую тему — далеко не закрытой. По его словам, по Ирану «предстоит работа, чтобы не дать подорвать начавшиеся процессы урегулирования». Ситуацию усугубляет и то, что американское руководство вопреки своим обещаниям не отказывается от враждебной политики в отношении Тегерана после договоренностей в Женеве и начала их реализации. Многочисленные маневры Белого Дома, претендующие на новизну, по сути, не выходят за рамки тупиковой американской позиции, имеющей враждебный по отношению к Ирану характер.

Вашингтон по-прежнему делает расчет на грубое давление, продолжая проверять Тегеран «на излом», параллельно убеждая международное сообщество в своей «исторической миссии» оградить Иран от обладания ядерным оружием. Оба замысла совершенно проигрышные. Прежде всего, отметим то, что доверие к президенту Обаме за последние месяцы во всем мире существенно снизилось, для большинства стран он справедливо представляется неудачником, не способным заручиться не только поддержкой традиционных союзников Америки, но и влиянием на собственных законодателей в Конгрессе, которые слепо настаивают на введении против Ирана новых санкций. Их логика основывается на уже устаревшем постулате о том, что жесткие односторонние санкции США вынудили иранское правительство пойти на переговоры по ядерной программе, поэтому дополнительное давление на Иран только усилит американские позиции в этом диалоге. Президент Обама, обещающий на словах задействовать свое право вето в отношении законопроекта о новых санкциях, принципиально думает также.

Обама не без гордости отмечает: «Мы создали беспрецедентный режим экономических санкций, перекрыли Ирану возможности получать прибыль от продажи нефти. Иранская экономика за это время потеряла более 50% своего потенциала». Как считает Барак Обама, «с точки зрения тактики очень важно проэкзаменовать иранцев». Однако американская роль экзаменатора со сцены снята за кулисы иранской политикой Евросоюза. Кроме Франции

остальные страны в новой дипломатии Ирана увидели больше позитива, чем в архаичном упрямстве Вашингтона. Европа взяла старт в направлении ИРИ, в настоящее время европейские компании начали работу по возвращению на иранский рынок. По мере того, как приближается урегулирование иранской ядерной проблемы, обостряется и борьба за доступ на рынки Ирана. У США шансов возвратиться в страну практически нет. Американские политики последние 35 лет делали все для того, чтобы превратиться в главную угрозу существованию Исламской Республики. Вернуть доверие к США у поколения иранцев, выросших под лозунгом «Смерть Америке», одним телефонным разговором Обамы с Роухани или двумя — тремя встречами даже на высшем уровне не получится. Для этого нужны конкретные шаги американской дипломатии. Пока же Вашингтон для поддержания имиджа своей «исторической миссии» в Иране продолжает угрожать всем остальным странам, ставшим на путь построения равных партнерских отношений с Тегераном.

Хватит ли кирпичей у Америки?

Барак Обама угрожает: «Мы обрушимся на нарушителей санкций как тонна кирпичей». А хватит ли кирпичей у Америки? К примеру, первой страной, которая поспешила воспользоваться вновь появившейся возможностью дополнительной покупки иранской нефти, стала Япония. В начале февраля между странами была успешно проведена первая сделка. В анонсированном на днях иранском плане пересмотреть условия заключения всех контрактов по поставкам нефти речь идет о новых контрактах, разрабатываемых специально для привлечения инвесторов, в числе которых желают быть не только Европа и Япония, но и Россия, Китай, Индия, Южная Корея, другие ведущие экономические державы. Вне сомнений уже можно говорить о том, что лидеры делового мира планеты заинтересованы в скорейшем урегулировании иранской ядерной проблемы вопреки противодействию Америки. В Иран едут не только представители бизнеса, недавно в Тегеране находились с официальными визитами премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган и министр иностранных дел Швеции Карл Бильдт. Ожидается в феврале посещение Ирана министром иностранных дел Бельгии Дидье Рейндерс, а на март намечен визит верховного представителя ЕС по иностранным делам Кэтрин Эштон.

Европа поверила в то, что Иран готов идти и дальше в целях закрытия своего ядерного досье цивилизованными дипломатическими средствами. Очевидно, что дальнейшая международная изоляция Ирана ничем не обоснована и не пользуется международной поддержкой. США в своих планах военной операции в Сирии остались в изоляции, их односторонние враждебные действия в отношении дальнейшей судьбы урегулирования ядерной программы Ирана также потерпят фиаско. В МИД Ирана полагают, что «многочисленные маневры США, которые придают лишь оттенок фантастичности и надуманности этому вопросу, контрпродуктивны». Иранская оценка — не надуманная и опирается на реакцию в отношении реальных действий Америки. Так, министерство финансов США на прошлой неделе внесло в черный список ряд компаний и физических лиц из нескольких стран, несмотря на то, что в конце января страны начали ослаблять ре-

жим санкций в отношении Ирана в рамках соглашения между этой страной и шестеркой международных посредников. Послу Швейцарии в Тегеране, который также представляет интересы США, в иранском внешнеполитическом ведомстве в связи с этим решением был заявлен протест.

С твердой позицией иранской стороны трудно не согласиться, руководство ИРИ демонстрирует готовность выполнять взятые на себя обязательства и придерживается принятой дорожной карты взаимодействия с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Иран и МАГАТЭ подписали в эти дни соглашение по еще семи «практическим шагам» на переговорах по атомной энергетике. Ожидается, что Тегеран реализует их в срок до 15 мая. Иран согласился обеспечить доступ экспертов этой международной организации на три объекта, «вызывающих вопросы»: реактор IR-40 около Арака, лазерный центр в Лашкарабаде и обогатительную фабрику в Ардакане. Кроме того, МАГАТЭ получит интересующую его информацию по производству детонаторов, которые планируют использовать при подрыве ядерных зарядов иранского производства для оценки их применимости в военных целях. Нет смысла вдаваться в детали сотрудничества, главное то, что на данный момент МАГАТЭ удовлетворено выполнением Ираном Женевских договоренностей. В Международном агентстве не отмечают попыток ИРИ уклониться от полного предоставления информации о своих ядерных разработках. Какие еще доводы требуются для американской администрации?

Соглашение о семи мерах между Ираном и МАГАТЭ

Итоги последнего визита (8–9 февраля с.г.) делегации МАГАТЭ в Тегеран подтверждают серьезность и ответственность намерений Ирана относительно его ядерной программы. Иранский президент Хасан Роухани и на этот раз подтвердил, что двери его страны открыты для экспертов МАГАТЭ. У мирового сообщества нет оснований для принятия во внимание точки зрения, к примеру Израиля, о том, что продолжение диалога по иранской ядерной проблеме якобы утрачивает всякий смысл. Американская администрация, если окружение Обамы действительно заинтересовано в получении гарантий безъядерного Ирана, просто обязана прислушиваться к мнению МАГАТЭ, а не отдельных государств региона, не желающих выхода Ирана из международной изоляции. От излишней американской политизации иранского ядерного вопроса мир уже устал и не желает оставаться в ситуации постоянной угрозы попыток США и Израиля силового решения проблемы. Тем не менее, американцы продолжают поощрять действия оставшихся в абсолютном меньшинстве государств, продолжающих с недоверием относиться к намерениям Тегерана. В их числе оказалась и Франция, президент которой Франсуа Олланд в эти дни побывал в Белом Доме. Вашингтон и Париж договорились поддерживать действующий режим санкций в отношении Тегерана в ходе переговоров по урегулированию ядерной проблемы.

Французский барьер на пути мирных переговоров не является чем-то новым, и позиция Парижа вряд ли претерпит коренные изменения на предстоящих переговорах в Вене. Франция приняла сторону Израиля и Саудовской Аравии, решив использовать иранский вопрос в целях восстановления уже забытого влияния французов на Ближнем Востоке. Министр иностранных

дел Франции Лоран Фабиус даже не отвергает обвинений в попытках воспрепятствовать заключению соглашения с Ираном, он считает, что Франция просто «не следует за толпой» и по-своему «трудится над установлением мира» в регионе. Самоизоляция французской позиции от европейских союзников в «шестерке» (Великобритания и Германия) скорее элемент конкурентной борьбы с ними за получение экономических выгод от арабских недругов Ирана. Дивиденды Париж уже начал получать, Саудовская Аравия планирует оказать финансовую помощь ливанской армии в размере 3 млрд долларов для закупки вооружений не где-нибудь, а именно во Франции.

Эта прибыль лишь в планах, причем сомнительных, а потери французских автопроизводителей в Иране из-за санкций — проблема насущная, которую и Renault, и PSA Peugeot Citroen хотели бы решить уже в ближайшее время. Обе компании стремятся к возобновлению сборки и продаж автомобилей в Иране в сотрудничестве с местными партнерами для восстановления своих некогда сильных позиций на иранском рынке. А ведь для французов есть еще и проблема возвращения компании Total, ушедшей из Ирана после введения Евросоюзом нефтяного эмбарго.

В этой связи президенту Франции можно задать вопрос, чьи интересы он защищает, выступая на стороне Саудовской Аравии против мирных договоренностей по иранской ядерной программе. Для Эр-Рияда французская позиция останется лишь предметом сделки, к которым он давно привык, покупая западную лояльность. К примеру, только из США по уже заключенным контрактам предстоит поставки оружия на сумму 60 млрд долларов. Ожидается, что в ближайшие годы Саудовская Аравия почти в три раза увеличит закупки вооружений, и ее главным поставщиком опять же будут США. Как видно, цена американской сговорчивости в прайс-листе саудитов намного выше французского «недоверия» к искренности иранского руководства.

И в целом, у американского санкционного фанатизма в отношении Ирана есть свое экономическое измерение не только в иранских потерях, но и в прибылях заинтересованных стран. По оценке Международного энергетического агентства (МЭА), западные санкции создали ситуацию, при которой суточная добыча нефти в Иране упала до 2,5 млн баррелей. Это зафиксированный минимум за последние четверть века, в то время как американские союзники в Персидском заливе увеличили добычу нефти до исторического максимума. В совокупности в третьем квартале этого года Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт и Катар в среднем добывали 16,4 млн баррелей в сутки, что равняется 18% мирового спроса. В результате страны «большой четверки» смогли потеснить Иран на традиционном для иранской нефти азиатском рынке. Например, Индия теперь закупает 44% нефти у этих стран против 36% в 2011 году, а Китай — 25% против 21% шестью годами ранее. Учитывая цены на нефть за указанный период, эти страны заработали за три месяца более 150 млрд долларов. В Иране же экспорт нефти с начала 2012 года, когда санкции были объявлены, сократился в два раза — с 2,2 млн баррелей до 1 млн баррелей в сутки. В первом полугодии 2013 года доходы Ирана от экспорта сырой нефти составили всего 23 млрд долларов. Эти цифры позволяют понять суть американского нежелания смягчать режим санкций в арифметическом измерении.

***

Несомненные иранские финансовые потери от ограничений в экспорте энергоресурсов могут создавать ошибочное представление о том, что Иран готов свою ядерную программу сделать также предметом торга, поддавшись давлению США, имеющему явную цель заставить правительство ИРИ отказаться от права на мирный атом. Иран не допустит утраты даже малой части своих ядерных достижений, эта позиция Тегерана на предстоящих переговорах останется доминирующей. Более того, глава иранской Организации по атомной энергии Али Акбар Салехи пообещал, что в будущем Иран продолжит ускоренно развивать свою ядерную программу. Подобного мнения придерживается все руководство Ирана, спекуляции по поводу раскола в иранских политических элитах в связи с возможными и допустимыми уступками на переговорах надуманы. К примеру, в Вене на предстоящем раунде переговоров в составе иранской делегации планируется участие руководителя комитета по национальной безопасности и внешней политике парламента Алаэддина Боруджерди. С этой просьбой обратился спикер парламента Али Лариджани, и президент Ирана согласился, что опровергает слухи о якобы имеющихся разногласиях между правительством и меджлисом по позиции на ядерных переговорах. В своем стремлении защитить национальные интересы страны в области законного права на обладание мирным атомом Иран выступает единым фронтом. Несомненно, включение политического тяжеловеса Боруджерди в состав иранской делегации придаст иранским переговорщикам весомую силу, обеспечит широкую поддержку иранской позиции внутри страны, а самим переговорам — дополнительный шарм и интригу.

Икрам Сабиров

Антииранский «танк» Уэнди Шерман

Предельно резкие заявления в адрес Москвы и Тегерана, сделанные третьим по статусу чиновником Госдепартамента США, заместителем по политическим вопросам Уэнди Шерман, несомненно отражают антииранскую и антироссийскую позицию администрации Барака Обамы. Но Шерман — это не просто «говорящая голова», повторяющая кем-то написанные тексты. Воинственная риторика отражает и ее собственные политические и даже, если хотите, мировоззренческие взгляды, в которых Иран и Россия прочно занимают место главного «врага».

Уэнди Шерман — из когорты «железных ледей», плотно оседлавших властные коридоры Вашингтона. Мадлен Олбрайт, Хиллари Клинтон, однофамилицы Кондолиза и Сьюзан Элизабет Райсы и, наконец, наша «героиня» Уэнди Шерман — каждая из них зарекомендовала себя предельно агрессивным политиком, отстаивающим позиции «ястребов» по любому вопросу, будь то попытки в отношении «террористов», агрессия в Ливии, бомбежки Югославии, интервенция в Сирию, экономическая блокада Ирана или давление на Россию. Такой вот оскал политического феминизма.

Назначенная Обамой и Керри «главным американским переговорщиком» по иранскому ядерному досье, Шерман всегда демонстрировала предельную жесткость и непреклонность не только к партнерам по переговорам, но и к тем, кто ее окружает. От человека со столь жестким отношением к себе и близким трудно ожидать положительных эмоций тем, кого она искренне считает «врагами США». Ее антииранизм и антипатия к нынешней России — вполне искренни, и этим чувствам она отдается со всею страстью. Собственно, Шерман как главный переговорщик по ядерной программе Ирана — это сигнал того, что Вашингтон не собирается ослаблять давления на Тегеран.

Уэнди и вопросы генетики

В период президентского срока Билла Клинтона, Шерман была главным специалистом Белого дома по вопросам ядерного оружия Северной Кореи и — одним из самых доверенных лиц тогдашнего госсекретаря, еще одной «железной леди» и откровенной русофобки Мадлен Олбрайт. Уроженка Праги, запомнившаяся нам своими словами о том, что «принадлежность Сибири одной России — большая несправедливость», а гибель полумиллиона детей в Ираке — «маленькие издержки большой геополитики» была более чем «достойным» наставником для стремящейся на первые роли во внешней политике США Шерман.

В 2008 году, будучи советником «вашиingtonской валькирии» Хиллари Клинтон на президентских выборах, Уэнди «Танк» рассматривалась как наиболее вероятный кандидат на пост госсекретаря. Тогда не получилось, победил Обамы, и в «дом Гарри Трумэна» (как еще называют госдеп), Шерман смогла прийти только 21 сентября 2011, когда Хиллари Клинтон стала госсекретарем, ну а сама Уэнди — заместителем по политическим вопросам.

Ее предшественник на этом посту, Уильям Джозеф Бернс, длительное время бывший одним из реальных архитекторов американской ближневосточной политики и при республиканцах, и при демократах, к Ирану относился безо всякой симпатии, к тому же был известен своими связями с израильским лобби. Это именно ему Шимон Перес в 2003 году в порыве откровенности сказал: «Мы рады, конечно, что вы покончили с Саддамом Хусейном, но лучше бы вы напали на Иран». Возможно, что в душе Бернс эту позицию разделял, более того — именно он договаривался о деликатных вопросах американского прикрытия израильской «стратегии Дагана» в отношении терактов против иранских ядерщиков, но он все же понимал необходимость равноправного и уважительного диалога с Ираном.

Именно он настоял на том, чтобы в 2010-2011, когда ставка на «зеленую революцию» в Иране с треском провалилась, в Омане начались предварительные консультации американской и иранской сторон по вопросам ядерного досье. Шерман, видимо, подход, предусматривающий уважительный и равноправный диалог, считала ошибкой. И очередной раунд переговоров в октябре 2013 между Ираном и «шестеркой» предварила заявлением о том, что «обман и изворотливость входят в ДНК иранцев». Столь смелое заявление, претендующее на нобелевку в области генетики, сильно смахивало на откровенный расизм. Запад сделал все, чтобы скандал, вызванный откровенным оскорблением со стороны Шерман, замять. Но при этом никаких организационных выводов в отношении ее не последовало. Именно человек с таким настроением нужен Вашингтону и антииранской коалиции для переговоров с Ираном.

Танк «Шерман» атакует

Объектом персональной атаки для заместителя госсекретаря стало намечающееся торгово-экономическое соглашение между Москвой и Тегераном. В начале февраля Шерман с апломбом и категоричностью заявила, что «любые действия вроде такого соглашения между Россией и Ираном могут повлечь за собой санкции». Воинственной Уэнди российский МИД напомнил, что «мы (Россия — И.С.) не признаем односторонние санкции США и ЕС в отношении Ирана, поэтому при осуществлении торгово-экономического сотрудничества с Тегераном исходим исключительно из наших национальных интересов». Не успокоилась и пошла на откровенный подлог, заявив на слушаниях в Конгрессе, что «в ближайшее время Россия не начнет покупать нефть из Ирана в обмен на товары, так как США предупредили Москву и Тегеран о возможных санкциях... Мы совершенно ясно говорим, что любые действия вроде такого соглашения между Россией и Ираном могут повлечь за собой санкции и создадут огромный риск, который существенно затруднит, если вообще не сорвет, достижение комплексного соглашения». И это заявление было российским МИДом дезавуировано.

Впрочем, причины того, что Шерман ввела в заблуждение Конгресс, вполне очевидны. Процесс ажиотажного спроса западного бизнеса на места во вновь открывающемся иранском рынке откровенно вышел из-под контроля. То, что в Вашингтоне задумывали как сугубо демонстративный акт, как эпизод политики «кнута и пряника» для Тегерана, обернулось прорывом международной изоляции и успехом Исламской республики. В этих условиях Вашингтону, которого перестали слушать даже ближайшие партнеры по НАТО вроде Парижа, высадившего в Тегеране десант из сотни представителей французского

бизнеса, от автопроизводителей до парфюмеров из L'Oréal, остается только два пути. Во-первых, сделать все, чтобы разорвать торгово-экономические отношения России и Ирана, поскольку «Большой нефтяной контракт», о котором уже неоднократно писали на Iran.ru, вполне способен стать серьезным фундаментом стратегического партнерства между двумя государствами. Во-вторых, осаживать наиболее ретивую «бизнес-мелочь», чтобы сохранить остатки репутации перед антиирански настроенным Конгрессом США, показать всем, что Белый дом руку держит на пульсе и все еще контролирует стремительно набирающий темпы процесс сближения с Ираном, что могут блокировать выход этих стран на лакомый рынок Ирана.

Чтобы продемонстрировать это, 6 февраля нынешнего года Минфин США, вопреки здравому смыслу и элементарной логике, объявил о введении санкции в отношении ряда компаний и частных лиц из Афганистана, Германии, Грузии, Испании, Лихтенштейна, ОАЭ, Турции и самого Ирана, которые, по мнению США, «играют ключевую роль в развитии ядерной программы». Абсурдность обвинения очевидна, как очевидно и то, что перед нами процесс наказания тех, кто слишком уж вырвался вперед в очереди за местом на иранском рынке, тех, кто создает помехи более солидным партнерам из той же Франции или Великобритании. Но кажущаяся абсурдность — вполне укладывается в линию, которую настойчиво проталкивает Уэнди Шерман в преддверии открывающейся 18-го февраля в Вене второго раунда переговоров между Ираном и «шестеркой» по вопросу выработки окончательной договоренности по ядерной программе Ирана.

Тактика Шерман: лгать, давить и запугивать

Уэнди Шерман всегда была плоть от плоти политиком «демократического формата», имея в виду именно Демократическую партию США, символом которой, как известно, является ослик. Политтехнологи объясняют этого недоразвитого ослика как «символ упрямого преодоления препятствий». А если быть точнее — символом преодоления препятствий, которые: а) осел создает самостоятельно, б) преодолевает вопреки здравому смыслу.

В этой тактике ложь и давление являются попросту необходимыми. Так же, как и тонкая провокация. В биографии Уэнди Шерман есть два эпизода, которые показывают, что мастерством политической провокации она владеет уверенно и на высоком уровне. Еще в период работы в администрации Клинтона она отвечала за «неформальные контакты» на Кубе, а попросту — за поддержку «пятой колонны» в этой стране.

В 2013 Шерман с провокационной миссией посетила Украину, где тоже «отметилась» максимально тесными и доверительными контактами с оппозицией, представителям которой она внушала: «те инвестиции, которые вкладываются в Украину, — это небольшая, мизерная часть ВВП. Для того чтобы сюда приходили миллиарды инвестиций, необходимо дать бизнесменам уверенность, что чиновники... будут придерживаться верховенства права. Для вашей страны большое значение имеет также реформа судопроизводства, экономические преобразования и осуществление интеграции по международным стандартам и нормам таким образом, чтобы можно было сказать, что Украина действительно уважает демократические свободы». И — более чем «ненавязчиво» объясняла все «ужасы Таможенного Союза»: «гипотетическое участие Украины в Таможенном союзе (между Россией-Украиной-Казах-

таном) откроет вашей стране очень узкий рынок торговли. Я считаю, что если Украина действительно будет в Евросоюзе, то она сохранит здоровые и тесные отношения с Россией, а также свою независимость и суверенность».

Провокации — это ее конек. А поскольку любая провокация состоит в основном из лжи и обмана, то красавица Шерман в этих процессах чувствует как рыба в воде. Вот и сейчас, она готовит очередную провокацию прямо на наших глазах. В отношении сотрудничества с МАГАТЭ президент Хасан Роухани на днях заявил: «Мы серьезно подходим к этому вопросу, так же как были серьезны, когда сделали первый шаг». И эти слова Исламская республика подтвердила реальными шагами. 9 февраля удалось достичь с МАГАТЭ важных договоренностей по семи вопросам: Иран обязуется дать информацию и согласовать с инспекторами дату визита в лазерный центр в Лашкар-Абаде, обеспечить доступ к урановому месторождению Сагханд и обоганительному предприятию в Ардакане, передать международному агентству свежую документацию по исследовательскому реактору на тяжелой воде в Араке и предпринять шаги по постановке реактора под режим МАГАТЭ. Кроме того, в порядке односторонней инициативы, Тегеран обязался проинформировать инспекторов об исходном ядерном материале, еще не обогащенном, получаемом из-за рубежа и самостоятельно, а также разъяснить необходимость использования электродетонаторов.

В самом МАГАТЭ — этой, мягко говоря, инертной (последние пять лет находится под жесточайшим прессингом США и Запада, а глава этой организации Акино считается послушным менеджером США) структуре были в восторге, договоренности оценили, как реальный «прорыв». Чем же ответила на этот шаг Уэнди Шерман? 11-го февраля она заявила членам сенатского комитета по иностранным делам, что в контекст обсуждения ядерной программы Ирана США намерены включить теперь и «вопросы обороны» этой страны, которые вообще никаким боком в формат переговоров по иранской ядерной программе никогда не входили! После этого всегда спокойный и вполне уравновешенный Аббас Аракчи, замминистра иностранных дел ИРИ, Верховный переговорщик Ирана с «шестеркой» не выдержав, заявил. «Я этой Уэнди Шерман и другим представителям «шестерки», еще раз разъясняю, что вопросы обороны Ирана не подлежат обсуждению. Мы не намерены дебатировать какие-либо вопросы помимо ядерного. Вопросы нашей обороны — это наша прерогатива, эта наша красная черта!». Таким образом, переговорный процесс, начавшийся так удачно в Женеве, все новыми и новыми провокациями Шерман вновь поставлен под угрозу.

***

Перед нами повторение истории октября 2013-го: новый раунд серьезных переговоров начинается с американской провокации. И снова в роли главного провокатора — Уэнди «Танк» Шерман. Сегодня она — идеальный инструмент внешней политики Белого дома в отношении Тегерана и Москвы. Нахрапистость, бескомпромиссность, давление и ложь — фирменный стиль этого «танка» из Госдепартамента. И самое ужасное — она не просто отрабатывает инструкции, она в их отработку вкладывает часть души. Ту, которая насквозь антииранская и антироссийская.

Самсонов Александр

Саудовская Аравия готовится к большой войне

Поступающие в последнее время новости из Саудовской Аравии ясно свидетельствуют о том, что Эр-Рияд активно готовится к большой войне. Будет ли саудовское оружие задействовано в ходе внутренних потрясений, которые разорвут арабскую монархию, или противостояние суннитского и шиитского блоков перерастет в войну, или саудиты примут участие в сирийском конфликте, пока не ясно. Тем не менее, очевидно, что закупки огромного количества вооружений в последние годы и резкое увеличение оборонных расходов — явные признаки большой грозы на Ближнем Востоке.

Так, военный бюджет Саудовской Аравии с 2006 года по 2010 год вырос с 31 млрд долларов до 45 млрд долларов США. В 2012 году Саудовская Аравия на военные нужды потратила уже 52,5 млрд долларов США. Саудовская Аравия — это единственная арабская страна, которая постоянно входит в первую десятку государств с огромным военным бюджетом. Динамика роста военных расходов в Саудовской Аравии, которая довольно долгий период пользовалась гарантиями безопасности со стороны Соединенных Штатов, впечатляет. Военный бюджет Саудовской Аравии за последние 10 лет утроился.

В 2010 году арабская монархия заказала у США оружия на огромную сумму — 60 млрд долларов. Конгресс США одобрил сделку на поставку оружия Саудовской Аравии на эту сумму. В рамках этой сделки в 2011 году США продали Саудовской Аравии партию истребителей F-15 на сумму около 30 млрд долларов. Саудиты получают 84 новых истребителя, еще 70 будут модернизированы. В результате этой сделки арабская монархия стала вторым по величине оператором F-15 после США. Церемония выкатки первого истребителя F-15SA, изготовленного для ВВС Саудовской Аравии, прошла 30 апреля 2013 года.

В пакет военной техники также вошли новейшие модификации вертолета AH-64D Apache Longbow Block III. Саудиты должны получить 70 ударных вертолетов. Кроме того, Саудовская Аравия планирует получить 72 транспортных вертолета Sikorsky UH-60M Black Hawk, 36 легких разведывательных Boeing AH-6i Little Bird и 12 учебных вертолетов MD Helicopters MD-530F. Вся упомянутая военная техника будет поставляться в новейших модификациях и будет укомплектовываться последними версиями двигателей, системами наблюдения, разведки, самообороны, наведения и обмена информацией, снабжена оружием и боеприпасами.

В 2012 году Саудовская Аравия купила у США 20 военно-транспортных самолета HC-130J Super Hercules и 5 самолетов-заправщиков KC-130J. Сумма контракта — 6,7 млрд долларов. В 2013 году Министерства обороны Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов заказали американского оружия на 11 млрд долларов. Саудовская Аравия сделала заявку на 6,8 млрд долларов и намерена получить 650 крылатых ракет AGM-84H SLAM-ER класса «воздух-поверхность», 973 планирующие корректируемые бомбы AGM-154C JSOW, 400 противокорабельных крылатых ракет AGM-84L Harpoon Block II, тысячу бомб GBU-39/B SDB и другое вооружение.

В 2013 году Саудовская Аравия заказала у США 69 основных боевых танков M1A2 «Абрамс». Стоимость контракта 132 млн долларов. Заказ новых основных боевых танков является составной частью крупномасштабной программы по модернизации танкового парка сухопутных войск королевства. Саудовцы в 2008 году начали работы по модернизации танков M1A1 и M1A2 в вариант M1A2S для Саудовской Аравии. Модернизация основных боевых танков должна улучшить их тактико-технические характеристики и повысить боевую эффективность.

В 2013 году министерство обороны Саудовской Аравии заказало в США тяжелые противотанковые ракетные комплексы BGM-71 TOW. Сумма контракта оценивается в 1,07 млрд долларов. Саудовская Аравия сделала две заявки. В рамках первого соглашения Саудиты планируют получить 9650 противотанковых ракет TOW в версии 2A, 4145 ракет в версии 2B, 91 ракеты TOW-2A и 49 TOW-2B для проведения испытаний, а также сопутствующее оборудование, тренажеры и т.д. Тяжелые противотанковые комплексы должна получить Национальная гвардия. Вторая заявка предусматривает поставку сухопутным войскам Саудовской Аравии 750 противотанковых ракет TOW в версии 2B, тысячи ракет в версии 2A, а также семи TOW-2B и такого же количества TOW-2A для испытаний, а также сопутствующее оборудование и услуги.

Эр-Рияд, особенно в последнее время, когда отношения с Вашингтоном обострились из-за изменения позиции США по Сирии и иранской ядерной проблеме, активизировал военно-техническое сотрудничество и с другими странами — государствами Западной Европы, Турцией, Пакистаном и Китаем. Есть возможность и участия России в модернизации саудовских вооруженных сил.

В октябре 2013 года компания BAE Systems поставила Саудовской Аравии последнюю пару истребителей Eurofighter Typhoon. Теперь у саудовских ВВС 32 машины этого типа. Кроме того, заказано еще 72 истребителя, ими собираются заменить легкие многоцелевые истребители F-5.

Саудовская Аравия активизировала военное сотрудничество с Германией. В 2013 году были озвучены планы закупки пяти немецких подводных лодок модифицированного проекта Тип 209 на сумму 2,5 млрд евро. Кроме того, в перспективе Саудовская Аравия готова купить до 25 субмарин общей стоимостью более 12 млрд евро. Однако в связи с внутривнутриполитическими склоками в Германии, где часть политиков выступает резко против продаж германского вооружения Саудовской Аравии, так как она не соответствует «демократическим стандартам», перспектива этой сделки туманна. Так, в Берлине уже отказались продать Эр-Рияду 600-800 основных боевых танков

Leopard 2 на общую сумму более 10 млрд евро. Хотя вероятность заключения контракта еще существует.

Кроме того, министерство обороны Саудовской Аравии планирует закупить в Германии 100 сторожевых катеров на сумму в 1,4 млрд евро. Надо сказать, что в 2013 году Саудовская Аравия заключила с испанской компанией Rodman Polyships контракт на закупку 40 малоразмерных патрульных катеров для береговой охраны и спасательных служб. Катер этот длиной 11,3 м и имеет обозначение R33 XI. Патрульные катера оснащены двумя двигателями мощностью 350 л. с. и развивают максимальную скорость до 50 узлов. Катера имеют крепления для оснащения системами вооружения.

В 2012 году Саудовская Аравия была главным покупателем оружия в ФРГ. Берлин в 2012 году выдал разрешения на поставку этой арабской монархии оружия на сумму 1,23 млрд евро. В частности, немцы поставляли саудитам оборудование для охраны границ, стрелковое оружие и программное обеспечение для управления летающими объектами и т.д. Германия могла бы заработать на нефтяной монархии еще больше, если бы не негативная реакция германской общественности на ситуацию с правами человека в Саудовской Аравии.

Еще одним крупным поставщиком оружия для Саудовской Аравии надеется стать Франция. Париж проблемы с правами человека не смущают, но пока Эр-Рияд не спешит закупать французское оружие. Так, в начале 2014 года была сорвана сделка по покупке Саудовской Аравией систем ПВО малой дальности — ЗРК Crotale NG. Французы сильно рассчитывали на подписание контракта на продажу систем ПВО малой дальности производства компании Thales. Сумма контракта оценивалась в 4 млрд евро.

В декабре 2013 года появилась новость, что Саудовская Аравия готова выделить Ливану 3 млрд долларов на покупку оружия у Франции. Тип поставляемых вооружений не уточнили. Париж также надеется, что Эр-Рияд купит несколько новых фрегатов для замены старых и подводные лодки (особенно если с Германией не выйдут).

Одновременно Саудовская Аравия развивает военно-техническое сотрудничество с Турцией и Пакистаном. В 2013 году саудиты выразили заинтересованность в покупке турецкого БПЛА Anka и основного боевого танка Altay. В конце января 2014 года появилась новость о переговорах Саудовской Аравии и Пакистана о поставке Эр-Рияду новых основных боевых танков Al-Khalid и истребителей JF-17 Thunder. Также было отмечено, что после покупки пакистанского оружия Эр-Рияд может пересмотреть свое отношение к китайской военной технике, так как танк Al-Khalid и самолет JF-17 были разработаны Пакистаном совместно с Китаем. В результате Саудовская Аравия может в перспективе начать более активно покупать оружие у Китая. Кроме того, покупка оружия у Пакистана является политическим жестом. Исламабад нуждается в финансовой поддержке, Эр-Рияд ее оказывает. Таким образом, союз Эр-Рияда и Исламабада будет укреплен. Так, уже не раз появлялись слухи, что в случае появления ядерного оружия у Ирана Пакистан поможет Саудовской Аравии стать ядерной державой.

Еще один союзник Саудовской Аравии в регионе — это Египет. Саудовская Аравия и ОАЭ готовы оплатить покупки вооружений Египтом. У Каира, особенно в связи с революционной ситуацией в стране, нет денег на по-

купки новейших вооружений. Раньше большую помощь Египту оказывали Соединенные Штаты. Однако в последнее время отношения Вашингтона и Каира ухудшились, как и отношения Эр-Рияда с Вашингтоном. По данным СМИ, Россия и Египет парафировали контракт на поставку вооружений и военной техники на общую сумму более 3 млрд долларов. Каир заинтересован в поставках истребителей, боевых вертолетов, систем ПВО, береговых корабельных комплексов и стрелкового вооружения.

Зачем Египту оружие? Ответ прост. Страна находится в системном кризисе. В условиях, когда весь регион постепенно сползает в состояние перманентного хаоса и войны, Каир рано или поздно должен будет провести «маленькую победоносную войну» на одном или нескольких фронтах. Главная проблема, которая в будущем может погрузить 85-миллионную страну в хаос — это вопрос пресной воды. Египту предстоит схватка за воды Нила со странами, расположенными в верховьях великой реки. Кроме того, существует сценарий наступления на охваченную смутой Ливию, что позволит захватить ливийские огромные подземные резервуары пресной воды. Не стоит забывать и проблему Палестины. Перспективы Израиля в той смуте, которая охватывает Ближний Восток, туманны. Египет вряд ли останется в стороне от этого конфликта.

14 февраля 2014 года появилась новость о еще одной масштабной закупке оружия Саудовской Аравией. Эр-Рияд закупил бронетехнику на общую сумму 10 млрд долларов США с опционом еще на 3 млрд долларов. Контракт на поставку бронетехники получило канадское подразделение американского концерна General Dynamics — компания General Dynamics Land Systems-Canada (GDLS). Типы законтрактованной техники не раскрываются. Действие контракта — 14 лет. Министр внешней торговли Канады Эд Фаст сообщил, что это крупнейший военный экспортный контракт в истории страны. Официальный представитель GDLS Кен Ямасита рассказал, что по условиям контракта компания не имеет права разглашать количество или тип машин, заказанных по данному соглашению, но это «будут новые машины», и первые машины сойдут с конвейера в 2016 году.

Надо отметить, что предприятие GDLS является одним из крупнейших мировых производителей колесных бронированных машин. Компания производит для вооруженных сил США и Канады бронемшины серии Piranha с колесной формулой 8x8 — они известны под обозначениями LAV-I (LAV-25), LAV-II, LAV-III и т. д. Для армии США производится вариация LAV-III — бронированные машины Stryker. Кроме того, в последнее десятилетие для американских ВС компания производит выпуск различных бронемашин класса MRAP. В настоящее время для британцев ведется выпуск легких бронированных машин Ocelot.

С начала 1990-х годов для Саудовской Аравии предприятие GDLS поставляло крупные партии бронемашин LAV-25 в различных модификациях. Было поставлено около 2500 бронемашин. В 2009 году был заключен последний крупный контракт стоимостью 2,2 млрд долларов. По нему компания General Dynamics Land Systems-Canada с 2011 года поставляет Национальной Гвардии Саудовской Аравии 724 бронемшины на базе LAV-25 в различных модификациях. В 2011 году был заключен дополнительный контракт в 350 млн долларов на поставку Национальной Гвардии Саудовской Аравии еще 82 машин на базе LAV-25.

Национальная гвардия функционирует параллельно традиционной армии, в качестве подконтрольного королевской семье противовеса Сухопутным войскам королевства. В нее набирают члены племен, которые традиционно поддерживают правление династии Саудитов. Национальная гвардия насчитывает около 200 тыс. человек, разделенных на пехотные и механизированные бригады, специальные подразделения и военную полицию. В 2013 году Национальная гвардия была преобразована в Министерство. Задачи нового министерства — содействие МВД в деле сохранения безопасности, борьбе с терроризмом и защите жизненно важных объектов в королевстве, а также при необходимости поддержка министерства обороны.

Еще более интересна новость о покупке Эр-Риядом у Китая баллистических ракет средней дальности DF-21. Об этом, ссылаясь на источники из американской разведки, сообщает Клаудио Галло в статье, опубликованной на сайте La Stampa. Слухи о покупке Эр-Риядом баллистических ракет средней дальности ходили уже на протяжении многих лет. Американский журнал Newsweek сообщил, что Эр-Рияд, при помощи ЦРУ, получил эти ракеты еще в 2007 году. Базовый вариант ракеты DF-21 имеет дальность 1700 км при забрасываемом весе в 600 кг. Надо также отметить, что есть данные о поставках Китая до 60 ракет Дунфэн 3А с дальностью в 2800 км (до 4000 км с облегченной ГЧ) в Саудовскую Аравию. Эти ракеты Саудовская Аравия получила в 1987 году. Эти ракеты стали основой Королевских Саудовских стратегических ракетных сил. В 2013 году было торжественно открыто новое здание штаба и академии Стратегических Ракетных Сил в Эр-Рияде.

В то же время следует отметить, что саудиты имеют проблемы в обслуживании военной техники. В этом им помогают многочисленные иностранные специалисты. Главную роль играют американцы, есть специалисты из Западной Европы, китайцы присматривают за баллистическими ракетами. В королевстве также много военных пакистанцев. Возможно, что в связи с расширением ВТС Саудовской Аравии и Пакистана их число вырастет. Надо также вспомнить о проблемах в развитии ВМС Саудовской Аравии. Саудовцы являются прежде всего жителями пустыни, море — не их стихия. Поэтому при масштабном обновлении флота участие иностранных специалистов неизбежно.

И к тому же саудовцы почти не имеют боевого опыта. Их вооруженные силы малобоееспособны. В 2010 году войска Саудовской Аравии приняли участие в операции «Выжженная земля» против повстанцев в Йемене. Йеменские племенные вооруженные формирования оказались лучше готовы к войне, чем саудовцы. В марте 2011 года Эр-Рияд направил ограниченный военно-полицейский контингент в Бахрейн и предотвратил победу очередной арабской революции в этой монархии. Саудиты предпочитают действовать руками многочисленных наемников и террористических, исламистских движений.

Для чего Саудовской Аравии военная мощь?

Как известно, Соединенные Штаты уже несколько десятилетий являются гарантом военной безопасности арабской монархии. Саудовская Аравия активно поддерживала американцев в борьбе с Советским Союзом, в том числе в ходе афганской кампании. Эр-Рияд был организатором и спонсором

различных радикальных исламистских движений в рамках программы «ислам против СССР». После развала СССР эта программа была продолжена уже как «ислам против русских».

Эр-Рияд поддержал Вашингтон в ходе реализации проекта по «модернизации Ближнего и Среднего Востока», который предусматривает развал ряда светских государств на большее число государственных образований, которыми легко манипулировать. Кроме того, этот проект должен создать огромный очаг нестабильности на границах Евросоюза, России, Китая и Индии. Таким образом, США наносят удар по своим основным конкурентам, государствам-цивилизациям, сохраняя положения «острова стабильности» в море хаоса и получая возможность построить свой Новый мировой порядок. Проект удачно стартовал. Судан развален, Ливия и Мали в состоянии перманентного хаоса, лихорадит Египет, идет война в Сирии, активно развивается конфликт в Ираке. Под угрозой республики Средней Азии.

Однако реализация этого плана с некоторых пор идет вразрез с устремлениями Эр-Рияда. При дальнейшем нарастании хаоса на Ближнем Востоке Саудовскую Аравию также ждет развал на несколько государственных образований. При этом правящей династии грозит гибель или потеря власти над большей частью территории, с соответствующей утратой значительной части мирового влияния и богатства. Это саудитов не устраивает. Они лелеют планы создания «Великого халифата», где Саудовская Аравия и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) должны сыграть роль ядра, объединяющего значительную часть арабского и исламского мира. «Великий халифат» должен стать одним из ведущих игроков на мировой арене. Поэтому в последнее время ССАГПЗ активизировали интеграционные процессы, в том числе и в оборонной сфере.

Наращивание военной мощи полностью вписывается в планы Эр-Рияда по строительству халифата. Необходимо много оружия, что произвести впечатление на арабский мир, создать костяк будущих вооруженных сил халифата.

Еще один серьезный ход, который должен сделать Саудовскую Аравию лидером арабского мира, — это получение ядерного оружия. В последнее время новости о желании Эр-Рияда получить «ядреную дубинку» появляются все чаще. Так, 15 февраля появилась новость о том, что Саудовская Аравия готова стать ядерной державой, если США и их союзники позволят Ирану продолжать работы по обогащению урана.

На официальном уровне объявлено, что Эр-Рияд будет активно развивать программу атомной энергетики. К 2030 году планируют построить 16 реакторов, а к 2032 году ввести 17 ГВт атомных мощностей. Возможно, что в этом проекте примут участие и российские специалисты. Переговоры на эту тему ведутся. Эр-Рияд хочет получить полный цикл производства атомного топлива. Для этой цели арабская монархия привлекает специалистов по атомной энергетике.

Принц Турки ибн-Фейсал Аль Сауд, бывший начальник разведки Саудовской Аравии, на недавно прошедшей в Мюнхене конференции по безопасности заявил, что в случае, если Тегерану разрешат обогащать уран, Эр-Рияд отреагирует соответствующе. В 2013 году экс-глава израильской военной разведки Амос Ядлин заявил на пресс-конференции в Швеции, что, если Тегеран будет обладать атомной бомбой, «саудовцы не будут ждать ни од-

ного месяца». «Они пойдут в Пакистан и купят все, что им надо», — сообщил Ядлин. Позднее в Пакистане отвергли появившиеся в западных СМИ сообщения о том, что Исламабад готов передать Эр-Рияду ядерные заряды, подготовленные пакистанскими специалистами. Однако неприятный осадок остался. Очевидно, что рано или поздно Саудовская Аравия станет ядерной державой, если к этому времени не будет разрушена.

В настоящее время Эр-Рияд развил бурную деятельность, сколачивая бригады наемников, поддерживая исламистов в Сирии и Ираке, где в провинции Анбар идет настоящая война. Саудовцы планируют сформировать целую армию из наемников-иностранцев. Эту армию планируют использовать в борьбе с противниками в регионе и прежде всего в агрессии против Сирии. Судя по всему, на повестке дня и развал Ирака. Исламисты в Ираке захватили еще один город — Сулейман-Бек, расположенный на севере страны в 160 км от Багдада. В декабре 2013 года бандформирования заняли Эль-Фаллуджу и Эр-Рамади. Есть мнение, что саудиты готовы полностью изменить баланс сил в регионе в пользу суннитского блока, развив с помощью своих наемников успех против Сирии и «Хезболлы» в Ливане, а также создав суннитское государственное образование в Ираке.

Главный противник Саудовской Аравии в регионе — Иран. В ноябре 2013 года даже было высказано мнение, что Тель-Авив и Эр-Рияд готовы забыть о взаимной неприязни и договорились о совместных действиях против Тегерана. В частности, сообщалось о готовности саудитов предоставить Израилю свое воздушное пространство, если израильтяне захотят нанести удар по Ирану.

Как бы там ни было, регион продолжает сползать в хаос и балансирует на грани большой войны. Милитаризация Саудовской Аравии и других стран регионе — это серьезный признак грядущей региональной войны.

Венские надежды: Иран, «Шестерка» и новый раунд переговоров

Открывающийся сегодня, 18 февраля, новый этап переговоров по иранской ядерной программе в Вене не обещает быть легким, а перспективы перехода от «временного» соглашения к «постоянному» — выглядят достаточно призрачными. Лидеры двух стран, Исламской республики и США, между которыми и развернется основная дипломатическая схватка, уже заявили о своем скептическом отношении к исходу начального этапа переговоров.

Сегодня мировые СМИ акцентируют внимание общественности на словах духовного лидера Ирана Али Хаменеи, сказанные им накануне венского раунда: «Некоторые члены предыдущего и нынешнего правительств полагают, что путь к урегулированию проблемы лежит через переговоры. Я же такого оптимизма не испытываю, считаю, что они ни к чему не приведут. В то же время я не намерен препятствовать их проведению». В чрезмерном внимании к этим словам есть определенный тонкий расчет: в случае безрезультатного завершения переговоров — обвинить в этом именно Тегеран.

Гораздо меньше внимания уделяется той оценке перспектив заключения окончательного соглашения Барак Обама. Предупредив всех о том, что США и дальше будут продолжать обеспечение санкционного режима, американский президент оценил вероятность подписания соглашения с Ираном в ближайшее время как «50 на 50». Это еще достаточно оптимистично, если учитывать, какие новые «сюрпризы» приготовили Белый дом и антииранская коалиция для Тегерана и Москвы на ближайшее время.

О чем промолчали СМИ

Сделанное главным американским переговорщиком по иранскому ядерному досье Уэнди Шерман заявление о том, что США намерены внести в повестку переговоров еще и вопрос о ракетной программе Ирана, который раньше никогда и нигде в контексте переговоров не поднимался — это не единственная новация, которую приготовили США к открытию переговоров. Ключ к пониманию тактики Вашингтона на предстоящей Венской конференции кроется в заявлении Обамы о том, что он «крайне разочарован ужасными новостями о развитии ситуации в Сирии. И мы продолжим наши усилия в оказании давления на Россию и Иран, для того чтобы заставить их согласиться со сменой режима в Дамаске».

По большому счету, технические вопросы, которые будут обсуждаться в Вене — ситуация с обогащением, с объектом в Фардо и реактором в Араке, по сути своей для Вашингтона мало интересны. После того, как Иран достиг соглашения с МАГАТЭ об обязательствах Исламской республики по целому ряду вопросов по столь деликатным темам, как лазерный центр в Лашкар-Абаде, месторождение урана «Сагханд», обогатительное предприятие в Ардакане и контроль со стороны МАГАТЭ за работой исследовательского реактора на тяжелой воде в Араке — можно с уверенностью заявить, что никаких проблем для международного сообщества в деле обеспечения мирного характера «иранского атома» не осталось.

То же МАГАТЭ, которое никогда не было замечено не то что в «симпатиях» к Ирану, но и в элементарной объективности к иранской ядерной программе, назвало вышеперечисленные соглашения «прорывом». Но это не просто «прорыв», это откровенный «переворот», который выводит вопрос об иранской атомной программе совершенно в иную, прозрачную для остального мира плоскость. И переворот этот произвел не Запад с его санкционным режимом, а воля политического руководства Ирана, которое делом подтвердило свою открытость и готовность к диалогу по самым острым вопросам.

В Вашингтоне и ЕС этого «переворота» предпочли не заметить, что вполне объяснимо. Инициативы Ирана выбивают основные аргументы из рук участников антииранской коалиции, которые привыкли размахивать иранским атомным досье для прикрытия своих главных задач в отношении Тегерана. «Прорыв» в вопросах международного контроля застал Вашингтон и Евросоюз врасплох. Впрочем, смятение продолжалось не долго. И пока масс-медиа откровенно замалчивали состоявшееся десять дней назад соглашение, и США, и Евросоюз формулировали список новых обременений к предстоящим переговорам. К ядерной программе Ирана эти обременения никакого отношения не имеют, но ведь никто никогда всерьез и не верил в иранскую ядерную угрозу. Все прекрасно понимали, что это лишь часть стратегии давления на Иран, пропагандистский повод, весьма далекий от реального положения дел. А вот сейчас наступил момент истины, и Запад готов будет продавливать в Вене свои реальные требования к Тегерану.

Антииранский, но «умеренный» Евросоюз

После соглашения Ирана с МАГАТЭ для антииранской коалиции возникла определенная развилка вариантов. Для «умеренной части», которая в основном представлена Евросоюзом, главное заключается в обеспечении свободного и льготного доступа к иранскому рынку. Примечательно, что когда Обама на недавней более чем теплой встрече с президентом Франции Олландом не смог удержаться от упрека в адрес Парижа по поводу «бизнес-десанта» представителей крупного бизнеса этой страны в Тегеран, Олланд ответил, что является президентом Франции, а не президентом «союза бизнесменов» и что диктовать частному капиталу свое видение того, с кем заключать контракты, а с кем — нет, не намерен.

Разумеется, он лукавил, поскольку в 2011–2012 правительства стран-участниц ЕС своему бизнесу на нежелательность связей с Ираном очень даже указывали, а несогласных привлекали к ответственности. Ситуация изменилась, Иран становится спасательным кругом от европейского кризиса, а

потому теперь можно говорить о «независимости частного капитала от правительства». Но суть в том, что именно эта, европейская, умеренная часть антииранской коалиции сегодня выступает с достаточно неожиданной инициативой — Тегеран должен пойти на заключение контрактов в сфере атомной энергетики с европейскими компаниями. Подобное партнерство, по мнению европейцев, позволит «смягчить страхи, укрепить доверие между Ираном и Западом, а также укрепить ирано-европейскую заинтересованность в обеспечении жизнеспособности и безопасности иранских атомных объектов».

Информация об этой инициативе сейчас активно вбрасывается в иранское общество, в расчете на благожелательный отклик иранских технократов, которые более ориентированы на Запад. Куда в этом случае пойдут прорабатываемые сейчас проекты российско-иранского сотрудничества в атомной сфере и «Большой нефтяной контракт» — совершенно очевидно, пойдут они в корзину. Такая вот смесь политики и экономики, гримасы конкурентной борьбы с Россией за иранский рынок «в одном флаконе» с «борьбой за ядерное нераспространение».

Нарастающее давление США

Если европейские «умеренные» в диалоге с Ираном больше обеспокоены собственными экономическими интересами и устранением Москвы с иранских рынков, то цели, которые ставит перед собою Вашингтон в новом раунде переговоров, гораздо глобальнее. Откровенные провалы администрации Обамы на Ближнем Востоке уложили ее между молотом и наковальней. Молот — это Конгресс США. У антииранского лобби, которое в нем составляет большинство, политика Обамы в отношении Тегерана вызывает откровенное раздражение. Санкционный режим, по большому счету, разваливается на глазах. Иран даже на пике санкций не оказался в международной изоляции и продолжает оставаться одним из ключевых факторов, «мешающих» внешней политике США на Ближнем Востоке и «угрожающих» стабильности стратегических партнеров в регионе.

С «навязыванием» воли Вашингтона Тегерану, которое Обама декларировал всего два года назад, ничего не получилось, и в том же Конгрессе уже ехидно утверждают, что не Обама Ирану, а Иран Обаме диктует правила поведения на Ближнем Востоке. Слышать это в преддверии выборов в Конгресс — не просто неприятно, но и чревато серьезными издержками для Демократической партии. А ведь надвигаются и президентские выборы. А наковальня — это как раз и есть те самые стратегические партнеры США на Ближнем Востоке, Тель-Авив и Эр-Рияд, которые без всякой вежливости обвиняют Обаму в предательстве их интересов, и в том, что нынешний хозяин Белого дома «выпустил иранского джинна из бутылки».

Ну и, разумеется, Сирия. В решении «сирийской проблемы» для Вашингтона, Тель-Авива и Эр-Рияда кроется ключ к переформатированию региона в наиболее приемлемой для них конфигурации. Через Сирию сегодня, по большому счету, решаются вопросы палестино-израильского диалога, безопасности Иордании, стабильности Ливана и сохранения контроля над Ираком. Это столь же очевидно, как очевидна и другая сторона медали — без изменения отношения Ирана к Башару Асаду «сирийская проблема»

решена быть не может. На сепаратную сделку с Вашингтоном по Дамаску Тегеран не пойдет, а потому остается только один способ — увеличить давление на Иран, диктатом принудить его к отступлению с занимаемых на международной арене позиций.

***

Инструментарий давления, который используют США, хорошо известен, и мы вновь увидим его в Вене. Выдвижение неприемлемых требований, расширительное толкование обязательств Ирана, ставящее под вопрос его суверенитет и национальную безопасность, стратегические интересы и неопределенность в вопросе отмены санкций и многое другое. В Вашингтоне уверены, что диалог по согласованию деталей постоянного соглашения займет не меньше года. А само соглашение, как теперь выясняется, должно действовать чуть ли не 20–25 лет. То есть 20–25 лет шантажа и «выкручивания рук», подвешенного состояния и постоянных угроз «обратимости санкций» в адрес Ирана. Собственно, в Вене сегодня начинаются не переговоры по окончательному урегулированию вопросов, связанных с иранской ядерной программой. Там начинается новый этап давления на Иран. Давления, которое, по замыслу Вашингтона, должно устранить «иранское препятствие» американско-израильско-саудовской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке.

Николай Бобкин

Россия — Иран — США: Новые контуры региональной безопасности

Вчера в Вене стартовала первая встреча «шестерки» с иранской делегацией после заключения в ноябре прошлого года в Женеве промежуточных договоренностей. Теперь сторонам предстоит работа в направлении подписания окончательного соглашения. От Запада ожидают заинтересованности, сопоставимой с политической решимостью иранского руководства

закрыть свое ядерное досье дипломатическими средствами. Однако США и в этом вопросе оказались верны своей приверженности двойным стандартам. Американская администрация ведет себя крайне непоследовательно, а ее представители на переговорах сеют недоверие и раздор, выдвигают Ирану все новые и новые требования, не имеющие никакого отношения к его ядерной программе, своими воинственными заявлениями спровоцирует Иран на соответствующую реакцию, рискуя перечеркнуть надежды международного сообщества, связанные с устранением угрозы войны против Ирана и построением новой структуры региональной безопасности на Ближнем Востоке.

То, что у иранской ядерной проблемы есть региональное измерение, сомнений не вызывает. Этот вопрос входит в число важнейших аспектов безопасности, ибо речь идет о сохранении безъядерного статуса Ближнего Востока. Иранская ядерная программа стала принципиальным пунктом повестки двусторонних отношений Тегерана с десятками стран, как впрочем, стала и главным поводом для международной изоляции Ирана и инструментом оказания на ИРИ беспрецедентного экономического давления. Односторонние действия Запада против ИРИ прикрывались необходимостью выполнения исторической миссии «уберечь» Тегеран от обладания ядерным оружием. Сейчас же, когда Иран, проявляя добрую волю, практически в одностороннем порядке принял избыточно жесткие требования «шестерки», особенно в отношении мониторинга иранских ядерных объектов, администрация президента Обамы оказалась не готовой к конструктивной реакции на последние действия новой иранской дипломатии. Стало очевидно — США не заинтересованы в снятии ядерного досье Ирана с повестки дня.

Президент Обама и антииранский шантаж его друзей

Хотя идея возможного сближения Ирана с США находится пока на стадии ранних спекуляций, а с обеих сторон сделаны лишь первые и весьма роб-

кие шаги, мир, похоже, стал готовиться к новым контурам безопасности на Ближнем Востоке. Становится все более очевидным, что союз США с Саудовской Аравией уже не выгоден американцам и чреват опасностью замены американского доминирования в регионе на саудовское влияние. Демарш Эр-Рияда с отказом от места непостоянного члена в Совете Безопасности ООН не столько направлен против самого Совбеза, в частности против России или Китая, сколько стал прямым вызовом политике США на Ближнем Востоке. Саудиты, не считаясь с возражениями администрации президента Обамы, вмешиваются в определение дальнейшей политической судьбы, Ливана, Сирии, Ирака, Йемена и Бахрейна. Повсеместно Эр-Риядом предусматривается навязывание новых режимов, базирующихся на идеологии радикального политического ислама.

Спровоцированная и подталкиваемая Эр-Риядом борьба за власть в этих странах между суннитами и шиитами становится все более существенным фактором региональной безопасности. Вместо светских, пусть и авторитарных руководителей, к власти в арабских странах могут прийти только исламисты, и никаких других вариантов при саудовском участии не существует. Данное обстоятельство не только ухудшает региональную безопасность, но напрямую затрагивает национальную безопасность и стратегические интересы Ирана. В этой ситуации очевидно, что Иран выступает против планов Саудовской Аравии, предлагая свои модели урегулирования кризисных ситуаций, находящие поддержку международного сообщества. По большому счету США поставлены перед выбором, с кем выгоднее «дружить»: с Ираном, проводящим взвешенную, но самостоятельную политику, или с Саудовской Аравией, претендующей на роль лидера арабского мира, построенного на кровавой смуте и терроре. По идее, если подходить к решению этой дилеммы с позиций декларируемой США приверженности демократии, то после прихода на пост президента Хасана Роухани ответ в пользу Ирана должен стать очевидным. Это понимают и в стоящем вроде бы в стороне от саудовского экстремизма Израиле, руководство которого, тем не менее, также прибегло к шантажу США при появлении первых признаков нормализации отношений Вашингтона с Тегераном.

Вместо светских, пусть и авторитарных руководителей, к власти в арабских странах могут прийти только исламисты

Много лет внешняя политика Израиля была односторонней и ориентированной лишь на США, несмотря на это, Израиль откровенно вставлял палки в колеса в процессе подготовки промежуточного соглашения с Ираном, пытаясь поставить диалог на грань срыва для последующего предъявления Тегерану ультиматума. Перспектива сближения США с Ираном фактически означает отказ Вашингтона от его главной стратегии — стремления добиться капитуляции Тегерана и, в конечном счете, смены существующего в ИРИ политического режима. В этом главная причина серьезного недовольства Израиля Америкой. Пикантность ситуации заключается в том, что американский Конгресс фактически ориентируется на позицию Израиля в этом вопросе и вообще этот факт (израильское лобби во всех важнейших сферах США, законодательной, правительственной, финансово-банковской) серьезно сужает поле для маневра Барака Обамы.

В этой связи стоит напомнить, что уже после избрания нового президента в Иране Палата представителей Конгресса США поддержала в июле 2013 года введение новых санкций против ИРИ. За ужесточение санкций высказались 400 членов нижней палаты американского парламента, в то время как 20 человек проголосовали против. Сейчас многое указывает на то, что, несмотря на обещание Обамы применить свое право вето, нельзя исключать утверждения этого пакета санкций против Ирана. Промежуточное Женевское соглашение по иранской ядерной проблеме вместо внешнеполитического триумфа президента Обамы стало объектом его критики в Сенате, а само соглашение с Ираном, которое претендовало на высокое имя «сделка века», там уже названо «ошибкой века». Разумеется, американские конгрессмены, голосуя против Ирана, никогда не забывают о том, что в ряду иранских партнеров одно из ведущих мест занимает Россия, досадить которой в Сенате считается делом чести.

Россия — Иран — США: есть ли треугольник?

Сейчас многие эксперты возвращаются к моделированию треугольника «Россия — Иран — США». Нередко высказываются убеждения в уязвимости российских интересов при сближении Тегерана с Вашингтоном, прогнозируется нарастание соперничества и даже конфронтации Москвы с Вашингтоном, допускается переориентация Тегерана в сторону Америки.

Роль России не должна быть обязательно конкурентной, она будет направлена на укрепление регионального сотрудничества, создание нового баланса сил и укрепление стабильности в регионе. Основные политические игроки в регионе, такие как Египет, Иран, Сирия, Ирак и Ливан, а также ряд других стран приветствовали новый статус Москвы на Ближнем Востоке. В российском подходе к ядерным переговорам с Ираном лидеры этих государств отмечают более широкий контекст, тесно связанный с общим подходом Кремля к региональным и международным вопросам. Россия выступает за жесткий контроль над радикальными силами, за развитие двусторонних отношений со странами региона и предотвращение дальнейшей эскалации хаоса в регионе. Действительно, хаотичный и непредсказуемый Ближний Восток, разделенный по национальному и религиозному признакам, будет иметь пагубные последствия для всех, в том числе и для России и США. У России нет оснований снижать конструктивное взаимодействие с Ираном, так как в этом вопросе обе страны практически придерживаются схожих позиций.

Политическое окружение президента Роухани главной задачей считает восстановление экономики, испытывающей растущее давление санкций. Нормализация отношений с Западом нужна для вывода Ирана из международной изоляции и обуздания американской политики, ставшей на пути иранской экономики. «Это не означает, — подчеркивает Роухани, — отказ от наших принципов, но требует изменения методов». В решении этих задач Роухани за несколько месяцев сделал уже больше сильных дипломатических шагов, чем его предшественник Ахмадинежад за два срока президентства. Пока роль первопроходца на пути продвижения новых внешнеполитических инициатив новому правительству удастся, в том числе и в ослаблении санкций.

Без санкций Исламская Республика легко опередила бы Турцию и, возможно, уже стала бы супер державой регионального масштаба с мощной экономикой. Иранские экономисты уверены, что в случае отмены санкций против Ирана экономика их страны переживет бум. Ежегодный рост ВВП Исламской Республики может достичь, по прогнозам, 9–10% уже после 2015 года. В то время как хозяйственники в иранском руководстве находят все новые пути и способы обхода санкций, прагматики во внешнеполитическом ведомстве ИРИ нацелены на выход из конфронтации с США, с оговоркой на «приемлемых условиях», которые не подразумевают ухудшение отношений с Россией.

Для тех же, кто настойчиво моделирует разного рода «геополитические треугольники», таящие в себе опасность скорого ирано-американского сближения в ущерб интересам России, уместно напомнить высказывание известного иранского ученого, толкователя Корана аятоллы Джавади Амали. На встрече с главой МИД Ирана Мухаммедом Зарифом он напутствовал главу иранской дипломатии: «Пусть американцы не думают, что если мы протягиваем им руки для рукопожатия, значит, доверяем им. Наши менталитет и логика требуют того, чтобы после обсуждений и рукопожатий мы бы пересчитывали свои пальцы». В Иране распространенного повсеместно преклонения перед могуществом США нет, как и нет страха отстаивать свою позицию вопреки возражениям Америки, что часто звучит в унисон с российской политикой на Ближнем Востоке.

Где Иран стал на пути Америки

Сирия сейчас стала главным фронтом противостояния не только для Москвы и Вашингтона, но и для США и Ирана. Высказываясь по поводу сирийского кризиса, президент Ирана Хасан Роухани отметил, что «первым шагом должно быть коллективное решение противостоять терроризму и изгнать террористов из Сирии». Так же считает и российское руководство, ибо обосновавшийся на территории Сирии террористический интернационал представляет угрозу не только для союзников сирийского президента, но и для западных спонсоров боевиков. Россия, как заявил Сергей Лавров, не видит места в переговорном процессе для таких структур, как «Джабхат ан-Нусра», «Исламское государство Ирака и Сирии» и других воплощений «Аль-Каиды». Политические договоренности законного правительства Сирии возможны с вменяемой оппозицией, а не с террористами. С этих позиций Иран готов содействовать прекращению войны в Сирии, оставаясь главным союзником президента Башара Асада, которому намерен и дальше оказывать военную и финансовую поддержку, что бы на этот счет ни думали в Вашингтоне.

В Ираке Тегеран поддерживает арабов-шиитов, которые на протяжении столетий были «людьми второго сорта», неравноправной, дискриминируемой общиной и только после падения Саддама Хусейна получили возможность принять участие в государственном управлении страной. По замыслу США, оккупировавших Ирак в 2003 году, эта страна должна была стать заслоном на пути распространения влияния Тегерана в арабском мире, а если потребуют обстоятельства, то и плацдармом для нападения на Иран. Однако контроль над территорией не принес американцам контроля над

ситуацией в стране в целом, а внешнеполитические промахи Вашингтона очень выгодно использовал Иран. Сегодня Тегеран и Багдад находят общий язык, несмотря на существующие между ними определенные противоречия, а Ирак, оказавшийся под руководством шиитской общины, в стратегических вопросах ориентируется на Тегеран, что хорошо видно на примере позиции Багдада по Сирии.

В Афганистане американцы столкнулись с принципиальным несогласием Ирана с дальнейшим пребыванием войск США после 2014 года. В Тегеране считают, что военное присутствие США и НАТО может иметь отрицательные последствия и для Афганистана, и для региона в целом. С опасениями иранцев насчет того, что Афганистан может стать рычагом, с помощью которого США будут регулировать с пользой для себя уровень угроз для приграничных с Афганистаном государств, трудно не согласиться. С позиций международного права иранская дипломатия имеет все основания добиваться от соседнего государства отказа на военное присутствие США в Афганистане, так как мандат Совбеза ООН заканчивается, и американцы собираются остаться здесь лишь по договоренности с афганским правительством. Президент Хамид Карзай после визита в Тегеран отказался ставить свою подпись под афгано-американским пактом, отослав Белый Дом к новому главе Афганистана, имя которого станет известно после выборов в апреле этого года. Разумеется, американцы увидели в этом «длинную руку» Тегерана.

Что касается позиции России по Афганистану, то в МИД РФ опровергли сообщения о том, что президент Владимир Путин призвал Афганистан подписать соглашение с Соединенными Штатами. На наш взгляд, иранский подход заслуживает внимания, ибо способность США обеспечить в Афганистане безопасность на базе предлагаемых Кабулу договоренностей вызывает самые серьезные сомнения. Если со стороны Вашингтона нет соответствующих гарантий, то и дальнейшее пребывание американцев в Афганистане с точки зрения интересов России теряет смысл. Тем более что Кабул стремится сейчас отойти от односторонней ориентации на Вашингтон и Брюссель. Афганистан обратился к России с просьбой о помощи в обеспечении безопасности и с предложением о совместном участии в инфраструктурных проектах.

***

США теряют свою мощь и уже не в состоянии направлять политику своих вассалов в нужное для себя русло. Эта тенденция становится заметной и для самого населения США, где, по данным опроса организации Pew Research Center, положительное мнение американцев относительно геополитического влияния своей страны достигло исторического минимума: впервые большинство респондентов (53%) ответили, что сегодня США играет менее значительную роль в мире, чем 10 лет назад. Тем не менее, гегемонистские амбиции американского руководства остаются, нынешняя администрация президента Барака Обамы никак не может выбраться из разбитой взаимной враждебностью «иранской колеи», невежественно игнорируя роль и значение Ирана в новых контурах региональной безопасности на Ближнем Востоке.

Геннадий Литвинцев

Россия — Иран: Вопросы культурного взаимодействия

Соживлением в последнее время ирано-российских отношений вновь возникла необходимость ответить на ряд острых вопросов «почему?». Заметный толчок дало заявление президента Владимира Путина на Большой пресс-конференции в декабре прошлого года о том, что Иран — наш приоритетный партнер и с ним надо развивать отношения практически во всех сферах. Но почему зачастую глохнут самые многообещающие программы, проекты и даже подписанные контракты и соглашения? В Иране не знают русского языка, а в России персидский знают буквально единицы, редкие переводчики и востоковеды. Так что мешает россиянам и иранцам и в политике, и в бизнесе, да и просто в налаживании контактов и связей? Ответ оказывается очень простым — отсутствие культурно-гуманитарных связей, прочного фундамента, на котором базировались бы торгово-экономические, политические и иные отношения между Россией и Ираном.

Ставший международным английский язык в Иране мало выручает или не поможет вовсе. В магазинах, на базарах — тем более. Даже не во всяком министерстве с бизнесменами переговоришь на английском. Впрочем, как и у нас. На великих просторах России, особенно в провинции, редко найдешь англоговорящего, и то — среди продвинутой молодежи. Переводчиков для «прорыва во всесторонних отношениях» не напасешься.

Мудрое иранское руководство сделало значительный шаг впереди России. Еще два года назад в иранских школах было введено изучение русского языка, в качестве обязательного второго иностранного (после английского). Детям с 6-го класса предлагают на выбор русский, немецкий, итальянский, испанский или французский. Поразительно, но, по данным министерства образования Ирана, русский в этой пятёрке становится лидером по популярности. Причины такого предпочтения легко объяснимы: наши страны-соседи связаны многовековыми традициями отношений. Генетическая память бессмертна! Иранский народ сам тянется к нам, к истокам общей древней культуры!

Включение русского языка в школьную программу — дружеский и одновременно и весьма прагматичный шаг Ирана в сторону России. Он напрямую связан с оживившимися надеждами на многостороннее развитие отношений наших стран, на реализацию совместных торгово-экономических, научно-технических и гуманитарных проектов. Как говорится, шаг теперь за

великой Россией. Почему у нас изучают многие восточные языки в средних школах, включая китайский, хинди, иврит, а фарси — нет? Это недальновидность или политика? У нас, кстати, столько мусульманских школ, как ни в одной стране мира со смешанным населением, в таких республиках, как Башкирия, Татарстан, Северный Кавказ... Там с удовольствием бы изучали такую страну как Иран и богатый персидский язык.

Главная опасность для России — Запад

Попробуем проанализировать ситуацию и ответить, что нам мешает и почему. Интерес к другим странам и народам определяется не их величиной, весом в международных делах, не всегда даже географическим соседством, но главным образом — содержательной стороной их существования, привлекательностью духовного облика, ощущением исторической значимости пути, сходством судеб, не всегда, быть может, угадываемым. Если говорить об Иране, то обращенный к нему взгляд наших многих соотечественников обусловлен всеми перечисленными выше причинами, да плюс к тому близостью, опять же не только географической, но и исторической, в том числе к Кавказу, главной ныне болевой точке России. К тому же, и это важнейшее обстоятельство, на отношение к каспийскому соседу определенно накладываются наши внутренние идейные размежевания. Если одни деятели готовы всегда и во всем признавать правоту Ирана, видя в нем едва ли не единственную силу, противостоящую лагерю мировой либеральной агрессии, то иные, из доморощенных либералов, безоговорочно наделяют «страну аятолл» всеми атрибутами зла. При этом те и другие нередко считают излишним сверять свою позицию с реальным образом страны, упираясь в идеологические клише и не желая вникать в ситуацию и мудро выбирать — с кем дружить, а кого держать на расстоянии.

В Интернете, а то и в печатной прессе, можно встретить огромное количество отзывов побывавших в Иране российских путешественников. Это крики восторга и восклицания прозрения: «Как же так? Нам говорили, что нас ждет мрачная, задавленная средневековыми обычаями страна религиозных фанатиков, а мы встретили совсем иное — да, отличающуюся от нашего, но светлую и открытую страну доброжелательных и приветливых людей, самобытной культуры, современной техники и науки!»... «Чистота и поголовная грамотность, европейская культура с восточным колоритом!». «На каждом шагу мы встречали опровержения наших прежних представлений — и сами смеялись тому, какими же прежде мы были наивными и ограниченными...»

Невежество и обман в отношении стран независимой ориентации распространяют либеральные СМИ, для которых, как известно, и солнце всходит на западе. Однако, надо сказать, со своей задачей они справляются все хуже и хуже, во всяком случае, у нас в России. Недавно даже на суперлиберальном портале «Сноб» встретила блестящая отповедь одного из читателей недоброжелателям Ирана: «Это одна из редких стран (и чуть ли не единственная), где чтут и берегут традиционные человеческие ценности, где человек человеку — человек, а не машина потребления, где любят женщину, а не превращают ее в феминистское пугало. Там по-настоящему уважают старших и боятся Бога, где приняты нормы человеческой нравственности,

а не насаждается уродливая и лицемерная политкорректность. В силу всего перечисленного, — Иран был и остается костью в горле либералов. Отсюда их непрекращающаяся с ним идейная и пропагандистская война».

Но нередко и те, кто настроен вполне объективно и доброжелательно, смотрят вокруг глазами, «взятыми напрокат» у Запада, невольно, порой даже неосознанно пользуются принятыми там стандартами и стереотипами. У нас должен быть свой, русский, российский, взгляд на окружающий мир, в первую очередь, на соседние, истинно дружественные страны. Это должен быть взгляд человека, свободного от навязанных западной пропагандой стереотипов, открытого, восприимчивого, но не раболепствующего. Еще в середине 19 века великий русский философ и политик Константин Леонтьев писал: «Главная и постоянная опасность для России — на Западе; не естественно ли ей искать и готовить себе союзников на Востоке? Если этим союзником захочет быть и мусульманство, тем лучше». В наши дни его слова звучат еще актуальнее.

Туристы — посланники дружбы

Еще в Шереметьево, проходя регистрацию, замечаешь, что пассажиры рейса «Москва-Тегеран» (и обратно) в большинстве своем явно не «новые», а «старые русские» (не по возрасту, конечно) — их как-то сразу отличаешь по деловой осанке, серьезным и смышленным лицам, скромной одежде, старомодной, то есть деликатной, манере поведения. Инженеры, рабочие, похожие на вахтовиков Сургута и Уренгоя. Совсем не такие стояли в тот день в очереди на Париж и Барселону. В Иран ведь едут не тратить деньги, а зарабатывать — на строительстве АЭС, модернизации металлургического комбината в Исфохане, на прокладке нефте- и газопроводов, разведке новых запасов, на предприятия автомобильной индустрии, как например, автогигант «Камаз» в Тебризе. Всякого рода «браткам» и прожигателям жизни в Иране нечего делать. Любителям красоваться на пляжах в стиле «ню» и топless — тоже... Но отдохнуть есть где и вовсе без спиртного — от горных лыж, даже знойным летом, до прекрасного дайвинга на острове Киш. И не слышно там ни о какой мафии — ни о русской, ни о кавказской, которых так боятся в западных столицах. По ночному Тегерану ходишь без всякого страха....

И что замечаешь сразу: в Иране, в отличие, скажем, от Турции, праздно проводящих время наших не так много. Есть такая грустная похвала для мест, еще «диких» для России: «Тут пока русскими ничего не испорчено»... Иран трудно испортить. Там свои законы и традиции. А туристическим фирмам России еще предстоит по-настоящему открывать Иран — эту страну, столь богатую природными красотами, памятниками истории и культуры, для экскурсий и отдыха. Мы убедились, что в этой стране есть все условия для делового и познавательного туризма. Подобные же задачи, только в ответном направлении, стоят, разумеется, и перед иранским турбизнесом.

На языке Пушкина и Саади

Ничто так не сближает народы, как знание языков и культуры друг друга. Но достижений на этом поприще, подчеркнем, не так много. В России

первая книга с персидского на русский была переведена еще в 1805 году. А на персидский язык с того времени было переведено 1048 произведений русской классической и современной литературы, из них 220 книг за последние пять лет. Русский язык в настоящее время изучается в десяти иранских университетах. Думаю, наша страна должна помочь наладить обучение иранских школьников и студентов русскому языку, подготовить необходимые кадры преподавателей. Это огромный пласт работы. И у нас есть в этом направлении определенные заделы и традиции. Еще в 2009 году в Москве был представлен учебник грамматики русского языка, разработанный специально для персоговорящих студентов и школьников российскими и иранскими лингвистами. «Это первый учебник по русской грамматике для говорящих на фарси, полностью учитывающий культурные особенности Ирана и сделанный на современном языковом материале, — говорит один из авторов профессор кафедры русского языка МГУ Марина Сидорова. — Учебник полностью выверен для использования в исламских республиках. Пособие выдержано с точки зрения соблюдения даже самых деликатных моральных норм ислама». Пособие разработано совместно с доцентом кафедры русского языка Тегеранского университета Сейедом Хасаном Захраи. Это первый учебник русского языка в Иране. В книге используются не только российские реалии, но и иранские: например, рядом с русским Новым годом соседствует Новруз. В тексте использованы впечатления российских путешественников, побывавших в Иране. Запланировано издание серии подобных восьми учебных пособий по русскому языку. Но этого всего, повторям, крайне недостаточно.

Стараниями Культурного представительства ИРИ в России преподавание персидского языка организовано лишь в нескольких специализированных средних школах Москвы. Здесь школьники имеют возможность посещать факультативные занятия по освоению языка Фирдоуси и Саади. В России персидский язык в настоящее время изучается в восемнадцати вузах. Для такой страны, как Иран, с более чем 70-миллионным населением — это все равно «капля в море».

Сейчас в Иране работает целая группа переводчиков с русского языка. Самые известные — Казем Ансари, Керим Кешаварз и Суруш Хабиби. Их стараниями снова начали переводиться шедевры русских писателей на персидский язык. Например, только за последние два десятилетия произведения Л. Н. Толстого выдержали в Иране около ста изданий. Однако труды современных русских писателей, по словам профессора Тегеранского университета Дж. Карими-Мотаххара, переводятся еще в недостаточном объеме. На фарси уже читают многие произведения таких русских писателей XX века, как М. Шолохов, В. Набоков, А. Солженицын, И. Бунин, А. Ахматова, М. Цветаева. О некоторых написаны монографии и критические исследования. Однако, по мнению профессора, этого недостаточно для того, чтобы дать по-настоящему полное представление персидским читателям о русской литературе XX века.

Мы не можем похвастаться многими переводами персидской литературы на русский язык. Это только поэзия великих персидских классиков Фирдоуси, Рудаки, Хайяма, Саади, Хафиза, Джами в переводах А. Фета, В. Брюсова, М. Кузьмина, И. Сельвинского, В. Державина, Д. Самойлова. Современная иранская литература русскому читателю известна гораздо меньше. И дело,

не за переводчиками — они-то, пожалуй, и сейчас найдутся. Дело в самой политике языкознания, которую, как известно, определяет руководство страны.

Культурные мосты через Каспий

Благодаря настоящим энтузиастам в Иране и в России, в последние два года произошли заметные сдвиги в культурных связях. В октябре прошлого года в Иране с успехом прошли Дни российской культуры, организованные Министерством культуры РФ и Министерством культуры и исламской ориентации Ирана. Это был как бы «ответный визит» нашей страны на прошедшую годом раньше Неделю культуры Ирана в России. Тогда, в октябре 2012 года, жители Москвы и Санкт-Петербурга могли в свое удовольствие посмотреть иранские фильмы, познакомиться с образцами современного и традиционного иранского искусства, услышать иранскую классическую музыку. В столичном кинотеатре «Художественный» в рамках Недели иранского кино было показано пять фильмов, наиболее полно отражающих достижения кинематографа ИРИ: «Дни жизни» режиссера Парвиза Шейхтади, «Царство Соломона» Бахтияра Бахрани, «Здесь без меня» Бахрама Таваколи, «Альцгеймер» Ахмада Резы Моттамади и «Водный шелковый путь» Мохаммада Реза Бозоргниа. За последнее десятилетие иранские фильмы пять раз становились обладателями высших наград престижных российских кинофестивалей, а российские режиссеры удостоивались иранских наград. Во ВГИКе учатся иранские студенты, здесь же проводят мастер-классы с участием приехавших в Москву иранских режиссеров и актеров.

Однако острые проблемы поставили состоявшиеся еще в декабре 2012 года в Общественной Палате РФ слушания на тему «Россия-Иран: перспективы культурного и образовательного сотрудничества». Они прошли отнюдь не в атмосфере благодушия и удовлетворенности достигнутым. Многие вопросы до сих пор так и не решены. Например, почему и благодаря какому волевому решению свыше «заснуло» и не оживает столь активно действовавшее в советские времена и в СССР, и в Иране Общество дружбы и культурных связей, служившее реальным культурным мостом между двумя странами? В Москве уже много лет плодотворно действует Культурное представительство Ирана, но нет подобного представительства России в Тегеране, хотя не видно и никаких препятствий для его создания.

Бехруз Абтахи, научный представитель Ирана в России, отвечающий за работу с иранскими студентами в России и странах СНГ, привел такие данные: из 80 тысяч молодых иранцев, получающих образование за границей, в России обучаются не более 500 человек. Оказывается, за знаниями к нам трудно попасть из-за чрезмерно сложной процедуры верификации документов в Рособрнадзоре — приходится ждать до двух лет! Правда, наша страна занимает 2-е место в мире по числу иранских аспирантов, что говорит о высоком рейтинге российской науки в Иране. В настоящее время в иранских вузах учатся 12 тысяч иностранных студентов, однако российских среди них единицы. Между тем, в иранских вузах есть чему поучиться. Согласно конкурсу, проведенному еще в 2006 году Стэнфордским университетом (США), иранский технологический университет Шариф признан лучшим учебным заведениям мира по подготовке специалистов в области

электроники. Российские студенты в Иране могли бы получить и техническое, и медицинское, и гуманитарное образование.

Кто и что сейчас мешает заключить новое, более обширное и долговременное Межвузовское соглашение (или ряд соглашений) по обмену студентами и преподавательской практике? Задачу финансирования обучения российских студентов в Иране и иранских в России мог бы взять на себя специально созданный совместный российско-иранский фонд. А затраты окупилась бы с лихвой. Ведь это инвестиции в долгосрочную политику.

***

Вся геополитическая обстановка в мире говорит о необходимости российско-иранского стратегического сотрудничества. В заключение возвратимся к словам президента России Владимира Путина на Большой ежегодной пресс-конференции в декабре прошлого года: «Иран для нас является одним из приоритетных партнеров в регионе, это наш сосед. Мы настроены развивать отношения с Ираном по всем направлениям и это наш принципиальный выбор». Все достижения на этом пути могут оказаться кратковременными или иллюзорными без гуманитарных связей, взаимодействия в социальной сфере, научных и культурных обменов, без языкового взаимопонимания. Здесь опыта нашим странам явно недостает. Введение русского языка в иранских школах становится первым по-настоящему динамичным прорывом в этом направлении. Иран демонстрирует позитивный подход к развитию дружеских отношений с нашей страной, показывает их долгосрочный характер. Кто в России должен заметить и оценить этот знаменательный жест и, главное, сделать ответный решающий шаг?

Игорь Николаев

США-Израиль: пропасть не дадим, но измениться заставим

Сохранение Государства Израиль и обеспечение его безопасности было и есть одним из главных приоритетов США. Состояние ирано-американских отношений и позиция США в основных конфликтах на Ближнем Востоке, в первую очередь — в сирийском, диктуется именно этой позицией, на которую буквально зомбирована большая часть американского политического истеблишмента. Почему же тогда в официальных документах и выступлениях видных политиков США появляются прогнозы об «исчезновении Израиля»?

Выступая на Мюнхенской конференции по безопасности, госсекретарь Джон Керри заявил, что если мирные переговоры с палестинцами не принесут желаемых результатов, Израиль может оказаться перед лицом международного бойкота. Разумеется, это вызвало бурю в самом «еврейском и демократическом государстве» мира. Министр Юваль Штайниц заявил, что Израиль не будет вести переговоры «под дулом пистолета», особенно когда на карту поставлены жизненно важные национальные интересы страны. Ну а «неистовый Биби» Нетаньяху тут же вспомнил о праве и совести: «Попытки бойкотировать государство Израиль аморальны и несправедливы. Они не достигнут цели».

Слова о морали и справедливости из уст Нетаньяху — вещь изумительная, поскольку Биби и мораль, Биби и справедливость — вещи, сродни проповеди о трезвости из уст алкоголика. Но еще интереснее, что же подвигло Керри, уже примеряющего под себя место будущего хозяина Белого Дома, на столь «самоубийственное» высказывание, которое делает его мишенью №1 для американского произраильского лобби?

Конспирологические теории и версия о том, что Керри вместе с Обамой решили вступить в схватку с «израильским спрутом», отпадают с ходу. И из логических объяснений остается только одно — безответственная политика Тель-Авива, наглость и демонстративное хамство в отношении интересов основного стратегического партнера, которым для Израиля являются США, Вашингтон уже откровенно «достали». Тель-Авив зарвался, его поведение ломает всю американскую стратегию на Ближнем Востоке, создает огромное количество проблем, и разговаривать с тель-авивскими ястребами американский истеблишмент решил теперь на том языке, который они понимают лучше всего — на языке угроз и шантажа.

«Великий Израиль» — государство апартеида

Либеральная пресса, не только на Западе, но и в нашей стране, с надрывом вещает о военных преступлениях «кровавого режима» в Сирии, о тотальной несвободе в Иране и ксенофобии в России. И застенчиво молчит о том, что «под боком» международного сообщества существует государство, в котором за десять лет убито свыше 6300 палестинцев — в большинстве, по заключениям международных наблюдателей, женщины и дети. А еще около 37 тысяч получили ранения. По официальным данным, 7383 палестинца сегодня находятся в заключении без предъявления обвинений и решения суда. В период с 2004 по 2010 годы было конфисковано 250 квадратных километров палестинских земель, на которых построено 223 израильских поселения. Воля ваша, но если это не массовые нарушения прав человека и откровенный апартеид, то как охарактеризовать подобную ситуацию?

Все прекрасно понимают, что именно такая политика израильского руководства провоцирует напряженность, конфликты и терроризм. Периодически из Вашингтона, Лондона и Парижа даже звучат деликатные намеки в адрес Тель-Авива: дескать, мягче надо, как-то гуманнее, времена меняются, и то, что сходило с рук в шестидесятые-семидесятые, в разгар «холодной войны», в нынешнем «толерантном и политкорректном» мире выглядит «не очень демократично». Израильскому руководству данные намеки «как с гуся вода», совершенно безразличны. В ноябре 2013 года оно, в дополнение к политике строительства поселений на оккупированных арабских землях, начало реализацию программы принудительного выселения около 70 тысяч палестинских бедуинов из пустыни Негев. Правда, большинство «выселенцев» — граждане Израиля. Попутно будет снесено 35 принадлежащих бедуинам деревень, которые объявлены «незаконными поселениями». Ну а коренному населению предлагается переселиться в специально для этих целей создаваемые резервации — или «бантустаны», кому как больше нравится. Пикантности данной акции добавляет то обстоятельство, что в интернете размещаются официальные обращения израильского правительства к евреям Великобритании, предлагающие выплату «подъемных» и раздачу земельных участков в Негеве. Будущим колонистам обещают, что к создаваемым поселениям будет подведена вся необходимая инфраструктура, которую для коренного населения все эти десятилетия никто создавать не планировал.

На Западе давно существует и с каждым днем крепнет общественное движение, обвиняющее израильские власти в апартеиде. Собственно, этот термин появился в связи с ЮАР, а потому более чем интересно, как выходцы из Южно-Африканской республики оценивают то, что происходит в Израиле. Вот что писал в 2008 году редактор йоханнесбургской «Sunday Times» Монди Макхания после посещения оккупированных Израилем территорий: «Узнавая обо всем издалека, вы понимаете, что все плохо, но не знаете, насколько плохо. Ничто не может подготовить вас к тому размаху зла, который вы видите здесь. В определенном смысле это гораздо, гораздо хуже всего, что пережили мы. Уровень апартеида, расизма и жестокости хуже, чем в худший из периодов апартеида у нас... Режим апартеида считал черных низшей расой; мне кажется, что израильяне вообще не считают палестинцев людьми. Как мог человеческий мозг изобрести это тотальное разделение, отдельные дороги, блокпосты? То, что пережили мы, было трижды ужасно — и все же не идет ни в какое сравнение! Здесь все гораздо

ужасней. Мы знали к тому же, что в один прекрасный день все закончится, но здесь не видно конца. В конце туннеля — не то, что виден свет, а еще большая тьма».

Естественно, что все критические высказывания израильское лобби объявляет политической клеветой, заявляет о высших интересах в обеспечении безопасности Израиля и, подозрительно прищурившись, выдвигает самое страшное по нынешним политкорректным и мультикультурным временам обвинение, грозящее в Европе уголовным наказанием, — в антисемитизме. Двойные стандарты, при которых бессудные убийства и пытки шиитских активистов в Бахрейне замалчиваются, а домашний арест для лидеров «зеленой оппозиции» (в целях обеспечения их безопасности от народного гнева) в Иране подается в СМИ как «массовые репрессии режима аятолл» — состояние для Запада совершенно привычное. При одном условии — когда твой союзник не переходит некую грань «приличий», репрессирует и дискриминирует — но «по-тихому», без излишнего афиширования. Израиль, со свойственной ему самонадеянностью, эту грань перешел, а потому Запад вынужден задавать ему вопросы все жестче и жестче.

Идеологическое обаяние паразитизма и проблемы конкуренции

Когда говорят об агрессивности Израиля, то зачастую упускают еще один, чисто «экономический» момент. Вне конфликта, вне конфронтации с арабским миром Израиль в его нынешнем состоянии существовать не может. Кто в Вашингтоне сумеет объяснить американцам, с какой такой радости Тель-Авив получает ежегодно от США 3,7 миллиарда долларов безвозмездной финансовой помощи — при этом и о военных поставках по льготным ценам тоже забывать не нужно — если никакой внешней и внутренней угрозы безопасности «островку демократии на Ближнем Востоке» нет? Возникла порочная схема, при которой Израиль, наряду с Саудовской Аравией, является основным элементом американской системы сдержек и противовесов в регионе, за что, собственно, и получает деньги. Соответственно, Израилю выгодно поддержание нестабильности и напряженности, потому как в противном случае экономике еврейского государства придет конец.

Но вот выгодно ли это для США? Большой вопрос, поскольку в сравнении с другими союзниками Вашингтона Израиль является обладателем уникального «бонуса»: в соответствии с условиями соглашения 2007 года (предусматривающего в течение следующего десятилетия увеличение американской военной помощи Израилю на \$6 миллиардов и доведение общего объема помощи до 30 миллиардов), Израиль будет в состоянии тратить более 26% американской помощи на вооружение, производимого на израильских предприятиях, то есть — для американского ВПК теперь финансовая помощь Израилю гораздо менее выгодна, чем помощь той же Саудовской Аравии или Египту, которая возвращается в виде грандиозных «оружейных контрактов».

Помощь США помогла Израилю превратить свои вооруженные силы в одну из наиболее технологически оснащенных армий мира. Но поскольку эта помощь частично предназначалась для закупки военной продукции,

производимой на израильских оборонных предприятиях, то есть, по сути, являлась инвестициями в израильский ВПК, то мощная и наукоемкая оборонная промышленность Израиля сегодня вступает в конкуренцию с США на мировом рынке оружия. С того же 2007 года ежегодный военный заказ Израиля в самих Штатах составляет около двух с половиной миллиардов долларов. Соответственно — для американского ВПК Израиль становится куда как менее приоритетным партнером, чем те же монархии Персидского Залива. А потому он, этот ВПК, традиционно оказывающий сильное влияние на формирование внешней политики Вашингтона, совсем не против того, чтобы Израиль «немного подвинулся» в новой схеме сдержек и противовесов, которые США, при поддержке Лондона и Парижа, формируют сейчас на Ближнем Востоке.

Прогнозы или угрозы

Британский премьер Дэвид Кэмерон на приеме, устроенном в собственной резиденции на Даунинг-стрит в честь празднования Хануки, заявил: «Враги Израиля являются моими врагами. Угроза Израилю является угрозой всем нам». Цитировать аналогичные высказывания американских политиков — никакого места не хватит. Достаточно будет того факта, что с 1972 года США наложили 44 вето на резолюции Совета Безопасности ООН, осуждающих Израиль. А потому не стоит удивляться, что в ответ на обращение конференции стран-участников Договора о нераспространении ядерного оружия с предложением допустить международных инспекторов к собственным реакторам в Димоне и к ядерным арсеналам, Тель-Авив на чистом, что называется, глазу ответил: «Мы не подписывали договор о нераспространении и, следовательно, не нуждаемся в надзоре за исполнением его требований. Мы считаем необходимым иметь ядерное оружие и использовать его тогда, когда сочтем это необходимым». Только представим, что подобным образом на предложения МАГАТЭ или «большой шестерки» ответил бы Иран. Но проблема для Тель-Авива заключается в том, что «золотое время» его безнаказанности начинает уходить в прошлое.

Бывший директор ЦРУ Дэвид Петреус как-то заметил, что «непрекращающаяся воинственность Израиля в отношении своих соседей по региону создает серьезные проблемы интересам США на Ближнем Востоке. Подобное поведение разжигает антиамериканизм, поскольку Израиль в регионе считается фаворитом Вашингтона, которому все позволено». Сочувствовать «трудностям» США в «израильском вопросе» совершенно не хочется. Принцип «сукин сын, но это наш сукин сын» — в политике неизбежен. Но есть некие границы, переходить за которые — самоубийственно. Нынешний конфликт Барака Обамы и Тель-Авива заключается не столько в вопросе об «иранском ядерном досье», а в том, что слишком многие в США стали задавать себе вопрос: «А сумеем ли мы удержать Израиль, если он развяжет серьезную войну на Ближнем Востоке и втянет в нее США?».

Для подобных опасений есть все основания. Не имея возможностей для прямой агрессии против Ирана и прекрасно понимая, что США этого не допустят, в Израиле начались разговоры о неотвратимости «третьей ливанской войны», в ходе которой должен быть разгромлен стратегический союзник Ирана и Сирии — движение «Хезболла». Всего два года назад США

с трудом удержали Тель-Авив от вооруженных провокаций против Ирана в период «Ормузского кризиса». И, что, пожалуй, сегодня для Белого дома важнее всего, позиция нынешнего руководства Израиля является главным препятствием для решения «палестинского вопроса», на который в ближневосточной стратегии Вашингтона слишком многое завязано, в том числе и схема будущих отношений с Ираном и Сирией.

Во время пресс-конференции в Мюнхене, уже упоминавшейся выше, Джон Кэрри сказал: «Мы все заинтересованы в решении этой проблемы. Где бы я ни был — и я не преувеличиваю — на Дальнем ли Востоке, в Африке ли, в Латинской ли Америке, везде премьеры и президенты задают мне один и тот же вопрос «Можете вы что-нибудь сделать, чтобы мы покончили, наконец, с израильско-палестинским конфликтом?» Нет, не могут, пока не заставят Тель-Авив изменить свою политику в отношении Ирана, Палестины и остального мира. А потому начинают «осаживать» зарвавшегося союзника, угрожать «бойкотом и санкциями», делать информационные вбросы о возможном «исчезновении Израиля».

***

США никогда и ни при каких обстоятельствах не откажутся от Тель-Авива в качестве стратегического союзника в противостоянии исламскому миру. То, что мы наблюдаем сейчас — это попытка напомнить «младшему партнеру» его место, указать на то, кто, собственно, главный в этом союзе. Впрочем, процесс «воспитания» не будет носить слишком уж жесткий характер. Даже самые твердолобые ястребы в Тель-Авиве понимают, что без Вашингтона они немногого стоят, а потому с криками, скандалами, но на компромисс с «генеральной линией» США все же пойдут. Другое дело, что в процессе этого принуждения Израиля к изменениям американская политическая элита будет отчаянно маневрировать и «раздавать авансы» остальному миру, «заигрывать» с Ираном, втягивать в свои интриги Россию. И очень важно понимать, что это — не более чем игра, ставка в которой отнюдь не безопасность региона, отнюдь не интересы мира и стабильности, а только сохранение своего стратегического и идеологического партнера, пусть и в несколько «очеловеченном» виде.

Николай Бобкин

Иран после санкций и интересы России

20 февраля завершился очередной раунд переговоров Ирана и шести международных посредников. Стороны согласовали исчерпывающий круг тем и график работы для достижения всеобъемлющего соглашения, которое призвано покончить с подозрениями в адрес ядерной программы Тегерана. Если в итоге будут достигнуты окончательные договоренности, то режим санкций с Тегерана будет снят, двери иранской экономики вновь откроются для зарубежных компаний и инвесторов, но далеко не всех. Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи рекомендовал правительству выбрать «стратегических потребителей» иранской нефти с учетом их прежней позиции в отношении существующего в отношении государства режима международных санкций. У стран, выступивших инициаторами эмбарго на поставки нефти из Ирана, шансов на прорыв в экономических отношениях с ИРИ практически нет. Такое не забывается. Снятие санкций само по себе не дает компаниям из этих стран «зеленую карту» в конкурентной борьбе на иранском рынке с дружественными Ирану государствами, в числе которых Россия занимает одно из ведущих мест.

Однако далеко не все эксперты даже в России прогнозируют благоприятную бизнес-среду в Иране для российских компаний. Есть мнение, что Иран с отменой санкций воспользуется шансом вернуться в мировую политику в новом качестве, — торгово-экономического партнера Европы и США. Без достаточных на то оснований высказываются предположения о возможной смене США своего главного партнера среды исламских стран на Ближнем Востоке — с Саудовской Аравии на Иран. Ожидается, что их отношения будут претерпевать серьезные изменения и даже со своим стратегическим партнером на Ближнем Востоке — Израилем в связи с улучшением отношений с Ираном. Распространены также опасения, что возвращение Ирана на рынок нефти может привести к катастрофическому для России снижению цен. В обозримом будущем Иран представляется и как опасный прямой конкурент экспорту российского газа в Европу и на другие рынки. Подобные аргументы, чаще всего, приводятся в защиту позиции о нецелесообразности российской поддержки Тегерана в его стремлении как можно быстрее выйти из режима санкций, а также и по поводу якобы сомнительных перспектив нашего двустороннего сотрудничества в нефтегазовом секторе.

Иранская нефть и российские интересы

Нефтяное эмбарго последовало из Европы, однако страны ЕС потребляли лишь 18% продаваемой Ираном нефти на сумму около 10 млрд долларов в год. В отношении 20 процентной доли Китая у Ирана вообще проблем не было. Китай не прекратил импорт нефти из Ирана. Примерно такая же

ситуация сохраняется и в отношении других наиболее крупных азиатских покупателей иранской нефти, в частности Индии, Южной Кореи и Японии, которые сократили свои закупки, но продолжают сотрудничать с Ираном. Поставки иранской нефти в Южную Корею уменьшились на 14,3% (до 134 тысяч баррелей), Япония сократила закупку иранской нефти на 6,4% (до 177,41 тысячи баррелей). Китай в прошлом году продолжил закупать у Ирана практически такие же объемы нефти, сократив поставки всего на 2,2% (до 428,84 тысячи баррелей). Индия остается вторым крупнейшим клиентом Ирана после Китая и закупает иранскую сырую нефть примерно на 12 млрд долларов в год. Требование США к Индии снизить импорт нефти из Ирана на 15% осталось невыполненным, сокращение поставок оценивается в 3–5%. Как видно, ни в одной из стран-импортеров иранской нефти режим санкций интересы российских нефтяных компаний не затрагивает.

Что касается ожидаемого обвала цен на нефть, то и здесь больше пессимистичных ожиданий, чем можно допускать при взвешенном подходе к реальной перспективе. Первое, что следует принимать во внимание, это то, что Иран был вынужден смириться со снижением рентабельности своего нефтяного экспорта, сознательно идя на определенные дисконты в условиях санкций. Тегеран продавал свою нефть азиатским партнерам по ценам заметно ниже действующих на международном рынке. Отказавшись от уступок по цене, Тегеран может лишь вернуться к цене на черное золото на международном уровне, что никак не может привести к всеобщему снижению цен. Япония первой из государств мира открыто воспользовалась облегчением санкций против Ирана. На днях она закупила у Исламской Республики нефть и перевела ей деньги.

Во-вторых, для рынка снятие санкций может означать не увеличение предложения, а восстановление иранских позиций в поставках на традиционные для Ирана рынки. В этом случае Ирану потребуются подготовить инфраструктуру, снова вывести имеющиеся мощности на требуемые уровни, заключить новые договоры, дожидаться снятия санкций в финансово-банковской сфере, отмены ограничений на страхование перевозок и многое другое. Ожидать сиюминутного и обвального возвращения иранской нефти на рынок нет оснований, в большей степени нужно опасаться влияния на цену кризисных явлений в глобальной экономике, а не возвращения на рынки утраченной из-за санкций части иранской нефти. В ближайшее время, на период действия режима лишь частичного снятия санкций, экспорт иранской нефти останется на нынешнем уровне, во время полугодовых переговоров увеличение объемов экспорта иранской нефти не предусмотрено.

У России и Ирана есть реальные, а не надуманные планы сотрудничества в нефтяном секторе. Иранской стороной России переданы предложения по ряду месторождений, в разработке которых могли бы принять долевое участие российские компании. Иранцы не ограничиваются декларацией добрых намерений, а уже передали в Минэнерго России свои предложения по конкретным месторождениям. Достигнута принципиальная договоренность о том, что специально для предоставления возможности российским добывающим компаниям работать на территории Ирана будут внесены изменения в иранское внутреннее законодательство. Минэнерго России представило иранской стороне российские компании, рекомендуемые для сотрудничества в сфере разработки иранских нефтегазовых месторождений. Министр энергетики РФ Александр Новак, возглавляющий с российской стороны Российско-Иран-

скую межправительственную комиссию по торгово-экономическому сотрудничеству, уверен, что поставки российского энергооборудования могут уже в ближайшее время позволить нашим странам восстановить торговый оборот до уровня, предшествовавшего введению санкций в отношении Тегерана. При этом речь идет и о газовом секторе иранской экономики.

Иранский газ на пути в Европу и Россия

В дополнение к уже действующим не один год санкциям, запрещающим инвестиции в иранскую газовую промышленность, Евросоюзом было принято эмбарго на поставки природного газа из Ирана. Это решение касается импорта, приобретения и транспортировки газа, а также финансирования и страхования деятельности, связанной с газовой отраслью. Цели газового эмбарго остались прежние: дополнить и усилить негативное воздействие на экономику Ирана нефтяной блокады. Запад пытается притормозить развитие страны, занимающей по оценке суммарных запасов углеводородного сырья первое место в мире. В недрах Ирана находится около 600 миллиардов баррелей нефти и 35 триллионов кубометров природного газа, который, однако, в экспорте иранских энергоносителей до сих пор занимает незначительное место.

Действительно, пока экономика Ирана зависит, прежде всего, от экспорта нефти, а экспорт газа из Исламской Республики остается во многом перспективной, которая, однако, уже сейчас не может не беспокоить конкурентов, среди которых и такая газовая держава как Россия. Иран предусматривает увеличить добычу газа до 2015 года в два раза, чтобы снизить зависимость бюджета страны от экспорта нефти. То есть сегодня ежедневная добыча природного газа в Иране составляет 750 млн куб. м в сутки и в соответствии с планами развития Национальной газовой компании этой страны к 2016 году ежедневная добыча природного газа должна составит 1 300 млн куб. м в сутки, что означает почти 100-процентный рост производства за какие-то 2–3 года. Сложно поверить в это, но иранские чиновники более чем уверены, что данная программа будет вовремя реализована. В первую очередь, газ нужен Ирану для поставок на экспорт, объем которого, по прогнозам самих иранцев, должен составлять не менее 30% от всего добываемого в стране газа, или до 250 млн куб. м в сутки. То есть ежедневный объем газа, поставляемого за рубеж, планируется в ближайшие годы увеличить с 35 млн куб. м практически в семь раз, что стало бы фантастическим ростом. На данный момент устойчивых рынков сбыта газа у Ирана немного, а самым крупным из них остается турецкий, где можно говорить об определенной конкуренции для иранцев российского голубого топлива.

Тем не менее, растущие энергетические потребности Турции ориентированы на импорт газа из обеих стран в объемах, не создающих напряжения в нашей конкуренции с Ираном. Турция для Газпрома остается растущим рынком, и это не связано никак с санкциями против Ирана. Энергетическая составляющая в двусторонних отношениях Анкары с Тегераном остается доминирующей, а для Турции является вопросом стратегической важности. ИРИ обеспечивает 30% внутренних потребностей Турции в нефти и 25% — в природном газе.

Если говорить о санкциях, то они отдаляют перспективу экспортных поставок иранского газа в европейские страны через Турцию. Согласие Анкары на

экспорт газа в Европу через турецкую территорию имеется и остается в силе. Не стоит забывать, что уже сейчас существующий газопровод позволяет прокачивать до 40 млн кубометров иранского природного газа в сутки в Турцию и далее в европейские страны. Нельзя исключать того, что стремление европейцев к диверсификации источников импорта газа в интересах снижения газовой зависимости от России после отмены санкций опять станет на повестке дня, но Иран здесь не одинок. Подобную политику Евросоюз проводит и в отношении туркменского и казахского газа. Для России важно не оказаться в стороне от новых проектов и попытаться стать их участниками с пользой для себя. В этом плане Иран представляется вполне привлекательным партнером.

Иран и Россия выражают взаимную заинтересованность в развитии сотрудничества в области транспортировки газа, строительства подземных газохранилищ, а также реализации нефтегазовых проектов на территории Исламской Республики Иран. Для ИРИ это значит развитие при техническом содействии и с участием российских инвестиций отечественной газовой инфраструктуры. Заинтересованность с нашей стороны есть у ОАО «РАО Роснефтегазстрой», эта компания выразила готовность рассмотреть возможность осуществления инвестиций в указанные проекты. Россия и Иран договорились также рассмотреть возможность налаживания на двусторонней основе реализацию нефтегазовых проектов в третьих странах.

В частности, Иран уже работает над выходом на внешние газовые рынки в соседних странах, таких как Ирак и Сирия. Эти три страны подписали соглашение о строительстве газопровода, получившего название «Исламский газ», стоимость которого может составить около 10 млрд долларов. Согласно проекту, мощность газопровода протяженностью 5,6 тыс. километров составит 110 миллионов кубометров газа в сутки. Сирия будет покупать ежедневно от 20 до 25 миллионов кубометров газа. Некоторое количество газа через арабскую газотранспортную систему будет поставляться в Ливан и Иорданию. В перспективе Иран не исключает поставки сжиженного газа в Европу и на этом направлении через сирийские средиземноморские порты.

***

Снятие США и Западом санкций с Ирана неизбежно, страна готовится к восстановлению своих позиций на мировом рынке нефти и строит грандиозные планы по поставкам на экспорт голубого топлива. Из-за санкций против Ирана есть трудности и у России с использованием валюты, и товарооборот между нашими странами в прошлом году заметно сократился. Тем не менее, Россия и Иран ищут пути расширения экономического сотрудничества. Сейчас обе стороны, выражая неудовлетворение потерей положительной динамики в торгово-экономических отношениях наших стран, намерены в ближайшем будущем увеличить объем товарооборота до пяти-шести, а то и до семи миллиардов долларов в год без учета сотрудничества в нефтегазовой области, где также имеются высокие потенциальные возможности. Заданный ориентир при активной и целенаправленной работе заинтересованных ведомств наших стран вполне достижимым. Россия и Иран в эти дни уже ведут диалог о перспективах крупномасштабного сотрудничества и по нефти, и по газу, а также обсуждают вопросы сотрудничества в области ядерной энергетики и строительства второй очереди Бушерской АЭС.

Антон Евстратов

Главный источник ирано-пакистанской напряженности

Недавнее похищение иранских пограничников боевиками организации «Джейш аль-Адль» в провинции Систан и Белуджистан не в первый раз привлекает внимание мировой общественности к этой провинции. Данную территорию называют не иначе, как «раковой опухолью» на теле Исламской Республики и сравнивают с таким беспокойным регионом, как российский Северный Кавказ. Беспокойство специалистов вполне обосновано, учитывая возросшие за последние месяцы масштабы активности террористических группировок Систана и Белуджистана. Ведь для того, чтобы похитить пятерых иранских пограничников, террористы должны иметь весьма боеспособную структуру и десятки хорошо подготовленных боевиков. Кроме того, активность террористов всерьез обострила отношения Ирана с Пакистаном и угрожает всему региону самыми серьезными геополитическими последствиями.

Похищения иранцев: кровавое дежавю

Между тем, похищения отнюдь не беззащитных граждан на этой беспокойной территории уже имели место. 13 июня 2008 года 12 иранских полицейских были похищены боевиками группировки «Джундалла». Как и сейчас, пленники были вывезены на территорию Пакистана. После этого все они были казнены.

Группировка Джейш аль-Адль, которая объявила о своей причастности к похищению иранских солдат, может с полным на то правом считаться преемницей фактически разгромленной на территории Ирана «Джундаллы». Данная салафитская и резко антишиитская структура, название которой переводится не иначе, как «Партия справедливости», возникла в 2012 году — как раз во время практически полного затухания активности Джундаллы и поимки не только ее командиров, но и значительной части рядовых членов. Вместе с тем, множество бойцов и связи на территории провинции, а также на пакистанской территории у демонтированной структуры остались. Учитывая теснейшие связи «Джундаллы» со спецслужбами США и стран Персидского залива, трудно представить, чтобы они не использовали имеющийся потенциал. В этом смысле появление «Джейш аль-Адль» и еще одной группировки, «Харакат Ансар Иран», выглядит вполне логично.

Джундалла — салафитский кинжал против Ирана

Необходимо остановиться на самой «Джундалле», так как активность современных группировок, хотя и выглядит устрашающе, все же несколько уступает этому, пожалуй, главному салафитскому кинжалу, направленному

против Исламской Республики. Данная группа возникла в провинции Систан и Белуджистан в 2003 году не просто так — на ее территории проживают белуджи, которые являются не только этническим, но и религиозным меньшинством в Иране. В отличие от 90% граждан страны, исповедующих ислам шиитского толка, они — сунниты. Различные политические движения, выступавшие за отделение Систана и Белуджистана от Ирана, стали появляться еще в середине 20 столетия. Первые из них, например основанный в 1964 году в Сирии Белуджский освободительный фронт, имели светскую направленность. Они с самого начала получали деньги из-за рубежа (в частности, Ирака и насеровского Египта), а в 1968 году подняли восстание, несколько лет бушевавшее, как в Иране, так и в белуджских районах Пакистана. Здесь необходимо отметить, что данный народ проживает не только в этих двух государствах, а также и в Афганистане, что создает еще больший риск сепаратизма в каждой из трех стран. Более того, важным фактором напряженности на белуджских территориях Ирана является и то, что они — наиболее отсталые в стране. На территории провинции Систан и Белуджистан худшая инфраструктура, очень низкая плотность и численность населения. При этом территория этой провинции весьма велика.

В 80-е годы знамя борьбы против законного правительства в Систане и Белуджистане подхватило Белуджское автономистское движение Абдулази-за Моллазаде. Во время войны между Ираном и Ираком данное движение пользовалось активной поддержкой Саддама Хусейна, однако после окончания открытого противостояния было им успешно заброшено и, оставшись без иностранной «кормушки», оно практически сразу развалилось. Однако кадры, вовлеченные в деятельность автономистов и в значительной своей части оставшиеся в провинции, были использованы для создания в 2003 году уже упомянутой нами «Джундаллы», имевшей уже религиозную, салафитскую направленность и действовавшую не только против Ирана как государства, но и против шиитов, как «неправильных мусульман» или немусульман вовсе. Лидером, пожалуй, мощнейшей за всю историю иранского Систана и Белуджистана террористической группы стал 20-летний Абдулмалик Риги, что также вызывает сомнения в автономности его действий.

Список «подвигов» бандитской сети выглядит ужасающе. Уже спустя два года после своего основания «Джундалла» атаковала кортеж президента ИРИ Махмуда Ахмадинежада, убив одного из его телохранителей. Через год недалеко от селения Тасуки боевики уничтожили 21 мирного жителя. В 2007 году боевики «Джундаллы» взорвали наполненную взрывчаткой машину рядом с автобусом с бойцами Корпуса стражей Исламской Революции. Теракт унес жизни 18 человек, а 31 военнослужащий был ранен. В 2008-м произошло упомянутое выше похищение и убийство иранских полицейских, в 2009-м — сразу несколько терактов в городе Пишин, унесшие жизни нескольких десятков человек, в том числе заместителя командующего сухопутными войсками КСИР Нур Али Шуштари и командира войск Корпуса в провинции Систан и Белуджистан Раджабали Мохаммазаде. Террористы «Джундаллы» неоднократно попадали в руки иранских правоохранительных органов, однако после терактов в Пишине охота была объявлена на лидера группировки Абдулмалика Риги.

Его, летевшего из Дубая в кыргызский Бишкек, сняли 23 февраля 2010 года с самолета, который следовал над территорией Ирана. В ходе спецоперации

лайнера пришлось посадить в аэропорту Бендер-Аббаса с помощью истребительной авиации. 24 мая 2010 года был казнен брат Абдулмалика Абдулхамид Риги, который предварительно отрекся от того, что делал его брат и командир, и обвинил того в связях с ЦРУ. Признался вскоре в связях с ЦРУ США и сам Абдулмалик Риги. Террорист в деталях расписал механизмы получения средств от американцев, представил следствию соответствующие документы. Видеозапись признаний Риги была показана по иранскому телевидению, а также отправлена официальным Тегераном президенту США Бараку Обаме и генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну. Последние, к слову, предпочли не заметить столь интересный материал. Сам Абдулмалик Риги, после суда, был казнен 20 июня 2010 года.

Однако деятельность «Джундаллы» с казнью лидера не остановилась. 16 июля боевики, мстя за гибель Риги, совершили два взрыва в соборной мечети города Захедан. Погибли 27 верующих. А в декабре 2010 года два смертника организации взорвались в толпе праздновавших Ашуру шиитов в городе Чабахар. Результатом чудовищного теракта стала гибель 39 человек, среди которых было множество женщин и детей. Тем не менее, после ареста и казни руководителей, и ряда видных членов, активность «Джундаллы» пошла на спад. 2011-й год ознаменовался арестами нескольких командиров и рядовых боевиков группировки. К примеру, в апреле этого года был обезврежен отряд из пяти человек, а также захвачен склад оружия и боеприпасов. В июне — еще четыре «бойца» с поясом смертника в придачу, а в октябре 2012-го в городе Чабахар солдатами иранских басидж (добровольных вооруженных формирований) был предотвращен теракт в шиитской мечети. Несмотря на постепенное снижение активности «Джундаллы», она не только частично оказалась заменена новыми, не менее агрессивными группами, такими, как «Джейш аль-Адль», но формально не прекратила своего существования и по сей день, продолжая пытаться совершить отдельные теракты и диверсии.

Западные спецслужбы — спонсоры и помощники иранских террористов

Абдулмалик Рига и его брат выдали один из основных «секретов» своей структуры — связи со спецслужбами Соединенных Штатов. Несмотря на то, что официальный Вашингтон не комментирует данную информацию, американский народ хочет знать правду, что выражается, к примеру, в журналистских расследованиях в США. Так, американский телеканал ABC News в 2007 году показал репортаж о том, что Вашингтон финансировал иранских террористов «Джундаллы» из фондов, не контролируемых Конгрессом и президентом. А в 2008 году в экспертной среде прошла информация о вполне официальном выделении этой и некоторым другим группировкам, действующим против официального Тегерана, 400 миллионов долларов. Соответствующие санкции Джорджу Бушу и его администрации удалось добиться от конгрессменов. Американские деньги «Джундалла» получала по большей части через иранских мигрантов в странах Персидского залива и Европе. Поддержку террористов осуществляли не только США, но и Великобритания. Так, газета «Индепендент» сообщала о том, что в 2007 году британский спецназ осуществил ряд операций на территории иранской провинции Си-

стан и Белуджистан. А в январе 2012 года в вашингтонском издании *Foreign Policy* вышла статья, в которой сообщалось о вербовке террористов «Джундаллы» агентами израильского Моссада.

Террористы ссорят Иран и Пакистан

В настоящее время Иран столкнулся с новой волной террористической активности. Недавнее похищение — лишь последнее яркое событие в этом печальном ряду. Стоит напомнить, что еще в октябре 2013 года боевики «Джейш аль-Адль», атаковав погранзаставу, убили 14 иранских пограничников, после чего спокойно ушли на территорию Пакистана. Буквально несколькими днями позже на территории той же провинции Систан и Белуджистан, в городе Захедан, был убит прокурор Муса Нури. А 18 декабря там же на mine подорвались трое бойцов КСИР, ехавших в автомобиле.

Раз за разом боевики спасаются от возмездия иранских правоохранительных органов на территории Пакистана. Оттуда же они попадают в Иран для совершения терактов. Именно Пакистан на данный момент является наиболее проблемным направлением для Ирана с точки зрения безопасности. Несмотря на то, что ранее президент Асиф Али Зардари пошел навстречу Тегерану и выдал несколько видных членов «Джундаллы», в том числе Абдулрауфа Риги, еще одного брата ее руководителя, сейчас Исламабад заявляет о своей неспособности найти и обезвредить боевиков «Джейш аль-Адль». Пакистанское руководство уже подвергалось резкой критике со стороны политического тяжеловеса, председателя Комиссии по безопасности и внешней политике иранского Меджлиса Алаеддина Боруджерди. После атаки на погранзаставу в октябре 2013 года Исламская республика предлагала своему соседу направить на его территорию собственных следователей для поиска террористов, однако положительного ответа не получила.

Чаша терпения Ирана была переполнена после похищения пограничников. Сначала заместитель министра внутренних дел ИРИ Али Абдоллахи заявил о направлении в Исламабад иранской делегации для поиска своих солдат. Затем его начальник, Абдулреза Фазли пообещал, что в случае пассивности правоохранительных органов Пакистана в поимке террористов и освобождения пограничников, Ирану придется ввести свои войска на территорию соседней страны и освободить своих военных самостоятельно.

Несмотря на то, что развития данная напряженность пока не получила, и уже вскоре прошли встречи президента ИРИ Хасана Роухани с главой пакистанской Национальной Ассамблеи Аязом Садиком, а также министра внутренних дел Пакистана Чаудхри Али Ханом с послом ИРИ в Исламабаде Алирезой Агагианом, в ходе которых стороны в целом договорились о мирном и конструктивном взаимодействии, ситуация весьма показательна. Тегеран едва не рассорился с одним из своих главных региональных партнеров. Напомним, что в 2012 году, когда опасность военной операции США, Израиля и их союзников против Исламской Республики была велика, именно Пакистан заявил о том, что не остановится перед применением силы для защиты Ирана. Надо ли уточнять, кому выгодно уничтожить ирано-пакистанское партнерство? В случае воплощения в жизнь анонсированной военной операции иранских войск на территории Пакистана, на нет сойдут не только отношения двух стран. Уничтожен будет создаваемый десятиле-

тиями образ Исламской Республики, как государства, ни разу не совершившего агрессию в отношении какой-либо другой страны. В свете улучшения образа Тегерана в мире после избрания на президентский пост Хасана Роухани — также весьма выгодная для всех противников ИРИ перспектива. Не следует забывать и об экономике. Между Ираном и Пакистаном, как раз на территории провинции Систан и Белуджистан, строится газопровод. Его запуск сведет на нет значительную часть антииранских санкций, даст Тегерану значительную свободу в экономических и, как следствие — политических вопросах. Обострение отношений Тегерана и Исламабада способно заморозить и этот перспективный проект.

***

Борьба с терроризмом — один из основных приоритетов Исламской Республики. Однако современный терроризм не только интернационален — он не признает государственных границ, а финансироваться может из самых разных источников. Такие структуры, как «Джундалла» и «Джейш аль-Адль» — ярчайшие тому примеры. Терроризм в провинции Систан и Белуджистан, эволюционируя десятилетиями, дает возможность сделать некоторые наблюдения. Во-первых, очевидно, что он может быть, как светским, так и религиозным. Обе формы, как показала история, одинаково опасны, как для государственности Исламской республики, так и для жизней ее отдельных граждан. Во-вторых, борьба с терроризмом в Систане и Белуджистане немислима без сотрудничества с пакистанской и, возможно, афганской сторонами. Игнорирование такого взаимодействия, которое показал недавно официальный Исламабад, ведет не только к международной напряженности, но и к настоящим межгосударственным конфликтам и расширению зоны хаоса от афганской территории на юг и запад. Это — цель спецслужб США, Великобритании и Израиля. При этом Иран и Пакистан уже имели примеры сотрудничества в борьбе против терроризма в прошлом, а также серьезные перспективы его возобновления в будущем. 21 февраля МИД Пакистана выпустил официальное заявление, призывающее рассмотреть вопросы освобождения иранских пограничников и уничтожения бандформирований в двустороннем формате. Министерство отметило конструктивность уже прошедших переговоров между Тегераном и Исламабадом и выразило надежду на то, что частный приграничный инцидент не сможет разрушить добрые отношения между странами, которые строились десятилетиями. Несмотря на недавнее обострение обстановки на ирано-пакистанской границе, оптимизм данного заявления оправдан. Столкнувшись с совместным противостоянием Тегерана и Исламабада, террористы «Джейш аль-Адль» не пойдут на обострение ситуации и вряд ли станут убивать захваченных пограничников. Жестокость их предшественников и то, что за ней последовало со стороны обеих стран, должны были преподать необходимые уроки другим террористам. Вне сомнения, их активность все еще угрожает отношениям Ирана и Пакистана, однако есть неплохие шансы и на укрепление ирано-пакистанского взаимодействия на почве совместного противостояния терроризму. Победа над этой опаснейшей угрозой может стать фундаментом для принципиально нового, невиданного ранее уровня стратегического взаимодействия Исламабада и Тегерана.

Над Ливаном нависла неотвратимая война

Произошедший на минувшей неделе очередной взрыв в шиитском районе Бейрута Бир Хасан, возле Культурного центра Ирана, полностью повторил схему двойного теракта 19 ноября прошлого года в этом же районе и почти на том же самом месте. Уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы утверждать, что серия взрывов — это целенаправленная террористическая атака против оси «Тегеран-Хизбалла-Дамаск», которая сегодня является основным препятствием для израильских, саудовских и американских планов по «переформатированию» региона.

Как и в прошлый раз, после двойного теракта, в результате которого погибли по меньшей мере 23 человека, в том числе атташе по культуре иранской дипломатической миссии, взяла на себя ответственность суннитская «бригада Абдулла Аззам», один из филиалов «аль-Каеды в Леванте», тесно связанная с разведкой саудитов. Как и в прошлый раз до мелочей схож почерк террористов: мотоцикл и заминированный автомобиль. Но главное заключается не в этом. Планомерные и методичные атаки на Хизбаллу, ведущиеся одновременно с двух сторон, когда финансируемые саудитами экстремисты устраивают теракты против шиитов, а агентура МОССАДа проводит «точечные ликвидации» руководителей Хизбаллы, означают, что Израиль и Саудовская Аравия перешли в Леванте в наступление, целью которого является физическое устранение Хизбаллы, стратегического партнера Ирана и Сирии. За которым должно последовать стратегическое поражение единственной реальной антизападной и антиизраильской силы на Ближнем Востоке — оси Тегеран-Хизбалла-Дамаск.

ЦАХАЛ перед новым прыжком в Ливан

Эта ось, вопреки прогнозам скептиков, превратилась в прочный союз, более прочный, чем прозападный союз арабских монархий Персидского залива, чем постоянно «модернизируемая» и заново сколачиваемая антисирийская коалиция. Хрупкая государственность Ливана давно была бы взорвана изнутри, если бы не стабилизирующие усилия Ирана, Сирии и Хизбаллы, лидер которой, Хасан Насралла, лаконично констатировал в мае 2013 года: «Если Сирия попадет в руки Америки, Израиля и экстремистов-салафитов, то Израиль будет диктовать свою волю Ливану».

Проблемой для Израиля являлось то обстоятельство, что проведя с 1982 года две полномасштабные по региональным меркам войны против суверенного Ливана, Тель-Авив так и не смог решить ни одной из заявленных стратегических задач. Причина была в том, что на пути израильской агрессии вставал блок Сирия-Хизбалла, действовавший при поддержке Тегерана. Собственно, чтобы ни говорили арабские СМИ, именно этот альянс является единственной антиизраильской силой на Ближнем Востоке, последовательно выступающей против агрессии сионизма. Все остальные, тот же ХАМАС, куда как более сговорчивы. Разумеется, Тель-Авив подобное положение дел никак не устраивает. Но, по большому счету, до недавнего времени он ничего этому альянсу противопоставить не мог, сколько бы ни хвастались «израильские ястребы» все возрастающей мощью ЦАХАЛа, израильской армии. Интервенция в Сирию «интернационального джихада» дает сегодня Тель-Авиву уникальный шанс взять реванш, отомстить и Дамаску, и Тегерану, а главное — физически уничтожить столь ненавистную Тель-Авиву Хизбаллу. Израильские ястребы, кроме того, прекрасно понимают, что свержение Асада решит проблему принадлежности оккупированных Голанских высот в пользу Израиля окончательно, а следовательно — обеспечит выгоднейшие стратегические позиции в регионе. Разгром Хизбаллы для него — и ключ к Голанским высотам, и фактическое уничтожение иранского присутствия в Леванте.

Зимой минувшего года на севере Израиля закончились крупные межвойсковые штабные учения ЦАХАЛа, на которых отрабатывались способы и варианты одновременного ведения боевых действий на Ливанском и Сирийском фронтах. За неделю в учениях приняли участие руководители Министерства обороны, офицеры Генерального штаба, Сухопутных войск, ВВС, ВМС, штаба Северного округа, командиры регулярных и резервных подразделений. Основное внимание было уделено организации взаимодействия разных родов войск по опыту операций в Ливане и секторе Газа. «Мир должен быть готов к очередной войне с Ливаном», — прокомментировал военную активность Тель-Авива один из высокопоставленных израильских военных, причем сделал он это не где-нибудь, а в Вашингтоне. «Военные готовы вторгнуться в глубь территории Ливана, чтобы предотвратить процесс активного вооружения Хизбаллы в ходе сирийского конфликта» — такая мотивировка готовящейся израильской агрессии, судя по всему, Белый дом вполне устроила. Дело за малым — перед началом любой операции необходимо разрушить систему управления, «выбить» командование противника, посеять хаос и растерянность в его рядах. И здесь на сцену выступает другой «подельник» Израиля в деле спонсирования терроризма и взрывов в Ливане — Эр-Рияд.

«Троянский конь» саудовской финансовой помощи

Хизбалла, сформировавшая стратегический тыл Дамаска в Леванте, ожесточенно воюющая против суннитских «джихадистов», составляющих костяк корпуса интервентов в Сирии, ненавидима Эр-Риядом, «финансовым двигателем» антисирийской коалиции, ничуть не меньше, чем другой союзник Асада — Тегеран. Кульминацией саудовских интриг вокруг Ливана стал визит в декабре 2013 года в Эр-Рияд президента Франции Франсуа

Олланда, который встретился там с саудовским королем Абдаллой, бывшим премьер-министром Ливана Саадом Харири, а также с лидером сирийской Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил Ахмадом Джалбой. Если учесть, что в последнее время приграничные с Сирией районы Ливана превратились в прибежище финансируемых саудитами террористов, бегущих от правительственной армии Сирии, а Франция является самым активным сторонником интервенции в Сирию, то круг собеседников не выглядит слишком шокирующим, наоборот — он внутренне очень даже логичен. Сразу же после этой встречи последовало заявление о том, что Саудовская Аравия выделяет на переоснащение ливанской армии три миллиарда долларов в виде помощи, на обеспечение безопасности в Ливане.

В западных СМИ инициатива Эр-Рияда тут же начала преподноситься как благородный жест, который должен, по мнению экспертов, «помочь ливанской армии дать бой... группам, таким как Хизбалла, которая вызвала волну насилия в стране». О другой стороне жеста, о том, что финансовая помощь саудитов должна предоставить ливанскому правительству возможность оплатить оружейные контракты с Францией, говорилось как-то вскользь. Но и без этого «саудовский подарок Ливану» вызвал резкую критику у тех аналитиков, кто всерьез обеспокоен безопасностью Ближнего Востока: «Это коварное вмешательство Саудовской Аравии во внутренние дела Ливана может спровоцировать дальнейший рост религиозной напряженности между суннитами и шиитами в этой стране, которая еще не оправилась от 15-летней гражданской войны».

Еще более точно охарактеризовал «помощь саудитов» Ливану Финиан Каннингем: «Эта модель в разжигании межрелигиозных конфликтов между суннитами и шиитами, а также христианами была одним из основных методов работы Саудовской Аравии, Израиля и западных разведок для дестабилизации Сирии и Ирака в течение последних трех лет... Простой факт состоит в том, что сектантское кровопролитие, затопив Сирию и Ирак, все чаще будет происходить теперь в Ливане, а также в Йемене и России, где реки крови не текли бы, если бы не деньги, льющиеся рекой из Саудовской Аравии». Как это обычно и бывает в любой истории, связанной с саудитами, присутствует «двойное дно», в чем, кстати, неоднократно имела возможность убедиться и Россия. Так было и на этот раз — помимо оружейного контракта с Францией, саудовская «помощь» подразумевала, что ливанская армия начнет разоружение Хизбаллы. А это уже прямая дорога к гражданской войне в Ливане, чего, собственно, саудиты и добиваются.

Удары по оси Иран-Хизбалла-Дамаск — удары по миру на Ближнем Востоке

Английская The Christian Science Monitor, комментируя «спонсорство» саудитов, вполне справедливо заметила, что главной его целью является «снизить политическую и военную мощь Ирана, который поддерживает Хизбаллу, ключевого союзника президента Сирии Башара аль-Асада и Ирана». Рассказы о некоей деструктивной роли Хизбаллы в Ливане — элемент пропагандистской войны, поскольку ее вооруженные отряды представляют

собой некую «гвардию», предназначенную для отпора Израилю и ведения партизанской войны, по сути — выступают гарантом суверенитета Ливана. Поддерживая Хизбаллу, Тегеран поддерживает не неких террористов, а суверенитет этого ближневосточного государства, как бы ни пытались нас убедить в обратном. Руководство этой организации также осознает собственную ответственность за безопасность Ливана, а потому предпочитает не конфликтовать с руководством ливанской армии.

Совершенно иная картина начала складываться после того, как Эр-Рияд начал свою «ливанскую партию». В суннитских районах Триполи и Сидона, где исламистская риторика находится на подъеме, начались нападения на солдат ливанской армии и сил правопорядка. Вскоре возле комплекса правительственных зданий в Бейруте был взорван автомобиль, в результате теракта погиб бывший ливанский министр финансов Мохаммад Шатах, выступавший с резкой критикой Хизбаллы и ее доминирования в ливанской армии и органах безопасности. Версия о том, что взрыв якобы совершила Хизбалла, которой это было совершенно не нужно и которая ничего от смерти Шатаха не выигрывала, была принята сразу, безо всякого расследования, а после этого теракты в контролируемых Хизбаллой районах стали происходить чуть ли не еженедельно.

Примечательно, что после серии терактов в декабре 2013 года посольство Саудовской Аравии в Ливане обратилось к находящимся в этой стране согражданам с настоятельной просьбой покинуть страну. Было объявлено, что дипломатический состав посольства переходит на круглосуточный режим работы, чтобы в координации с авиакомпанией «Сауди Арабиан Аэрлайнс» оперативно отправлять саудовских граждан в Эр-Рияд». Высказанная рядом наблюдателей версия о том, что саудиты таким образом срочно эвакуируют оперативный состав, который обрабатывал дестабилизацию, осталась не расследованной. А два ливанских журналиста, пытавшихся провести ночную съемку посадки в самолет «мирных саудовских граждан», попросту пропали без вести. Террористические атаки, которые сегодня осуществляются в Ливане, направлены не столько против Хизбаллы и Ирана — они провоцируют гражданскую войну в Ливане и новый виток нестабильности в регионе. Кто стоит за этими терактами — не секрет, альянс Эр-Рияда и Тель-Авива, на крови строящий собственную политику.

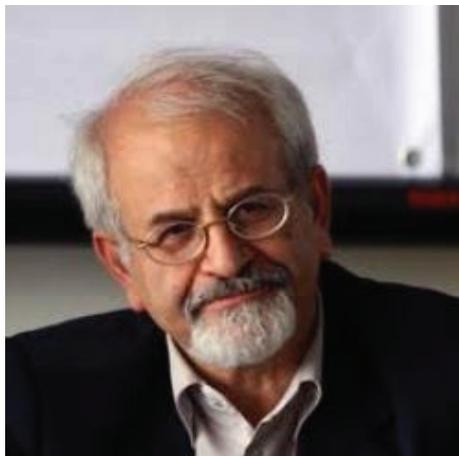
***

Сегодня над Ливаном нависло ожидание близкой и неотвратимой войны. «Войны по доверенности», целью которой является уничтожение стратегической оси Тегеран-Хизбалла-Дамаск, единственной силы, противостоящей сегодня израильской и саудовской гегемонии на Ближнем Востоке. Ливан становится сегодня полем, где разыгрывается очередной раунд борьбы за контроль над регионом. Уничтожение Хизбаллы, создание прозападного Дамаска, устранение Ирана из региона — слишком высокая ставка и слишком лакомый приз, чтобы останавливаться перед кровью мирных жителей и чтобы Запад «мучился» вопросами о том, можно ли применять в этой войне столь обоюдоострое оружие, как вскормленных на крови «перманентного джихада» и вооруженных западным оружием боевиков.

Мохаммад Казем Саджадпур

Проект иранофобии дал серьезную трещину

Профессор иранского института международных отношений при Министерстве иностранных дел Мохаммад Казем Саджадпур, выступая на конференции о региональном и международном положении Ирана после Женевских переговоров, проанализировал дипломатию страны за последние несколько месяцев. Говоря о дипломатии нынешнего иранского правительства, стратегический советник министра иностранных дел Исламской республики выделил три ее основных пункта: правильное понимание сути происходящих процессов, практическая реализация поставленных задач и получение результатов. По его словам, данная дипломатия основывается на крепкой уверенности в собственных силах. Ниже приводится полный текст выступления стратегического советника.

Внешняя политика Ирана является очень важной темой, крайне политизированной в нынешних условиях страны. Тем не менее, я хотел бы немного отстраниться от политического аспекта проблемы, потому что в политическом ракурсе всегда присутствует некая биполярность и двойной подход. Какое-то утверждение всегда или безусловно принимается или полностью отвергается. Плохо поступать так, как это делает враг, гораздо лучше следовать примеру друзей. Причем это правило универсально. Все же я не хотел бы говорить о политике. Как же обсуждать внешнюю политику в более научном ключе? Ведь еще никогда при обсуждении данной проблемы не ставился вопрос о критериях и ее вынесении из политической плоскости. Тем не менее, я хотел бы дистанцироваться от сферы политики и дать оценку внешнеполитическому курсу нынешнего иранского правительства в рамках многосторонних отношений. Однако для начала считаю необходимым сделать несколько предварительных замечаний.

Известно, что дипломатия уходит глубокими корнями в историю международных отношений. Еще на заре человечества, когда между народами возникали споры из-за охотничьих угодий, один посылал к другому своего представителя, который пользовался неприкосновенностью, и стороны как-то приходили к компромиссу. Так век за веком и сложилась современная дипломатия. Особое значение этому виду деятельности уделяется в исламе.

Для встречи послов и представителей других племен пророк Мухаммед даже отводил специальное место. Отмечается, что когда посол грубо разговаривал с представителями племен, Мухаммед говорил ему: «Не будь ты послом, я бы велел наказать тебя». Со временем дипломатия претерпела сильные изменения, а необходимость установления дружественных отношений, разрешения противоречий и урегулирования разных вопросов между народами вознесла дипломатию на такой уровень, что сейчас она стала настоящей профессией со множеством более узких специализаций. Одна из таких специализаций — это многосторонняя дипломатия. Что она из себя представляет? Уже два столетия мы являемся свидетелями того, что называется многосторонней дипломатией. Она формируется под влиянием происходящих в мире событий и по-своему отражается на нашу повседневную жизнь. Сегодня многосторонняя дипломатия имеет множество аспектов и особенностей. Многосторонний характер ей придали проблемы и вызовы, стоящие перед Ираном, Западом и Соединенными Штатами. Иначе говоря, произошло это благодаря действиям противостоящих Ирану групп, которые осуществляют свою политику с опорой на резолюции Совета Безопасности ООН. Разумеется, этот орган не олицетворяет собой всю дипломатию и резолюции — это еще не все. Тем не менее это часть дипломатии, которая в своей совокупности обладает гораздо большей тактикой и профессионализмом. Если эти предварительные замечания хотя бы немного проясняют нашу точку зрения, перейдем к анализу многосторонней дипломатии нынешнего иранского правительства. Здесь следует выделить и прокомментировать три аспекта многосторонней дипломатии: понятийный, практический и результативный.

Члены правительства и лично министр иностранных дел по сравнению со своими предшественниками обладают более точным представлением о международной обстановке и условиях дипломатии

В плане адекватного представления следует сказать, что члены правительства и лично министр иностранных дел по сравнению со своими предшественниками обладают более точным представлением о международной обстановке и условиях дипломатии. На понятийном уровне эта дипломатия основывается на том, каким образом международные условия сложились против Ирана или же что представляют собой эти условия? Причем дело не только в них. Как явление, которое мы привыкли называть «иранофобией», приобрело многосторонний характер, и каким образом можно лишить его такого качества? Это при том, что Иран сейчас находится в уникальной, интереснейшей ситуации, сложившейся в мире политики, и является одной из сил, которая в состоянии сама оказывать влияние, а не только подчиняться чужому.

Президент Хасан Рухани и министр иностранных дел Джавад Зариф в своих беседах обсуждают тот переходный период, который переживают международные отношения. Этому периоду сейчас свойственна некая текучесть, изменчивость. Иран находится именно в таких условиях разрушения сложившихся полюсов и ухода прежних игроков, по крайней мере, в нашем регионе. Взгляните на арабский мир. Три стратегические державы арабского мира, которые формировали собой ближневосточный регион в

последние 50–60 лет, фактически покинули сферу своего внешнего влияния. Египет охвачен внутренними проблемами. То же самое происходит в Ираке, который когда-то был ключевым государством арабского мира. Свой кризис также переживает и Сирия. Единственным игроком, который проводит собственную политику в арабском мире за пределами своих фактических границ, является Саудовская Аравия, которая, по мнению некоторых экспертов, довольно часто действует несдержанно и реакционно. Подобные действия заставляют даже ее американских друзей поднимать шум из-за той поддержки, которую она оказывает террористам в Сирии. Такие игроки, как Катар, который имеет весьма скромную территорию и относительно молодую государственность, за счет колоссальных финансовых вливаний стараются проводить собственную политику, сопровождая ее выгодным для себя информационным обеспечением. Однако события последних нескольких месяцев, особенно в Сирии и Египте, а также напряжение, создавшееся в отношениях между самими игроками в арабском мире, показали, что одна трата денег еще ничего не гарантирует, а вместо этого часто бывают необходимы опыт и компетентность. В действительности, события, сопровождавшие последние президентские выборы в Иране, в значительной степени повысили статус этой страны. Разумеется, это было результатом не одной ночи, а десятков лет напряженной работы. Вместе с тем важно осознать, что мы, иранцы, далеко не односторонние, и не все обстоятельства складываются против нас. Мы можем сами оказывать влияние и формировать меняющийся мир — вот ключевое понятие. Мы обязаны внушать миру мысль о том, что иранофобия, исламофобия и шиизмофобия — это сфабрикованные, неверные идеи. Предложение проекта мира, противостоящего насилию и экстремизму, который, кстати, недостаточно обсуждается в практическом и научном плане внутри страны, демонстрирует понимание того, что Ближний Восток и весь мир в целом стали очень жестокими. Иран может сыграть важную роль в обуздании этой дикости и радикализма.

Помимо понятийного аспекта, в практической плоскости многосторонней дипломатии также произошли подвижки в работе с рядом международных и региональных организаций благодаря тому, что за это дело взялась группа профессионалов. Меня могут спросить, при чем здесь их профессионализм? А выражается он как минимум в том, что на переговорах им не нужны переводчики, потому что они сами понимают, что говорит другая сторона.

Другим пунктом, заявленным в реализации политики многосторонней дипломатии Ирана, является широкая общественная поддержка, несмотря на некоторую критику, которая, в свою очередь, добавляет еще больше силы Исламской республике. Я отношусь к той категории людей, которые в виду своей аполитичности и отказа все разделять только на белое или черное считают плюрализм и критику сильными сторонами Ирана. Широкая поддержка, которая оказывается данной политике, крайне эффективна. Здесь же следует сказать и о том, что многосторонняя дипломатия Ирана не является прерогативой только одного человека или одной группы лиц. Она представляет собой консолидацию всего действующего государственного строя и я это особо подчеркиваю. Мир дипломатии определяется тактикой. Для всех мероприятий в этой сфере очень часто повторяется одно слово — инструкция. Дипломат — это тот, кто действует согласно инструкции. Эти

инструкции, особенно когда дело касается крупных серьезных проектов, обязательно должны основываться на коллективном мнении, в противном случае это будет оставаться лишь частной точкой зрения одного лица. Переходя к конкретике, стоит отметить, что международные отношения также включают в себя проблему тактики и специализации.

Никто не может судить о всех существующих международных вопросах. Даже я сам знаю далеко не обо всем и каждый день открываю для себя что-то новое. Все международные отношения невозможно описать с одной точки зрения и придать им одно общее понятие. На данном практическом уровне инструкция отражает коллективное мнение, что придает ей ключевое значение.

Третий аспект касается результатов многосторонней дипломатии. Правильное понимание происходящих процессов достигнуто, при этом особую важность имеет его сочетание с уверенностью в собственных силах, которую я предпочитаю именовать «дипломатической верой в себя». Уверенность в собственных силах вырабатывается тогда, когда занимаются активной деятельностью. Человек может прочитать уйму книг о вождении автомобиля и иметь хорошего инструктора, но пока он сам не сядет за руль, он не будет уверен в собственных силах. Возможно, сначала будут некоторые ошибки, но со временем человек обретает уверенность и действует уже смелее. То же самое касается страны, которая достигает «дипломатической веры в себя» и осознает, что великие державы не могут ей ничего диктовать. Она понимает, что они на самом деле из себя представляют и каковы их намерения, и начинает с ними разговаривать уже на равных. Все это требует «дипломатической веры в себя» и располагать данным качеством очень важно.

Достигнутым результатом можно считать изменение международной обстановки. Все очень просто. Достаточно сравнить, какой была внешнеполитическая конъюнктура вокруг Ирана в прошлом году и сейчас. Все дело в политике и конструировании данной обстановки, с которым политика тесно связана. Между тем, изменение международной обстановки — дело непростое. Оно достигается с большим трудом и является результатом определенного активного реагирования. В разных политических сферах произошли множественные изменения. В результате этого некоторые правящие круги в регионе, которые получают для себя большую выгоду от разжигания иранофобии, принялись утверждать, что на Ближнем Востоке произошло настоящее «политическое землетрясение». В чем заключается это «землетрясение»? Дело в том, что все региональные игроки или, по меньшей мере, многие из них пытались посредством иранофобии сформировать региональную систему и продолжают эти попытки даже сейчас. Тем не менее в здании иранофобии появились серьезные трещины. На мой взгляд, развитие ситуации в Сирии может послужить хорошим уроком для Ирана. Позиция, которую занимала Исламская республика с самого начала сирийского кризиса, напрямую не связана с нынешним иранским правительством, потому что вопросы внешней политики относятся к общегосударственной сфере. С момента возникновения кризиса в Арабской республике Иран настаивал на его преодолении мирными средствами. Я полагаю, что сейчас почти уже не осталось ни одного крупного игрока, который бы не разделял эту точку зрения. Конечно, до сих пор некоторые игроки стремятся сохранить

развитие событий в этой стране в военном русле, однако и они начинают осознавать, что группировки такфиристов и террористов, занимающиеся убийством женщин и детей, прежде всего представляют собой угрозу для всего региона. Однако до этого все считали, что источником опасности для Ближнего Востока является именно Иран. Сионистский режим способствовал тому, что дискуссия об иранской угрозе, иранофобии и даже вторжения в Иран стала частью политических дебатов участников второго тура президентских выборов в Соединенных Штатах. Так, например, кандидаты Митт Ромни и Барак Обама, обсуждая внешнюю политику, задавались вопросом о причинах ненападения на Иран. На мой взгляд, сейчас ввиду изменения международной обстановки проект военного вторжения кажется на самом деле трудновыполнимым даже тем, кто говорит, что для этого подготовлены все условия. В связи с этим вызывают большие сомнения работы некоторых авторов, которые являются убежденными сторонниками военного решения иранской проблемы. Действительно, часто делается вывод о том, что данная проблема имеет отношение к военной сфере, однако когда у наших оппонентов напрямую спрашиваешь, добиваются ли они военного вмешательства, они начинают сильно сомневаться в целесообразности подобных действий.

Одновременно с этим неверно будет утверждать, что международная обстановка изменилась полностью. Те, кто привыкли к прошлому раскладу, сейчас пытаются все вернуть события в регионе и во всем мире в их исходное положение. Другим важным моментом является международное признание региональной мощи Ирана. Если вы рассмотрите практику мировой дипломатии, уделив при этом внимание тому, на каком уровне происходят встречи и контакты, то поймете, что Иран признают фактической, а не региональной державой, сила которой основывается на внешних ресурсах. Иран сам обеспечивает собственную безопасность. Он является единственным региональной державой на Ближнем Востоке, которая не зависит от других стран с точки зрения своей безопасности. Этот факт имеет огромное значение и признается на международном уровне. Изменение международной обстановки и «дипломатическая вера в себя» являются результатом правильного понимания и применения многосторонней дипломатии с привлечением всех игроков, тактических путей и механизмов. Дипломатия требует профессионального подхода. События, свидетелями которых мы являлись, представляли собой реализацию профессиональной дипломатии, которая и стала ответом на поставленные вопросы. Почему? Потому что суть не только в профессионализме, но и в том, что она пользовалась всеобщей поддержкой общества и существующего строя и поэтому оказалась эффективной в изменении международной обстановки и сложившихся подходов, а также создании некоего стратегического импульса в регионе. Конечно, подобная дипломатия вызывает некоторое недовольство внутри страны, в регионе и на международном уровне. Однако никто и не говорит, что это легкий путь. Одни региональные и международные вызовы относятся к понятийному аспекту, другие — к практическому, третьи имеют политическую подоплеку. Обо всех них нельзя говорить комплексно. Как мне кажется, в целом именно существующие в Иране коллективное мнение и национальная воля двигают вперед дипломатию. Вместе с тем на данную тему существуют разные точки зрения, часть из которых доказывает тот факт, что дипломатия закаливает нацию и делает ее более зрелой.

США и Запад не успевают за Ираном

Иран — главная тема, которую обсуждала в ходе своего состоявшегося на днях визита в Израиль заместитель госсекретаря США Уэнди Шерман. Со множеством оговорок и обычной в таком случае словесной эквилибристикой ей все же пришлось признать то, что давно уже известно остальному миру — Иран демонстрирует в международных делах гораздо большую открытость и честность, чем пораженный иранофобией Запад.

Вполне очевидно, что ее слова для Нетаньяху — как об стенку горох. Охватившая «неистового Биби» паранойя на почве иранофобии становится все сильнее. Он уже ни своим стратегическим партнерам не верит, ни МАГАТЭ, которое сам же недавно и хвалил за объективность, организовав по каналам израильской разведки вброс дезинформации о «тайных ядерных объектах» Тегеран. Теперь и выводам Агентства у него веры нет. Выступая на еженедельном совещании кабинета министров в Иерусалиме, он вновь призвал мировые державы не позволить Ирану стать страной, стоящей «на пороге» создания ядерной бомбы, поскольку, по его сведениям, Иран продолжает обогащать уран и строить ракеты дальнего радиуса действия, которые могут оснащаться ядерными боеголовками. По его словам, это «означает, что Иран добивается всего (на переговорах), ничего не давая взамен».

И сколько бы не убеждала его Шерман в обратном, заявляя, что «мы начали очень трудные переговоры, которые будут продолжаться до июля. К этому времени мы надеемся успешно завершить их и заключить всеобъемлющее соглашение», на «неистового» это не действует. Своим упрямством что по «иранскому», что по «палестинскому вопросу», Нетаньяху явно создает массу проблем всему Израилю. И дело не столько в угрозе применения к Тель-Авиву неких «международных санкций», которые он давно заслуживает гораздо больше, чем Тегеран, сколько в том, что к его словам даже на Западе начинают относиться в соответствии с восточной поговоркой: «Собака лает, а караван идет» ...

Лондон-Тегеран: осторожное сближение

Первым, кто продемонстрировал такое отношение к израильской иранофобии, что было достаточно неожиданным для остального мира, оказался Лондон. Над зданием посольства Исламской Республики в Лондоне вновь поднят государственный флаг Ирана, а иранский поверенный в делах в Великобритании Мохаммад Хасан Хабибулла уже выразил благодарность

местным властям и персоналу посольства Омана в Лондоне, которое в течение двух лет представляло интересы Исламской Республики в Соединенном Королевстве. Конечно, пока восстановление произошло не в полном объеме, а на уровне «поверенных в делах, не проживающих на территории обеих стран на постоянной основе», но сам по себе — факт достаточно показательный, поскольку длительное время Лондон был одним из главных двигателей антииранской коалиции и на официальном уровне всегда разделял израильские оценки «иранской угрозы».

Разумеется, в основе этого шага со стороны Великобритании лежат только и исключительно экономические интересы. До 50-х Альбион был фактически монополистом на иранском рынке, получая сверхприбыли от деятельности Англо-иранской нефтяной компании по условиям одного из самых кабальных соглашений XX века о разделе прибыли за извлеченную нефть, которое он сумел навязать шахскому режиму. Выдавленная Штатами с иранских рынков, в 1998 году Британия только начала осуществлять «второй заход» в Иран, состоялся обмен визитами Моххамеда Хатами и Джека Стро, а британский экспорт в Исламскую республику только за 2006 год вырос вдвое, как американско-иранское противостояние обрушило все надежды Британии на долю иранского рынка. Эти потери и упущенную выгоду и стремится сегодня компенсировать Лондон, активно восстанавливая связи с Ираном.

Тем, кстати, активнее, чем сильнее дышат в затылок конкуренты, та же Франция стремится не только вернуть былые позиции на том же автомобильном рынке Ирана, но и приобрести новые, готовя, например, контракт на перенос части производства известнейшей парфюмерной фирмы L'Oréal в Иран. Есть и еще два обстоятельства, диктующие Лондону и европейским компаниям необходимость активного освоения иранского рынка. Во-первых, с 1979 года Иран был закрыт для корпораций США, и, насколько известно, напрямую туда они заходить не собираются. Из-за этой позиции американского бизнеса европейские компании длительное время на иранском рынке не имели сколько-нибудь серьезных конкурентов. Но сейчас все изменилось, поскольку в Иране прочно обосновывается Китай и готовится прийти Россия.

Экономическая конкуренция с политическим оттенком

Собственно, российский частный бизнес, в нынешнем его состоянии, для Запада на иранском рынке не ахти какой конкурент. Нет традиций, нет наработок, нет умения демпинговать, нет серьезной практики долгосрочных экономических проектов. Он практически не обеспечен финансово, поскольку, опять же в отличие от западных компаний, не имеет доступа к дешевым «долгим кредитам». Ну, и откровенный непрофессионализм и зашкаливающая жадность, что, впрочем, мы каждый день и в самой России видим. Другое дело, когда за российскими корпорациями начинает вставать российское государство. Пусть и с огрехами, но все начинает идти гораздо эффективнее. А именно так дело сейчас и обстоит — основное вхождение на иранский

Российский частный бизнес, в нынешнем его состоянии, для Запада на иранском рынке не ахти какой конкурент

рынок готовит именно государство и, в силу особенностей политических отношений с иранским руководством, готово «откусить» самые капиталоемкие отрасли — атомное машиностроение, энергетику, железнодорожное строительство и металлообработку.

Сказать, что это вызывает у западных компаний конкурентную зависть, — все равно что не сказать ничего. Для войны с российским экономическим присутствием задействованы первые лица европейских государств, которые «внезапно» выступили с достаточно неожиданной инициативой — Тегеран в доказательство мирных намерений своей ядерной программы должен... пойти на заключение контрактов в сфере атомной энергетики с европейскими компаниями. Один выстрел по двум зайцам. С одной стороны, подобное партнерство, по мнению европейцев, позволит «смягчить страхи, укрепить доверие между Ираном и Западом, а также укрепить ирано-европейскую заинтересованность в обеспечении жизнеспособности и безопасности иранских атомных объектов». С другой — «выдавить» Россию из одной из самых капиталоемких отраслей иранской экономики. Такая вот смесь политики и экономики, гримасы конкурентной борьбы с Россией за иранский рынок «в одном флаконе» с «борьбой за ядерное нераспространение».

То, что эта «экономико-политическая инициатива» была согласована с Вашингтоном, — сомнений нет, поскольку в ходе подготовки к «венскому» процессу «внезапно» и одновременно с европейской инициативой всплыл вопрос об иранских баллистических ракетах, которые раньше никаким боком к переговорам по ядерной программе не относились. Нет сомнений, что этот внезапно всплывший вопрос — дополнительный рычаг давления на Тегеран и, попутно, «домашняя заготовка», которая непременно сыграет, когда Западу потребуетеся «притормозить» переговоры с Ираном.

Скорость, с которой происходит прогресс на переговорах по иранскому ядерному досье, часть западного истеблишмента откровенно тревожит, а часть, тесно связанную с саудовским и израильским лобби, откровенно бесит. Дипломатическая команда Роухани раз за разом выбивает все «козыри» западных переговорщиков, демонстрируя открытость и политическую волю к решению самых сложных проблем. Идя при этом, что немаловажно, на обострение дискуссий внутри иранского руководства о пределах допустимости. А за этой открытостью и прогрессом кроется одно весьма неприятное для Запада обстоятельство — серьезный рост влияния Ирана на весь ближневосточный процесс.

Иранский фактор и новая ближневосточная политика Вашингтона

Достаточно скептическое отношение Верховного лидера к переговорному процессу, содержавшееся в его блестящей речи, его слова о том, что «...некоторые члены предыдущего и нынешнего правительств полагают, что путь к урегулированию проблемы лежит через переговоры. Я же такого оптимизма не испытываю, считаю, что они ни к чему не приведут. В то же время я не намерен препятствовать их проведению...» вызвали удивление у части экспертов и комментаторов как за рубежом, так и внутри Исламской респу-

блики. «Как же так», — спрашивали они, — «переговоры демонстрируют неплохую динамику, удалось согласовать практически все сложные вопросы, еще вчера казавшиеся неразрешимыми. Что же вызывает скепсис у Рахбара? Нет ли двойного дна в его позиции?»

Рахбар — один из очень немногих мировых лидеров, который говорит предельно четко и без «двойного дна», чеканя политические оценки безупречно логичными формулировками. Как практик государственного управления он, разумеется, видит все экономические выгоды от того, что иранофобия дала трещину и санкционный режим откровенно «поплыл», открывая для иранской экономики новые возможности. Как политик, тесно связанный с народом, он, несомненно, видит оптимизм иранского общества, часть из которого склонна считать, что пик противостояния с США и Западом пройден, что достигнута некая, пусть промежуточная, но победа. Но как стратег он прекрасно понимает, что при всех «оттепелях», при любых формах «бизнес-ажиотажа» Исламская республика и Запад остаются антагонистами как в идейной сфере, так и в наиболее острых проблемах международных отношений. Рахбар как, пожалуй, никто другой в Иране понимает, что «трещина в иранофобии» слишком тонка, только наметилась, а основные проблемы у Исламской республики еще впереди. И действительно. В Вашингтоне, как, впрочем, и в европейских столицах, не особо скрывают того обстоятельства, что только сам диалог по согласованию деталей постоянного соглашения займет не меньше года. А итоговое соглашение, как теперь выясняется, должно действовать чуть ли не 20–25 лет. То есть 20–25 лет шантажа и «выкручивания рук», подвешенного состояния и постоянных угроз «обратимости санкций».

Да и санкции, если говорить по большому счету, никто не отменял, что вполне объяснимо. При всех «подвижках» диалога Иран — Запад антииранская коалиция хочет оставить за собою право в любой момент, как только Иран в очередной раз проявит «неуступчивость» или открыто выступит против этой американской стратегии на Ближнем Востоке (а начало реализации этой стратегии, тесно связанной с изменениями в доктринах НАТО, произошедших за последнее время мы видим уже сейчас), «трещину иранофобии» начнут заделывать всем богатым арсеналом средств — от денег до террора.

***

Март нынешнего года будет насыщен событиями на «иранском направлении». Готовящийся визит в Тегеран Кэтрин Эштон, основного архитектора политики Евросоюза в отношении Ирана, визит российского министра Алексея Улюкаева, новый этап борьбы за Сирию, в ходе которого США и антисирийская коалиция постараются сбить Тегеран и Москву с позиций, которые они занимают в отношении Дамаска и законного правительства Сирийской республики, — все это будет определять дальнейшую судьбу проекта «Иранофобия». Проекта, в который вложено так много ресурсов, что Запад так просто и без ожесточенной борьбы от него не откажется.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

Керманшах

